
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

**№ 2 (12)
2013**

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб, РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, Уфимский юридический институт МВД России)
д.п.н., профессор Подгурецки Юзеф (Республика Польша, Опольский университет)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор Малков В.П. (Казань, ИЭУП)
д.техн.н., профессор Минниханов Р.Н. (Управление ГИБДД МВД по Республике Татарстан)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Ф.К. Зиннуров, начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент С.Н.Миронов, заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиуллов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, психологии, социологии и педагогики
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической статистики, математики, информатики
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Корректоры Н.А. Климанова, О.Н. Хрусталева

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Комлев Ю.Ю.

Классификация теорий девиантного поведения 3

Еникеева С.З.

Влияние религиозного сознания на девиантное поведение..... 8

Шакирзянов М.А.

Мигрантофобия как социальное явление..... 14

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Андреев М.В.

Проблемы противодействия терроризму в международно-правовой доктрине..... 18

Романюк В.С., Мустаев Р.Ш.

Понятие административно-юрисдикционной компетенции органов внутренних дел и вопросы ее правового регулирования 24

Туркина Т.А.

О некоторых направлениях совершенствования профилактической работы по локализации преступности беспризорных..... 29

Бытко С.Ю.

О суверенной уголовной политике Российской Федерации..... 33

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Ольков С.Г.

Поиск уголовно-правовой стратегии противодействия особо опасной рецидивной преступности в современной России..... 37

Грачев С.И., Гасымов О.А., Попов А.С.

Идеология как определяющий компонент террористической активности и антитеррористической политики..... 45

Лабутин А.А.

«Мобильные» мошенничества: основные способы совершения 50

Шакирьянов М.М.

Профилактика экстремистских проявлений среди несовершеннолетних в Республике Татарстан..... 56

Шалагин А.Е.

Ответственность за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, по Уголовному кодексу Российской Федерации..... 60

Комлев Н.Ю.

Совершенствование социального контроля в системе исполнения наказания, связанного с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних осужденных 66

Власов Ю.А.

Безопасность человека как задача уголовного права..... 71

Борков В.Н.

Социальная обусловленность уголовно-правового запрета на бездействие власти 76

Шайдуллина Э.Д.

Вопросы квалификации объективных признаков преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции, ответственность за которые предусмотрена статьей 238 УК РФ..... 84

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА

Хайдаров А.А.

Принцип благоприятствования защите и его проявление в ходе рассмотрения уго-

ловного дела в суде первой инстанции.....	88
Рахматуллин Р.Р.	
Тактическая операция как оптимальная форма взаимодействия субъектов расследования преступлений в сложных следственных ситуациях.....	91
Мазуров И.Е.	
Криминалистическая техника: генезис развития понятия и проблема применения понятийного аппарата.....	96
 <u>МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ</u>	
Абакумова Е.В.	
Теоретические и практические подходы к пониманию института соучастия в странах СНГ.....	99
Курлович П.Н.	
Полиция в правоохранительной системе США	104
Олькова О.А.	
Исследование зависимости между умышленными убийствами, взяточничеством и степенью неравенства в распределении доходов народонаселения в современной Украине.....	111
 <u>Трибуна Молодым</u>	
Ефремова М.А., Кузнецов К.В.	
Уголовно-правовая охрана общественных отношений, обеспечивающих безопасность в сфере электронного документооборота.....	123
Кизимова И.Г.	
Использование интерактивных информационных технологий в обучении английскому языку	130
Кононов О.А.	
Некоторые вопросы, связанные с деятельностью оперативных подразделений полиции по противодействию экстремистским проявлениям среди молодежных группировок.....	135
Юнусов А.Л.	
Объект преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ.....	141
 <u>НАУКА И ПРАКТИКА</u>	
Всероссийская итоговая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы информационного обеспечения органов внутренних дел: вопросы теории и практики» (7 июня 2013 г.).....	147
 <u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....</u>	149

Ю.Ю. Комлев,
доктор социологических наук, профессор
(Казанский юридический институт МВД России)

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕОРИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Рассматривается проблематика девиантности в современной России. Предлагаются критерии и классификации теорий девиантного поведения

Ключевые слова: девиантное поведение, социальный контроль, теории девиантного поведения

The deviance perspective in modern Russia is considered. Criteria and classifications of theories of deviant behavior are offered.

Keywords: deviant behavior, social control, theories of deviant behavior

Для многих студентов и курсантов юридических вузов, сотрудников правоохранительных органов термин «теория» нередко звучит как абстрактная идея, имеющая весьма слабое и опосредованное отношение к обеспечению реального правопорядка и законности. Очевидно, что не всем, «грызущим гранит науки», с легкостью дается абстрактное мышление. Большинство людей в повседневной жизни, действительно, имеют дело с социальными фактами. Факты - «упрямая вещь», они реальны и более понятны, чем любая теоретическая конструкция, которая, как многие считают, нужна лишь для «умственной гимнастики».

Социальных теорий много, и они, по мнению скептиков, лишь гипотетически и отчасти определяют ту или иную модель реального поведения человека. Это, увы, распространенное, но весьма упрощенное и превратное представление ряда студентов и курсантов, а также практических работников о теориях в целом и теориях девиантного поведения, в частности, как о трудноприменимых и малопонятных «башнях из слоновой кости».

Между тем практикам из правоохранительных органов приходится стоять на страже законности и правопорядка, обес-

печивая соблюдение наиболее важных кодифицированных социальных норм, а также иметь дело с делинквентными личностями, всеми проявлениями негативной девиантности.

Девиантное поведение, как известно, состоит в систематическом отклонении индивида или группы от социальных норм. С одной стороны, девиантность выражается в реальных поведенческих актах, с другой, – это социальная конструкция – продукт символических определений в дисциплинарных институтах и обществе.

Девиантное поведение неоднозначно: по своим социальным или индивидуальным последствиям оно может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Девиантность фактически определяет механизм социальных изменений. Позитивные девианты - великие творцы и гении, опередив свое время, способствовали прогрессу. Однако многие из них, в лучшем случае, были преданы забвению, в худшем - сожжены на кострах инквизиции, как еретики.

Ученые больше внимания уделяют изучению негативной девиантности, поскольку рост ее масштабов и дифференциация в форме преступности, алкоголизма, наркотизма, проституции, суицидов, гемблинга -

проблема номер один в современном обществе. В конце второй половины XX века криминологическое сообщество, о чем пишет Н.Кристи, осознает наступление «кризиса наказания». Он проявляется как неспособность привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления. [1] В итоге постмодернисты, критически оценивая иллюзии и мифы модерна, основанные на вере в демократию, свободу и прогресс, заключают, что «феномен девиации – интегральное будущее общества».[2,р.2]

Девиантность как социальная практика и одновременно конструкт релятивна и конвенциональна, поэтому имеет сложную детерминацию. Действительно, социальная структура, процессы и культура современного общества во многом определяют модели девиантного поведения. Не так ли происходит, когда ограниченные каналы получения образования и работы в транзитивном обществе приводят к выбору многими молодыми людьми криминальных способов адаптации и обогащения или ретретизма (ухода в пьянство или наркотизм)? Ведь *main stream* в социокультурной модели российского капитализма, согласно теории напряжения Р.Мертона, прославляет погоню за материальным успехом любой ценой. Более того, все формы девиантности взаимосвязаны: пьянство и преступность порождают «пьяную» преступность, наркотизм тесно коррелирует с уличной преступностью, кражами и наркотрафиком. Социальные и технологические изменения как в традиционном, индустриальном, так и постиндустриальном, постсовременном обществе порождают все новые виды девиантности и преступности.

Очевидно, что девиантность – самый сложный общественный феномен, приблизиться к пониманию и объяснению которого в современном мире позволяют тщательно разработанные и верифицированные опытом девиантологические теории.

Теоретические модели отклоняющегося поведения являются отображением реаль-

ных ситуаций и девиантных практик. Эффективная теория помогает «расшифровать» казуальную сторону многих «трудных» для понимания девиантных и, особенно, делинквентных фактов и карьер, которые уже известны. Кроме того, теория создает посылы для понимания и объяснения природы новых, еще неизвестных фактов преступного поведения и иных форм негативной девиантности.

Теории девиантности дают ответы на самые общие вопросы о природе девиантного поведения. Главные среди них: почему? каким образом? чем вызвано или как действует?

Следовательно, девиантологическая теория – это набор упорядоченных утверждений, которые объясняют, как два или более факта девиантности или факторы их детерминации связаны друг с другом. Теория объясняет, каким образом фиксируемые опытом феномены девиантности взаимосвязаны друг с другом. Ответ на вопрос, почему одни люди (их большинство) приспосабливаются, а другие (их меньшинство) отклоняются от социальных норм, имеет не только умозрительный, но и прагматический смысл. Он является неотъемлемой частью любого проекта по реализации социализации и социального контроля.

Развитие и накопление знаний о девиантности позволило на стыке поведенческих и юридических наук сформировать девиантологию или социологию девиантного поведения и социального контроля – отрасль научного знания с богатым теоретическим наследием.

Очевидно, что для тех, кто планирует построить профессиональную карьеру в области правоприменения в полиции или других правоохранительных институтах, необходимо глубокое знание теоретических основ классической и современной девиантологии.

Фактически любая линия поведения, ведущая к преступлению как самому социально опасному виду девиантности, может быть описана той или иной теорией девиантного поведения. Теоретическое знание в вопросах понимания и объяснения пре-

ступности и других негативных отклонений актуально не только для профессионалов в области девиантологии, полицейского или формального социального контроля, но и для тех, кто занят социальной работой, образованием, участвует в механизмах социализации, гуманитарного воспитания молодого поколения в рамках институтов образования, культуры, масс-медиа. Впрочем, и все семейные люди, ответственные за воспитание своих детей, хотят, чтобы отпрыскам благоволила судьба, чтобы им удалось избежать роковых ошибок молодости, «тюрьмы или сумы».

Таким образом, теории девиантного поведения - предметная сфера не только девиантологов и криминологов, теоретиков и практиков, социальных работников и педагогов, но и самых обычных людей, которым не чужды плоды просвещения, а будущее своего потомства им видится в ракурсе конформизма или еще лучше - позитивной девиантности.

В современной мировой и отечественной науке наиболее развитой частью девиантологии принято считать криминологию или социологию преступности, поскольку сложная природа и преодоление преступного поведения всегда волновали обществоведов. Именно в криминологическом направлении сделано больше всего научных открытий и теоретических достижений.

Как известно, американский социолог и криминолог Эдвин Г. Сазерленд в 1947 году определил криминологию как учение о внутренних процессах законодательства (law-making), правонарушения (law-breaking) и правоприменения (law-enforcing). [3] Это определение задает одну из точек отсчета для классификации теорий в области девиантности и социального контроля.

Теории создания и применения уголовного права (theories of making and enforcing criminal law). Если в качестве основания для выделения теории рассматриваются, согласно Сазерленду, процессы уголовного правотворчества и судопроизводства, словом, сфера формального социального контроля над преступностью, то в такую

группу с определенной условностью относят теории создания и применения уголовного права. Эти теории предлагают ответы на вопросы о том, как и почему конструируется преступное поведение, а его носители определяются как преступники, какими правовыми способами государство противодействует преступности, что определяет вид предпринимаемых действий (меру наказания) в случае нарушения закона. Теории, пытающиеся раскрыть эти вопросы, увязывают социальные, политические и экономические переменные, которые объясняют процесс законотворчества, применение уголовного закона и действие системы судопроизводства.

Разумеется, желательно, чтобы теории в области социального контроля были ценностно нейтральными, а закон применялся бы одинаково для всех. Вместе с тем некоторые из них несут существенную ценностную и даже идеологическую нагрузку. Так, в теориях конфликта, в радикальной криминологии этот контекст очевиден, поскольку он обусловлен идеологической критикой капитализма, что весьма важно для дискуссии о справедливости уголовного закона и практики его избирательного применения в отношении разных социальных групп в классовом обществе. Решения по уголовным делам, которые больше зависят не от уголовно-правовых и процессуальных норм, а от социальных характеристик носителей преступного поведения (принадлежность к гендеру, классу, элите, олигархии или к «синим воротничкам» и андеграунду), не являются справедливыми. Они лишь демонстрируют селективность системы судопроизводства, уголовного права и его применения в современном капиталистическом обществе.

Таким образом, теории создания и применения уголовного права позволяют объяснить поведение участников законодательного процесса и работу самой системы судопроизводства. Общественные же дискуссии и прагматические споры о модели социального контроля над преступностью, ее эффективности и справедливости могут быть основаны на той или иной теории. Однако сами по себе обсуждения не явля-

ются теоретическим объяснением, почему разрабатываются и применяются законодательные акты. Теории создания и применения санкций, в том числе уголовного права, в девиантологическом дискурсе нередко именуют теориями социального контроля, поскольку они проливают свет на то, зачем необходимы законы, правовое регулирование социальных отношений и как действуют правоохранительная система, уголовное судопроизводство как институты социального контроля.

Теории девиантного поведения (theories of deviant behavior). Однако наиболее важной и многочисленной группой являются теории девиантного и, прежде всего, делинквентного поведения. Теории девиантности предлагают ответы на вопрос, почему люди нарушают социальные и правовые нормы. Впрочем, у этого вопроса есть две взаимосвязанные между собой части. Во-первых, они позволяют понять, отчего существуют определенные различия в уровнях девиантного и преступного поведения в разных социальных группах и общностях. С точки зрения гендерных различий, мужчины значительно чаще, чем женщины, становятся участниками криминальных актов. В полиэтнических и поликультурных обществах уровень преступности заметно выше, чем в обществах этнически однородных и с доминирующей культурой. Так, в Японии уровень преступности определенно и существенно ниже в удельных показателях, чем в США и наиболее развитых европейских странах. Во-вторых, теории девиантности дают ответ на вопрос о том, почему одни люди идут на совершение девиантных действий и преступлений, а другие - нет? Что определяет предрасположенность человека к нарушению норм-ожиданий и норм-правил? Почему один человек, имея возможность, совершает преступление, а другие люди с такими же возможностями, не преступают закон? Почему одни личности склонны выстраивать криминальную карьеру, а другие, один раз оступившись, навсегда отказываются от криминальной перспективы?

Как видим, первая группа вопросов концентрируется на выявлении социальных и групповых моделей девиантности, а вторая – на индивидуальных различиях и особенностях личности девианта. Если теория девиантности охватывает более общие типичные различия и общесоциальные детерминанты девиантности и делинквентности, то она относится к так называемым «макро»-теориям девиантного поведения. Если положения теории описывают причинный комплекс делинквентности и иных форм негативных отклонений на уровне личности или малой группы, то она относится к теориям девиантности «микро»-уровня.

Для различения теорий девиантного поведения используются разнообразные критерии. Д.Кресси обратил внимание на те из них, которые концентрируются на объяснении эпидемиологии или массовости распространения девиантности и преступности во всех слоях общества, с одной стороны, и на «уникальности» или на индивидуальном измерении девиантного поведения - с другой. Р.Айкерс разделял теории девиантности на структурные и процессуальные. Структурные теории показывают, что соотношение преступлений среди групп, общностей и классов определяется изменениями в социально-культурной структуре общества. Процессуальные теории утверждают, что люди совершают преступления, потому что они имеют определенный прошлый опыт делинквентности, пережили определенные события и приобрели специфические личные качества и реакции на те или иные криминальные ситуации.

Существует и такой способ классификации девиантологических теорий, в основе которого лежит группировка факторов и переменных, детерминирующих девиантность, в предметном поле тех или иных научных дисциплин. Наиболее распространенной в современной девиантологии стала такая классификация, которая опирается на *антропо-биологический, психологический и собственно социологический подходы.*

В *антропо-биологических теориях* объяснительная модель преступного поведения выстраивается в рамках доминирования антропологических, биологических, биохимических и генетических факторов поведения.

В *психологических теориях* детерминация девиантности описывается психологическими переменными, связанными со спецификой психоэмоционального развития личности, ее установками, психическими расстройствами и вытесненными состояниями, взаимодействиями в микро-среде. Впрочем, теории, созданные в рамках антропоцентризма, не исключают вторичного влияния социокультурных и иных структурных факторов на генезис девиантности.

Социологические теории девиантности исходят, прежде всего, из социоцентризма, рассматривая природу девиантности и преступления в предельно широком социальном контексте с учетом анализа культурной, структурной, процессуальной и социо-демографической стороны.

Нужно признать, что деление девиантологического наследия в мировой науке на три группы указанных выше теорий достаточно условно, поскольку многие категории в девиантологическом анализе коррелируют и дополняют друг друга. Например, понятия структуры и процесса взаимозависимы и частично совпадают, между биологией и психологией в природе девиантного поведения человека также немало общего. Социальный контроль трудно отделить от девиантности – это дополняющие друг друга категории, поскольку его чрезмерное применение посредством негативных санкций нередко порождает стигматизацию девианта и, как следствие, рецидивизм и девиантную карьеру.

Словом, многие из теоретических конструкций, моделирующих девиантное поведение, в процессе эволюции научных

представлений трансформировались в смешанные или интегративные теории, выстроенные по принципу сти, сформулированному Н.Бором. В интегративной перспективе анализа при нии новых концепций эффективно ключаются» непротиворечивые и «работающие» положения как структурных, так и процессуальных теорий девиантности, антропобиологических, психологических и собственно социологических концепций отклоняющегося поведения.

Современная девиантология широко использует универсальную методологическую платформу или рамку (framework), которую предоставляет социология как интегративная наука о современном обществе. Социологический дискурс позволяет эффективно объединять эвристический потенциал антропоцентристских и социоцентристских концепций девиантности. Это направление особенно активно развивается в зарубежной девиантологии последние 20 лет. Так, в работах Г.Барака, Р.Айкерса, Ф.Пирсона, Д.Эллиота, М.Крона и других криминологов социологической ориентации с мировой известностью широко используется интегративный подход в теоретическом моделировании девиантности как сложного социального явления и социальной конструкции. Впрочем, проблематика негативной девиантности активно изучается в рамках отдельных научных дисциплин социобиологами, психологами, педагогами, правоведами.

Таким образом, теории девиантности могут быть систематизированы в порядке, учитывающем структурно-процессуальный контекст, с выделением в исторической перспективе антропо-биологических, психологических и собственно социологических теорий, а на постсовременном этапе развития общества и наук о нем еще и интегративных концепций девиантного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Кристи Н. Пределы наказания. М.,1985.
- 2.Higgins P, Butler R. Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company,1982.
- 3.Akers R. Criminological Theories. Los Angeles,1997.

С.З. Еникеева,
кандидат педагогических наук, доцент
(Казанский юридический институт МВД России)

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ НА ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются процессы конструирования социальных норм и девиантного поведения под влиянием религиозного сознания.

Ключевые слова: религиозное сознание, девиантное поведение, манипуляция, социальный контроль, конструирование девиантности.

The article examines the processes of constructing social norms and deviant behavior under the influence of the religious consciousness.

Keywords: religious consciousness, deviant behavior, manipulation, social control, construction of deviance.

Клерикальные тенденции, имеющие место на современном этапе развития общества, создают условия для усиления воздействия религиозного сознания. Эрих Фромм под религией понимал «любую разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения».[1] Понятие «религиозное сознание» трактуется как причастность к определенным религиозным идеям и ценностям, усвоенным в процессе распрямления, и, как следствие, принадлежность к определенной религии и религиозной группе. Одним из важных компонентов религиозного сознания являются религиозные чувства – это эмоциональное отношение к сверхъестественному в соединении с религиозной верой.

Уровни религиозного сознания проявляются в обыденной традиции в личном отношении, совокупности представлений, образов, традиций, чувств, непосредственно отражающих объективную реальность, присущих всем верующим, а на теоретическом уровне – в теологическом подходе в

анализе действительности, формировании догматических основ образа жизни. Именно теоретическое религиозное сознание закрепляет образцы поведения, сформировавшиеся в обыденной практике, на уровне сакральных значений, тем самым реализует легитимирующую функцию религии, становясь регулятором в процессе поддержания образцов поведения.

В социальной практике прослеживается влияние религиозного сознания, создающее предпосылки для оппозиции «свой-чужой», что и трактуется как девиация, ересь, несправедливость, поскольку абсолютных норм не существует. Девиантность в религиозном контексте есть отступление от религиозных догм, нормативной системы определенной религии или группы религий. Феноменология конструирования девиантности прослеживается в оппозиции политеизма и монотеизма, религиозных идей (христианство и ислам), различных прочтений внутри одной конфессиональной группы (направления в христианстве – православие и католицизм). Неприятие «внешнего» мира провоцирует отторжение

по отношению и к секулярному сознанию, расценивая его как отклонение в мировосприятии.

Религиозное сознание имеет как конструктивное, так и деструктивное влияние на девиантное поведение. При том, что девиация может рассматриваться как с точки зрения положительных результатов деятельности, нарушающей привычный мир с целью его обновления (творческая художественная и изобретательская деятельность), так и отрицательной - нарушения доминирующих социальных и правовых норм, (фанатизм, алкоголизм, наркомания, проституция, игровая зависимость, самоубийство,). Здесь следует помнить, что талант, гениальность могут быть проявлением патологических отклонений в социальном действии и психике (В.Ван Гог, Ф.Ницше, Ф.Достоевский и т.д.).

Культуросоздающее и культуротранслирующее влияние религиозного сознания активизирует на определенном этапе общественного развития творческую созидательную деятельность. В частности, в эпоху средневековья в Европе именно христианство создало условия для развития литературы, изобразительного искусства, музыки. Художники, вдохновляясь сюжетами, создавали произведения искусств, которые со временем приобретали общечеловеческое значение, в расширенной интерпретации, выходя за рамки узко экзегетических значений. Так, библейская тема Давида в поэтапном историческом прочтении с точки зрения проевропейского сознания приобретает символическое значение личности с неограниченными интеллектуальными и волевыми возможностями, тогда как даосская (плыть по течению) и буддийская (постижение истины через состояние нирваны) ментальность интерпретирует ее как девиацию.

Сегодня существующая правовая система – это проходящая путь индивидуальной адаптации на определенных этапах и территориях система норм, первоначально зафиксированная в монотеистической традиции в виде Заповедей Ноа и Закона Моше, письменно закрепленных в священных текстах авраамистических религий.

Меры социального контроля заложены в Законах Моше (Тора): «не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не свидетельствуй ложно о ближнем твоем, не вожделей дома ближнего твоего; не вожделей жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что у ближнего твоего» (Исх. 20:2-14). Они регулируют не только новые значения в направленности личности, определенную систему ценностей, имеющую сверхъестественную основу, но и составляют квинт-эссенцию системы табу, исторически формировавшуюся в течение нескольких тысячелетий. Базовые представления монотеизма, кодекс абсолютных истин и принципов, сформулированных в десяти заповедях, будучи логическим продолжением языческих норм, в то же время, разрушали их, отказываясь от прецедентных представлений о мире. В свою очередь, они формировали в дальнейшем основу для развития современной правовой системы и системы социального контроля.

В основе сознания монотеизма лежит внешний контроль в лице трансцендентного, персонального и нормативного божества, универсального, властвующего над всем миром. Он персонален, что предполагает возможность строить личные доверительные взаимоотношения с предметом поклонения на уровне «я-ты», и создает условия для полной зависимости человека от него, компенсируя страхи и чувство незащищенности, одновременно с аддиктивностью от внешней силы («Бог дал, Бог взял.»). Все, что не соответствует догме, расценивается как грех, ошибка. Внушается комплекс вины и зависимости на основе осознания греховности человеческой природы, что преодолевается покаянием и исповедью. Понятие «греха», ошибки, совершаемой человеком, с точки зрения религиозных предписаний значительно шире, чем правовое понятие «преступление».

Греческое слово метанойя — «покаяние» означает «перемена ума», «перемена мыслей». Религиозное сознание направляет к изменению образа мысли и образа жизни, отказу от несправедливых дел и помыслов. Синонимом покаяния является часто

встречающееся в Библии слово «обращение»: «Обратитесь каждый от злого пути своего и исправьте пути ваши и поступки ваши» (Иер.18:11). По религиозным представлениям человек грешен от природы. Главное даже не факт ошибки, а глубокое раскаяние, осознание собственного несовершенства.

Вместе с тем, в силу логики развития религиозных институтов, современные мировые религии на ранних этапах своего существования расценивались как сектантство, т.е. собственно религиозная девиантность. Однако по мере их распространения и усиления влияния, особенно после того, как они получили поддержку на государственном уровне, приобрели статус государственной религии, основные предписания религиозной идеи становятся базисом социальной нормы. Ведущим основанием политики царя Ашоки была веротерпимость. Покровительствуя буддийской общине, он не возвел буддизм в статус государственной религии, но способствовал распространению учения.

В ходе распространения и утверждения религиозных идей, впоследствии ставших мировыми религиями, возникли теократические государства, такие, как Ватикан, Саудовская Аравия, Иран, Бутан, Лаос. Как отмечал Н.Смелзер, «когда девиация становится коллективной, девиантная группа приобретает большее влияние в обществе, чем ее представители, действующие в одиночку». [2]

Религиозная традиция в процессе своего саморазвития в истории человечества предложила две формы «хода событий»: с одной стороны, слом существующих норм, самоутверждение принципиально новой позиции, сопровождающейся агрессивной и непримиримой борьбой с существующими нормами, правилами, ритуалами, которые расценивались как девиация с точки зрения новой религиозной идеи. Если первые христианские объединения были сектой, отсековением по отношению к иудейской традиции и отвергали язычество, то со временем, по прошествии тысячелетия, в Европе не было людей, которые не верили в единого Бога. В свою очередь,

девиацией становится и агрессивно преследуется все, что не соответствует утвердившимся религиозным нормам. Христианская церковь ведет непримиримую борьбу с идолопоклонниками и еретиками, ведьмами, внешними и внутренними (иконоборчество) врагами кострами инквизиции, карая любое инакомыслие (трагическая судьба Джордано Бруно, Галилео Галилея).

Разночтения в правилах и обрядах с точки зрения отдельных религиозных направлений, например, католиков и протестантов, обвиняющих друг друга в отклонении от истинной веры, приводили в истории к кровопролитным столкновениям, которые принесли гибель десяткам тысяч парижан («Ночь длинных ножей» 24 августа 1572 года).

С другой стороны, на территории азиатской части континента в большей степени проявляется или национально замкнутая традиция, или взаимопроникновение. На основе индуистской философии и практики возникли условия, которые способствовали укреплению внутринационального единства в противостоянии внешнему врагу. Индуизм, несмотря на экспансию Великих Моголов, ислама в течение более трехсот лет с 1526 по 1858 годы, английское владычество, христианство, соответственно, с середины XVIII века по 1947 год, позволил народам, проживающим в Индии, сохранить национальную самоидентичность. Диффузное слияние языческих традиций, норм и национальных религий с буддийскими идеями привело к возникновению различных школ. Буддизм, как вода, проникая на территории государств юго-восточной Азии, принимает соответствующие месту формы национальных и политеистических традиций, усовершенствует и сплачивает на основе глубокого взаимопроникновения на экзистенциальном уровне (рёбусинто).

Религия компенсаторно восполняет односторонность, зависимость от жизненных обстоятельств, слабость людей в процессе адаптации, перестройки сознания и переустройства объективных условий существования. Широко применяется прием под-

мены понятий. Реальное угнетение преодолевается «свободой в духе», социальное неравенство превращается в «равенство» в греховности, в страдании; церковная благотворительность, милосердие, призрение, перераспределение доходов смягчают бедствия обездоленных; разобщенность и изоляция заменяются "братством во Христе", в общине; безличные, вещные отношения безразличных друг другу индивидов возмещаются личностным богообщением и общением в религиозной группе и т.д. [3]

Релятивность социальных норм в ходе истории находила различные проявления. В догреческие времена Гестия (Веста) была воплощением богини Луны. Посещение женщинами храма Весты включало сакральные, обращенные к Луне, ритуальные сексуальные действия, посвященные плодородию. Родившийся в результате ребенок являлся священным и мог стать царем. Позднее Древнем Риме, если весталку, которая должна была хранить целомудрие в течение тридцати лет, поддерживая священный огонь в храме, обвиняли в прелюбодеянии, то это заканчивалось казнью, ее заживо закапывали, а мужчину, осквернившего весталку, забивали розгами. Авраамиистические представления о норме делят человека на высокий дух и «мерзкую» плоть, с которой необходимо постоянно бороться, преодолевать искушения, строго придерживаться ограничений и запретов, прежде всего, касающихся физиологических потребностей человека, секса, питания, сна. Однополюсные отношения в эпоху язычества, особенно в военных походах, были нормой, с усилением патриархата и приходом монотеизма они переходят в разряд осуждаемого содомского греха.

Внутренние проблемы религии являются причиной падения смысла и значения религиозной идеи в глазах общества. Причем это происходило не только в прошлом, неприятие современным западным обществом ислама происходит во многом из-за религиозных преступлений, совершаемых его приверженцами. Целибат провоцирует различного рода отклонения, гомосексуализм, педофилию, что создает серьезные внутренние проблемы в католичестве, глу-

бокое неприятие этих феноменов как самими верующими, так и всем мировым сообществом в целом.

Результаты виктимологического анализа японских социологов и криминологов констатируют, что «преступность в стране удерживается на весьма низком по международно-согласованным меркам уровне» [4]. Криминологические и социальные предпосылки и условия этого феномена современного японского общества, безусловно, имеют свои основания, но в основе синтоистской ментальности (хотя лишь 30% населения Японии позиционируют себя как верующие) лежит внутреннее стремление к психо-эмоциональному сбалансированному сосуществованию с объективной реальностью, религиозной целью которого является достижение гармонии с самим собой и окружающим миром. Яркое выраженный самоконтроль является регулятором на уровне подсознания, формируя внутренние ограничители, что в рациональном сознании формулируется как совесть.

Религиозное сознание создает почву для политических, социальных и иного рода манипуляций, провоцирующих девиантное и делинквентное поведение с точки зрения международных правовых норм, при этом организаторами событий оцениваемое как патриотизм, борьба с внешним врагом, неверными. Так, синтоистское сознание предполагает переход в состояние ками (духа) после физической смерти, каждый умерший, не нарушивший законов цуми, становится ками. В основе манипуляции сознанием молодых людей, получивших статус камикадзе (вольный дух) в годы Второй мировой войны, лежало синтоистское представление о ками, духовной сущности, присутствующей во всех проявлениях жизни. Фактически идет подмена понятия «смерть» на представление о переходе в новое качество существования, что обосновывается с религиозной точки зрения жертвенный суицид, трактуется его как подвиг. Аналогичный механизм манипуляции сознанием на основе религиозных представлений на современном этапе находит свое проявление в деятельности политиче-

ских экстремистских организаций, использующих мусульманские представления в процессе вовлечения верующих молодых людей в террористическую деятельность с обещанием непрямого достижения конечной религиозной цели (пребывания в раю), минуя все препятствия. Становятся обоснованными и поощряемыми массовые убийства (преступность) и самоубийства, такие, как самосожжение членов “Храма Солнца” в Швейцарии.

Религиозная патология, болезненные процессы внутри религиозных конфессий, находит свое проявление в религиозном фанатизме, религиозном экстремизме и религиозной преступности.

Суть любого экстремизма как крайней формы религиозного фанатизма - в применении насилия к инакомыслящим. Фанатизм начинается тогда, когда любое отклонение от доктрины расценивается как руководство к агрессивным действиям. Примером фанатизма именно в такой трактовке являются возмущения исламского мира по поводу карикатур на пророка Мухаммеда, когда запрет на изображение, существующий в исламе, стремятся транслировать на весь остальной мир.

Степень насилия тоже может быть различной: от акций протеста до расправы над инакомыслящими и даже до их физического уничтожения. И тогда религиозный экстремизм перерастает в религиозную преступность. Религиозные преступления могут совершать отдельные лица, отдельные религиозные организации и даже целые государства.

В условиях кризисных состояний общества, сопровождающихся разрушением сложившихся социальных норм, активизируются различные формы девиантного поведения, в том числе религиозного деструктивного поведения. Оно детерминировано естественным для этой ситуации поиском смысла жизни, фрустрированностью социальных потребностей эмоциональными проблемами, такими, как страхи, напряжение, вызванное тревожными состояниями, чувством незащищенности.

В 90-е годы это спровоцировало так называемую религиозно-мистическую волну,

которая несла в себе надежду на духовное и религиозное возрождение. Возникли религиозные вероучения, создающие условия для социальной дезадаптации. Они формируют когнитивные искажения, неадекватные установки, поскольку содержат проповедь агрессии и насилия против инакомыслящих и даже по отношению к себе лично. Апологеты деструктивных религиозных объединений разжигают различные формы розни, призывают к отказу от частной жизни, передаче личной и частной собственности в пользу секты и ее лидеров, к неисполнению гражданского, общественного и семейного долга. Они провоцируют поведение, оскорбляющее общественную мораль, ценности национальной культуры, историческое и духовное наследие народа, мотивируя допустимость и необходимость таких действий сакральной, мистической избранностью. Истинное проявление религиозности, достижение мистического совершенства предполагается через экстатические трансовые состояния на фоне физического и эмоционального истощения, формирует условия для религиозного фанатизма.

Проявлением религиозной патологии, безусловно, является фанатизм внутри некоторых конфессий, деструктивных сект. В общинах пятидесятников имели место случаи, когда процедура «изгнания бесов» превращалась в садистские истязания людей. В ряде общин обряды, направленные на достижение экстатических состояний, провоцируют истерические припадки, верующие в сумеречном состоянии сознания совершают уголовные преступления. Особенности религиозных обрядов ряда современных сект проводятся в условиях строжайшей секретности, обряды посвящения зачастую включают с использованием галлюциногенов.

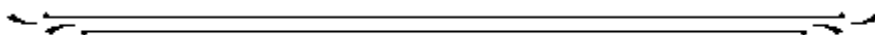
Фанатиков (в том числе экстремистов и преступников) на деструктивное поведение вдохновляла своеобразная убежденность в существовании сверхъестественного, искаженное прочтение священных текстов. Именно сакральным, мистическим удобнее оправдывать свои действия в обрядах экзорцизма — процедуре изгнания

бесов и других сверхъестественных существ с помощью молитв из человека, которого с точки зрения религиозных представлений оценивают как одержимого. В монастыре Святой Троицы в румынской деревне Таначу страдавшая шизофренией 23-летняя послушница Маричика Ирина Корничи предположительно умерла от обезвоживания и недостатка кислорода. Ее несколько дней держали связанной без пищи и воды, после чего приковали цепями к кресту и оставили висеть на нем, заткнув рот кляпом. Тело девушки было найдено три дня спустя. Священник и монахини, участвовавшие в истязании, мотивировали свои действия «изгнанием беса»[5].

Таким образом, религиозное сознание на теоретическом уровне закрепляет существующие социальные нормы, выбирая те, которые способствуют утверждению религиозной идеи. В этом процессе оно имеет как конструктивное созидательное, так и деструктивное влияние на девиантное поведение. Деструктивное влияние имеет следующие формы: агрессия, аутоагрессия (суицидальное поведение), аномалии сексуального поведения, сверхценные психологические увлечения (религиозный оккультный, сектантский фанатизм), коммуникативные девиации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм Э. Психоанализ и религия. Сумерки богов. Ф.Ницше, З.Фрейд, Э.Фромм, А.Камю, Ж.П.Сартр. М.: Политиздат, 1990. С.78.
2. Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 226-227.
3. Религиоведение: учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. проф. И.Н. Яблокова. М.: Гардарики, 1998. С. 299-301.
4. Ерёмин В. Как Япония справляется с преступностью
URL:<http://www.proza.ru/2007/03/02-384>
5. <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=243>

М.А. Шакирзянов,
кандидат исторических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

МИГРАНТОФОБИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Статья посвящена актуальной социально-экономической и политической проблеме РФ – проблеме миграции населения после распада СССР и появлению в различных уголках России нового явления – мигрантофобии. Обострение мигрантофобии вызвано совокупностью факторов: фактора человеческих отношений, фактора межнациональных противоречий, фактора ментальности, исторического фактора, фактора социальной конкуренции, ростом урбанизации и т.п. Для решения проблемы вынужденных мигрантов необходимы понимание населения и поддержка государства, а их весьма сложно получить.

Ключевые слова: миграция, ксенофобия, политика, толерантность, урбанизация, демографический фактор.

The article is devoted to the actual socio-economical and political problem of the Russia – the problem of the migration of the population after the disintegration of the USSR and to the new phenomenon – the migrantophobia, which appeared in the different parts of Russia. The sharpening of the migrantophobia is caused by combination of factors : a factor of human relations, a factor of interethnic collisions, a factor of mentality, a historical factor, a factor of a social competition, a growth of urbanization etc. In order to solve the problems of forced migrants they need to be understood and supported by the state but it is extremely difficult task.

Keywords: migration, xenophobia, tolerance policies, urbanization, demographic factor.

Современную социально-политическую ситуацию в России можно охарактеризовать как кризис взаимодействий. Распад СССР, изменение стереотипов и установок, ценностных приоритетов в условиях экономического кризиса привели к нестабильности системы общественных и межэтнических отношений. Появился феномен мигрантофобии, который способствует росту межэтнической напряженности. Данный феномен в настоящее время стал объектом пристального внимания различных наук: политологии, социологии, этнографии, истории, демографии, этнической психологии.[1] Проблема интеграции, то есть полноценного включения в жизнь местного сообщества мигрантов, является одним из самых важных элементов соци-

ально-политической безопасности. В условиях социального кризиса, вызванного проблемами безработицы, адаптацией к новым экономическим правилам, отсутствием идеологической базы, создается благоприятная социальная почва для произрастания и массового проявления ксенофобии как чувства недоброжелательности или ненависти. Мигрантофобия является специфической разновидностью ксенофобии, и этот феномен имеет сфокусированный на объекте психологического переживания характер. Образование независимых государств на территории бывшего СССР и наличие прозрачных границ между странами СНГ создали благоприятные условия для бесконтрольного проникновения на постсоветское пространство нелегальных.

мигрантов из дальнего зарубежья. Возросла нелегальная миграция и между странами СНГ, в основном на территорию России. Ситуация сегодня усугубляется тем, что Россия мигрантов не хочет, но обойтись уже без них не может. Миграционная политика декларирует борьбу с нелегальной миграцией. Реально же все механизмы устроены так, чтобы выдавить мигрантов из правового поля, оставив место только тем, согласен жить в положении рабов. Бесплатную рабочую силу можно держать в постоянном страхе и зависимости, что и происходит в реальности, особенно в мегаполисах. Общность проблем, с которыми вынужденные мигранты сталкиваются в России, незначительность либо полное отсутствие государственной помощи стимулируют переселенцев к самоорганизации для самообустройства. Например, неправительственная организация «Форум переселенческих организаций в России» охватывает уже более 150 локальных мигрантских объединений. [2]

В силу масштабов и специфического характера миграции последних лет в России возникает первое, важное для понимания истоков мигрантофобии отличие этой миграции от прежних миграционных потоков, состоящее в том, что вынужденные мигранты становятся объектом общественного внимания, а взаимоотношения в местах притока переселенцев складываются не между отдельным мигрантом и принимающей общиной, а чаще всего между местным и пришлым сообществами. При этом хорошо известно, что реальные социальные и межэтнические конфликты, разного рода фобии и мифологемы возникают не в межличностных, а именно в межгрупповых отношениях. Обострение мигрантофобии вызвано совокупностью факторов межэтнических отношений: фактора социальной конкуренции, фактора религиозных противоречий, фактора ментальности, исторического фактора, демографического фактора, фактора межличностного взаимодействия в системе «местные жители - мигранты», фактора численности мигрантов и особенности их расселения в локальной среде местных жителей, фактора ре-

гиональной миграционной политики, фактора этнической принадлежности мигрантов, фактора манипуляции сознанием.

В исследованиях отношений между вынужденными мигрантами и местным населением, основанных на кросскультурном психологическом анализе, не раз отмечалось гораздо более сильное преобладание положительной самооценки (или автостереотипа) над отрицательной у переселенцев по сравнению с местными жителями. Это объясняется, в основном, более высокой потребностью вынужденных мигрантов в психологических механизмах, сплачивающих группу, повышающих позитивную идентичность ее членов. Отчасти такая высокая самооценка сформировалась у переселенцев еще в странах выхода и проистекала из их роли своего рода культуртрегеров. Подобная самооценка являлась одной из причин конфликтности их отношений с коренным населением стран прежнего проживания. Этот конфликт они в определенной мере импортируют в Россию. В наибольшей степени актуализируется он в малых городах и селах, население которых воспринимается высокоурбанизированными переселенцами как малокультурное и провинциальное. Кардинальным образом изменилась ситуация в принимающей России. К важнейшим изменениям, которые могли повлиять на менталитет и на повышение уровня мигрантофобии, относятся, во-первых, серьезное ухудшение положения на рынках труда, появление и рост безработицы, сильное имущественное расслоение общества и обеднение большей части российского населения, что значительно повысило роль такой компоненты, как конкурентность в восприятии этим населением притока мигрантов. Во-вторых, развитие процесса регионализации и политизация региональности привели к мобилизации локальной идентичности, существовавшей раньше в пассивных латентных формах, и к обострению на ее основе противопоставления «свой-чужой». Этому же способствовало и резкое снижение территориальной мобильности населения России после 1992 года, которое сильно сократило кон-

такты и усилило замкнутость местных сообществ. С первыми симптомами начала распада СССР в конце 80-х годов масштабы и характер миграции в Россию из союзных республик резко изменились.

За пятилетие после распада СССР (1992-1996 гг.) прирост населения России за счет обмена с бывшими союзными республиками составил 2,9 млн человек, что больше, чем за три предыдущие пятилетия вместе взятые (2,4 млн чел.), или примерно в 2,5 раза больше, чем за каждое из них. Такой стремительный и масштабный рост миграционного пополнения не мог остаться незамеченным принимающим населением России.

Наряду с ростом масштабов переселение в постсоюзные годы изменилось и содержательно, приобретя преимущественно вынужденный характер. Начался процесс массовой вынужденной миграции, охватившей как насильственное вытеснение целых этнических групп (армян из Азербайджана, азербайджанцев из Армении, турок-месхетинцев из Узбекистана), так и выезд (главным образом возвращение на «свои» территории) других групп титульного населения, увидевших для себя опасность в меняющейся ситуации, почувствовавших себя игроками на чужом поле, испытывавших нарастающий этнический и социальный дискомфорт. Общность проблем, с которыми вынужденные мигранты сталкиваются в России, незначительность либо полное отсутствие государственной помощи усиливают эту тенденцию, стимулируя переселенцев к самоорганизации для самообустройства. Весьма специфична в условиях вынужденной миграции и роль ситуации на рынках труда. Для обычных миграционных потоков в качестве доминирующего мотива переселения чаще всего выступает улучшение трудоустройства (обеспечение более высоких заработков, продвижение профессиональной карьеры и т.д.), и мигранты переезжают после того и в связи с тем, что нашли более привлекательное рабочее место. Добровольная или обычная миграция не связана с серьезными ухудшениями общей конъюнктуры на рынках труда. При наличии таких ухудше-

ний можно говорить уже о вынужденной миграции (экономической). Для вынужденных репатриантов в Россию из новых независимых государств, во-первых, ситуация на рынках труда в местах оттока складывается неблагоприятно в силу не только экономических, но и этнополитических причин, дискриминационной по этническому признаку кадровой политики. И это лишает их перспективы, надежды на улучшение трудоустройства и повышение профессионально-социального статуса в будущем даже при условии улучшения экономической ситуации в новых независимых государствах, по крайней мере до завершения периода их национально-государственного строительства. Кроме того, трудоустройство – не единственная сфера жизни, где они не видят для себя перспектив в новых геополитических условиях. Поэтому единственным выходом они считают переселение на постоянное жительство, а никак не временный переезд или поездки для подработок. Во-вторых, поскольку конъюнктура на рынках труда принимающей страны - России - чрезвычайно плохая, для переселенцев практически вообще не стоит вопрос об улучшении трудоустройства. Мало кому удастся найти хоть какое-то рабочее место заранее, до переселения. Чаще всего они едут в неизвестность, и их трудоустройство после переезда резко ухудшается. Таким образом, массовый приток переселенцев в Россию происходит невзирая на тяжелую ситуацию на рынках труда и резкое ухудшение трудоустройства после переезда. Сдерживающее влияние ситуации в России, отразившееся в постепенном уменьшении притока в последние три года, действует лишь благодаря относительно спокойному развитию в странах, где русскоязычное население имеет пока еще большой эмиграционный потенциал. При дестабилизации положения этот фактор не сможет удерживать очередную волну возвращения этнических россиян. В-третьих, образовательный и профессионально-квалификационный уровень вынужденных мигрантов очень высок и в среднем намного превышает соответствующие характеристики

принимающего российского населения. Это связано с выполнявшейся россиянами в этих странах ролью, с соответствующим очень высоким уровнем урбанизации русского населения за пределами России, а также с преимуществами, длительное время сохранявшимися за ними на рынках труда.

Весьма значительная часть притока вынужденных мигрантов оказывается в малых городах и сельской местности, где они ощущают отношение нового социального окружения как гораздо менее благоприятное, чем в больших городах. Во-вторых, уровень негативной реакции на появление мигрантов в разных типах поселений определяется различиями в социокультурной дистанции между принимающей общиной и приезжими. И здесь противоположность полюсов - города и села - связана уже не только с размерами принимающей общины, но и с ее урбанизированностью. В селах гораздо чаще, чем в городских поселениях, местные жители характеризуют высокоурбанизированных переселенцев как не умеющих и не желающих работать. Довольно значительная часть принимающего российского населения - 31% - находит что-то положительное в притоке вынужденных мигрантов, 38% опрошенных дают ответы о необходимости

предоставления помощи мигрантам в адаптации, в том числе связанной со значительными материальными затратами и соответствующими изъятиями из общих скудных государственных и региональных ресурсов, а 49% местных жителей считают, что необходимо оказывать материальную помощь соотечественникам в странах СНГ и Балтии. Потенциал толерантности жителей России можно считать довольно значительным, учитывая, что сами они также находятся в ситуации дисадаптации и борьбы за выживание. И у этого потенциала есть большие резервы для развития. Прежде всего, это пересмотр практической миграционной политики, государственная помощь потенциальным мигрантам в реализации переезда и повышение целесообразности их расселения в России. Еще одним важным резервом является усиление личных контактов, непосредственного взаимодействия между местным населением и вынужденными переселенцами, что позволило бы сместить акценты взаимоотношений с межгруппового уровня на межличностный. Данные исследований показывают, что наличие личных контактов с местными жителями существенно уменьшает негативное восприятие переселенцами отношения со стороны новой социальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. М., 1999; Нос Н.М. Мигрантофобия как социальное явление в структуре межэтнических отношений: дис. канд. социол. наук. Краснодар, 2007. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
2. Бондаренко Е. Миграционная служба в борьбе с незаконной миграцией. М., 2008. С.14.

М.В. Андреев,
доктор юридических наук, профессор
(Казанский юридический институт МВД России)

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

В настоящей статье раскрываются аспекты международно-правовой проблематики противодействия терроризму на современном этапе. Основное внимание уделено юридической природе обоснования акций возмездия государств за уже совершенные террористические акты.

The article takes a look at the international law aspects of combating terrorism in the modern period, with a particular focus on the legal nature of justifying state retaliation for the acts of terror previously perpetrated.

Ключевые слова: международная безопасность, коллективная безопасность, национальная безопасность, терроризма, международный мир и безопасность, международные организации, акции возмездия, Совет Безопасности ООН.

Key words: International security, collective security, national security, terrorism, international peace and security, international organizations, act of retaliation, UN Security Council.

Международный терроризм сегодня объявлен ключевой угрозой как национальной безопасности России [1], так и международному миропорядку. Нужно сказать, что до известных событий 11 сентября 2001 г. мировое сообщество достаточно инертно относилось к проблеме международного терроризма. И только после этого страшного теракта в Америке начался активный поиск решения эффективных средств возмездия. В этом отношении международный терроризм вскрыл ряд серьезных правовых проблем.

Во-первых, в современном международном праве нет единого подхода к определению международного терроризма. Такое согласованное определение, отраженное в международно-правовых нормах, абсолютно необходимо как минимум для целей верной квалификации деяний, выбора средств (национальной или международно-правовой защиты), юрисдикции и по многим другим причинам. Работа по выработ-

ке единого согласованного определения терроризма идет давно, но, к сожалению, безуспешно. Еще в 1972 г. Генеральная ассамблея ООН образовала для определения понятия «терроризм» комитет «ad hoc» по терроризму. Так, по мнению профессора Е.Г. Ляхова, изучившего многочисленные определения понятия международного терроризма, предпринятые Спецкомитетом, эти определения существенно отличаются друг от друга, во многих из них смешиваются понятия «терроризм» и «международный терроризм», «объект» и «предмет» преступления, при этом ряд положений, в частности об отнесении международного терроризма к категории международных преступлений, признание его особо опасного характера и др., могут быть учтены при выработке общеприемлемого содержания понятия «международный терроризм» [2.] Нужно признать, что именно отсутствие четкого определения международного терроризма не дало воз-

возможности включить данный состав в компетенцию Международного уголовного суда (в соответствии с Римским статутом 1998 г. Международному уголовному суду подведомственны только четыре состава: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия). В действительности сегодня складывается ситуация, когда одинаковые по составу деяния, но совершенные разными сторонами конфликта, с одной стороны, являются составляющими антитеррористической операции, а с другой – расцениваются как акты терроризма. Ярким примером такого подхода являются действия иракцев против оккупировавших их государство войск так называемой «антииракской коалиции» [3].

В национальном законодательстве многих стран терроризм фигурирует как отдельный состав. Так, в действующем УК РФ под терроризмом понимается «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угрозы совершения указанных целей в тех же целях» [4]. Однако нужно признать, что и данное определение далеко не идеально. В нем, в частности, перечислены не все цели, в которых может быть совершен террористический акт. Так, например, провокация войны, изменение репутации страны в международном общественном мнении и многие другие цели могут иметь место. С определением же международного терроризма еще сложнее – как выявить эту тонкую грань между терроризмом внутренним и международным. По кругу лиц, совершающих теракт, по объекту преступления, по масштабу последствий...? В доктрине нет согласованного подхода. Более того, с развитием глобального общества меняется и сам терроризм как явление, появляются его новые виды и аспекты. Так, по мнению экспертов, «в международном праве не кодифицированы нормы,

регулирующие вопросы борьбы с такими новыми видами терроризма, как политический терроризм, корыстный терроризм, кибертерроризм, информационный, космический терроризм и др.» [5].

Вторым и, пожалуй, главным вопросом относительно современной проблематики международного терроризма является выбор и механизм осуществления мер воздействия на субъектов террористической деятельности (выбор средств воздействия, их направленность, границы и др.). Привлечь к уголовной ответственности террористов, как уже указано выше, можно только в рамках национальной судебной юрисдикции. Однако в случае международного терроризма данные преступники (как те, которые уже совершили теракт, так и потенциальные террористы) находятся, как правило, за пределами государства. В связи с этим встает вопрос межгосударственного взаимодействия по данной проблеме. В современной практике сложились следующие политико-правовые многосторонние механизмы:

- в рамках универсальных организаций (в первую очередь сотрудничество через Контртеррористический комитет СБ ООН);
- в рамках региональных организаций (Антитеррористическое подразделение ОБСЕ, Региональная антитеррористическая структура ШОС, Антитеррористический центр СНГ и др.);
- в рамках отдельных региональных соглашений (например, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, которую Россия подписала 17 ноября 2005 г.);
- в двустороннем формате (в рамках рабочих групп Россия – Германия, США – Россия и др.);
- в рамках сотрудничества со специализированными организациями (например, с Интерполом, ФАТФ и др.).

Рассмотренные форматы предусматривают мирный межгосударственный диалог при помощи политических, дипломатических усилий. Однако США и ряд других стран сделали ставку на силовой способ межгосударственного взаимодействия. Формальные основания действовать США

получили, прежде всего, на основании решений Совета Безопасности ООН. 12 сентября 2001 г. СБ ООН «резко и самым решительным образом осудил эти террористические нападения и квалифицировал такие акты, как и любые другие акты международного терроризма, как угрозу международному миру и безопасности», [6] в резолюции от 28 сентября СБ ООН подтвердил необходимость бороться всеми средствами (в том числе и военными) с угрозами мира и безопасности, создаваемыми международным терроризмом в порядке ст. 51 Устава ООН [7]. Но так ли однозначно возникает право на самооборону при подобных актах международного терроризма?

В действительности ст. 51 Устава ООН не указывает субъекта вооруженного нападения (т.е. им может быть не только государство или связанный с конкретным государством субъект), право государств на самооборону может быть осуществлено также в ответ на нападение негосударственных организаций и образований, фактически любой группы лиц. Однако против кого и в какой степени правомерны военные контр-меры в соответствии с рассматриваемой статьей Устава? Как известно пятнадцать из девятнадцати террористов 11 сентября 2001 г. были гражданами Саудовской Аравии, однако военная операция была предпринята против Афганистана и Ирака без соответствующего решения СБ ООН. В результате «возмездия», которое было обращено не против конкретных людей, чья вина еще и не подтверждена, а против независимых государств, погибли тысячи невинных. И никакие оправдания – поиска ОМУ, смена авторитарного режима и др. – не могут быть оправданием, в том числе и с правовой точки зрения. Как заявил Е.М. Примаков, «никакие санкции не должны быть средством наказания народов, ни оружием свержения правительств» [8]. В борьбе с терроризмом необходима адекватная, но крайне взвешенная политика. Неоправданное применение силы, особенно против мирного населения, плодит только новых террористов. И в этом все смогли убедиться: терактов в Ираке становится с каж-

дым днем все больше и больше. Совершенно понятно, что мировое сообщество осудило предпринятые и продолжающиеся до сегодняшнего дня указанные операции возмездия, так как для них нет достаточных правовых оснований. Да, Совет Безопасности ООН констатировал факт агрессии, указал на возможность действовать в соответствии со ст. 51 Устава, но против кого? Очевидно, что ответ на данный вопрос может дать только Совет Безопасности ООН. Когда нет явной связи теракта с конкретным государством, военные контрмеры в порядке самообороны против кого бы то ни было противоправны.

Еще одной актуальной проблемой эффективной борьбы с международным терроризмом является ситуация, связанная с правомерностью применения превентивных мер. Оказывать противодействие, в том числе с использованием вооруженных сил, на этапе, когда террористический акт уже состоялся, зачастую не имеет никакого смысла. Поэтому объективно встает вопрос об «упреждающей самообороне». Правовых возможностей для этого международное право, как известно, не дает; для того чтобы осуществить принудительную акцию, нужно непосредственно вооруженное нападение. Однако на сегодняшний день большинство государств оставляют за собой право прибегнуть к упреждающим акциям. Российский Президент В. Путин также в свое время заявлял, что Россия резервирует за собой право наносить удары по террористам и их бандам, их финансовым спонсорам и идейным вдохновителям, где бы они ни находились. Это серьезная проблема, которая требует конкретизации. Согласно выводам Группы высокого уровня по вызовам, угрозам и переменам, ст. 51 Устава ООН – единственная норма, регламентирующая право на самооборону, не должна быть пересмотрена, однако необходимость рассмотрения различных спорных ситуаций, толкование условий самообороны крайне необходимо.

В решении Международного суда ООН по делу о военных и полувоенных действиях против Никарагуа 1986 г. отмечается, что ст. 51 далеко не полно рассматривает самообо-

рону (например, отсутствует упоминание о требованиях необходимости и пропорциональности, прочно укоренившиеся в обычном международном праве) [9].

Практические трудности с упреждающим применением силы в антитеррористических целях возникают в следующих случаях:

1. Государство заявляет о своем праве нанести в порядке самообороны превентивный удар в ответ на угрозу, которая не носит непосредственного характера.

2. Государство создает внешнюю угрозу, реальную или потенциальную, другим государствам или людям, находящимся за его пределами, при этом в СБ существуют разногласия по поводу характера контрмер.

3. Ситуация, когда угроза носит, главным образом, внутренний характер, т.е. опасность угрожает самому населению того или иного государства [10].

Упомянутая Группа высокого уровня в своем докладе на Генеральной Ассамблее ООН выдвинула следующие толкования условий применения ст. 51: «Государство будет объектом угрозы и *может предпринять действия*, если угроза нападения является непосредственной, никакие другие средства не позволяют устранить ее, а действия соразмерны угрозе» [11]. При этом в этом же докладе Группа сделала фактически противоположный вывод: «В мире, где существует ощущение наличия множества возможных угроз, риск, которому могут подвергнуться глобальный порядок и предусматривающая отказ от интервенции норма, на которой этот порядок по-прежнему зиждется, попросту слишком велик, чтобы признать законность односторонних превентивных действий, отличных от коллективно одобренных действий» [12]. И это единственно верный подход – существующее международное право не имеет правовых оснований для государств использовать вооруженную силу в порядке упреждения **без соответствующего решения Совета Безопасности ООН**. Совершенно неприемлема позиция многих западных исследователей по данному вопросу. Так, по мнению профессора Гарвардского университета М. Гленнона, в результате событий 11 сентября 2001 г.

стали существовать две системы безопасности – де-факто, где государства свободны в выборе средств защиты своих интересов, и де-юре в соответствии с международным правом, при этом он утверждает, что режим применения силы в соответствии с уставом ООН рухнул. [13] С этим нельзя согласиться. Тем не менее адаптировать соответствующие нормы международного права к современным вызовам международного терроризма необходимо, и это находит свое отражение в позиции многих российских международников. Александр Коновалов, Президент Института стратегических оценок и анализа, считает: «Надо думать о том, как совместно модернизировать международное право. Только обороняясь, международный терроризм не победить. Надо действовать на опережение». [14] Возможно, определенная модернизация права на самооборону найдет свое отражение во Всеобъемлющей конвенции по терроризму, которая, к сожалению, до сих пор не принята.

Еще одним спорным вопросом в рамках проблематики вооруженного противодействия международному терроризму является применение принципа необходимой и пропорциональной самообороны, не раз отмеченного МС ООН как сложившегося в обычном международном праве. Вообще установить критерии пропорциональности при ответных мерах на теракт крайне сложно. Справедливо считает Э.Г. Гуреева, что сила, необходимая для ликвидации террористической угрозы, «может быть значительно больше той, которая была задействована при террористическом нападении. Террористы часто осуществляют свою деятельность, используя несвязанные между собой сети разбросанных по всей планете ячеек и получая материально-техническую поддержку, которая оказывается таким образом, чтобы скрыть эти цели. Кроме того, чрезвычайно сложно оказать какое-либо действенное влияние на расчеты террористов-фанатиков, готовых умереть за свое дело. Борьба с такими людьми – труднейшая задача, которая в большинстве случаев требует принятия серьезных силовых контрмер» [15].

В применении подобных контрмер и вообще во всей антитеррористической политике, в первую очередь в США, есть и еще одна сторона. Для правящих кругов США появление нового врага представляет собой удобное средство для подчинения многих стран мира своему влиянию и имеет во многом исключительно финансовый расчет. Бывший министр юстиции США Рамсей Кларк так оценил современную американскую антитеррористическую политику: «Глобализация не имеет никакой другой мотивировки, кроме прибыли. Сегодня в условиях падения экономических показателей в США война (по возможности крупномасштабная, но без больших людских потерь) становится все более необходимой для пошатнувшейся американской экономики. И для этого ничего лучше придумать нельзя, чем так называемая борьба с терроризмом» [16]. Как бы кощунственно это ни казалось – такое видение проблемы тоже имеет место быть. Вообще в проблеме международного терроризма на первый план сегодня выходит финансовая составляющая. Мировое сообщество оправданно сконцентрировало свои усилия именно на ликвидации каналов финансирования данной противозаконной деятельности. Был принят ряд конвенций и специальных протоколов по противодействию финансированию терроризма. И это исключительно эффективный способ противодействия. Вообще борьба против терроризма не должна быть исключительно или даже преимущественно де-

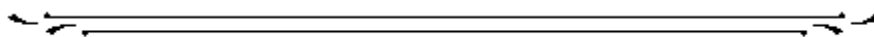
лом военных [17]. По мнению профессора В.Н. Лихачева, «глобальный вызов – в самой природе мирового терроризма, требует адекватных по формам, темпам и ресурсам социально-политических, юридических и дипломатических мер. Главную ответственность за их выработку и реализацию несут все властные структуры государства при поддержке институтов гражданского общества» [18]. К борьбе с терроризмом необходимо полноценно привлекать и бизнес-сообщество. В связи с этим своевременной и эффективной является выдвинутая государствами «восьмерки» по инициативе России международная Стратегия антитеррористического партнерства государств и бизнеса. В этой стратегии есть уже первые реализованные проекты, в частности проект по повышению эффективности международного сотрудничества в пресечении контрабанды сырья драгоценных металлов как средства финансирования организованной преступности и терроризма, разработанный по инициативе российской компании «Норильский никель» и реализованный совместно с Всемирной таможенной организацией, Управлением ООН по наркотикам и преступности, ЮНИКРИ и ОБСЕ.

Каждая террористическая война имеет в своих истоках финансовую заинтересованность тех, кто ее провоцирует. Однако нельзя также упускать из виду тот факт, что для совершения некоторых террористических актов требуется относительно мало финансовых ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная идея России. В 6 т. Т. III. М.: Научный эксперт, 2012. 704 с.
2. Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987. С. 31-37.
3. Гуреева Э.Г. Правовые вопросы сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с международным терроризмом: дис. ... канд. юр. наук. М., 2004. С. 26.
4. УК РФ. М., 1999. Гл. 23, ст. 205. С. 258.
5. Гуреева, Э.Г. Правовые вопросы сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с международным терроризмом: дис. ... канд. юр. наук. М., 2004. С. 38.
6. Резолюция СБ ООН № 1368 (12 сентября 2001).
7. Резолюция СБ ООН № 1373 (28 сентября 2001).
8. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998) = Foreign policy and national security of contemporary Russia: хрестоматия: в 2 т. / Исследования; Моск. обществен. науч. фонд. М.: Издат. центр науч. и учеб. прогр., 1999. Т. 1, кн. 2. С. 180-194.

9. Загайнов Е.Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права // МЖМП. 2006. № 2 (62). С. 29-45.
10. Доклад группы высокого уровня по вызовам, угрозам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». A/59/565. С. 67 (см.: www.un.org/secureworld).
11. Там же.
12. Там же.
13. Glennon M.J. The Fog of Law: Self-Defense, Inherence, and Incoherence in Article 51 of the United Nations Charter, 25 Harvard Journal of Law and Public Policy 539, 2002.
14. Итоги стамбульского саммита: перспективы сотрудничества Россия–НАТО = The Results of the Istanbul Summit: prospects of cooperation between Russia and NATO. Вып. 25 / Клуб «Открытый форум», Клуб «Международный диалог» при поддержке информационного бюро НАТО при Посольстве Бельгии в РФ и «Дипломатического клуба» Дипломатич. акад. МИД РФ. М., 2004. С. 25. (На рус. и англ. яз.).
15. Гуреева Э.Г. Правовые вопросы сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с международным терроризмом: дис. ... канд. юр. наук. М., 2004. С. 89.
16. Шестаков В. Террор – мировая война. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 233.
17. За и против: обсуждение вариантов обеспечения Евро-Атлантической безопасности. Брюссель: НАТО, 2004. С. 13.
18. Организация Объединенных Наций и борьба с международным терроризмом: сб. док. М.: Совет Федераций, 2006. С. 7.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Особенности взаимодействия ОВД на транспорте и территориальных ОВД по обеспечению правопорядка и безопасности в период подготовки и проведения XXVII Всемирных летних студенческих игр – Универсиады 2013 года (г. Казань): сборник материалов межведомственного круглого стола (24 октября 2012 года, г. Казань). – Казань: КЮИ МВД России, 2013. – 58 с.

В сборнике содержатся материалы межведомственного круглого стола «Особенности взаимодействия ОВД на транспорте и территориальных ОВД по обеспечению правопорядка и безопасности в период подготовки и проведения XXVII Всемирных летних студенческих игр – Универсиады 2013 года (г. Казань)», проведенного в г. Казани 24 октября 2012 года группой по Республике Татарстан ФГКУ «ВНИИ МВД России» совместно с МВД по Республике Татарстан и Казанским юридическим институтом МВД России.

Для практических и научных сотрудников, преподавателей, докторантов, аспирантов, слушателей высших юридических учебных заведений МВД России и других правоохранительных органов.

Р.Ш. Мустаев ,
кандидат социологических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) Федеральный
университет)

В.С. Романюк,
кандидат педагогических наук, доцент
(Казанский юридический институт
МВД России)

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ВОПРОСЫ ЕЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье раскрывается понятие административно-юрисдикционной компетенции органов внутренних дел. Совершенствование административно-деликтного законодательства изменило диапазон их правоприменительной деятельности. Существенно перераспределена предметная юрисдикционная компетенция с другими субъектами административной юрисдикции (с судьями, органами транспорта и др.). С вносимыми изменениями в нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов внутренних дел (полиции), и в КоАП РФ, органы внутренних дел столкнулись с рядом трудностей в толковании и применении его норм, в организации административно-юрисдикционной деятельности.

Ключевые слова: юрисдикционная компетенция, административно-деликтное законодательство, административная юрисдикция, правоприменительная деятельность.

In the article the concept of administrative and jurisdictional competence of the internal affairs agencies. Administrative tort law has changed the range of their enforcement activities. Significantly redistributed subject matter jurisdictional competence of administrative jurisdiction with other actors (judges, public transport, etc.). With modifications in the normative legal acts regulating the activities of the internal affairs agencies (police) and of the code of administrative offences, the police have encountered a number of difficulties in the interpretation and application of its rules, the administrative and jurisdictional activities.

Key words: administrative and jurisdictional competence, tort law, the administrative jurisdiction, law enforcement

Современные вопросы теории и практики деятельности органов внутренних дел как субъекта административной юрисдикции предполагают уяснение их компетенции в этой сфере. Важно подчеркнуть ее место в общей структуре правового статуса, в котором в литературе предлагается различать три главных блока элементов: а) целевой, б) структурно-организационный, в) компетенционный (компетенция) [1].

Компетенция не просто один из блоков правового статуса, указывает Б.М.Лазарев, а его сердцевина, определяющая механизм выполнения возложенных на орган задач[2].

Необходимо отметить, что административно-правовая наука неоднозначно трактует понятие компетенции государственного органа. Ее связывают с возложенными задачами, правами и обязанностями,

функциями. Компетенция же отражает содержание соответствующей деятельности, внешнюю ее направленность. Наиболее емко суть компетенции выразил Ю.А.Тихомиров, который определяет ее как возложенный законом на уполномоченный субъект объем публичных дел [3]. В этом определении прослеживается связь субъекта с предметом его деятельности, т.е. разрешать те или иные публичные дела вправе только уполномоченный на то орган. Во-вторых, круг его полномочий определен законом, что свидетельствует о том, что компетенция является правовой категорией. Не случайно в статутных и специальных нормативных актах, закрепляющих правовой статус государственного органа, нормы о его компетенции занимают основное место. Таким образом, под компетенцией следует понимать полномочия государственного органа (права и обязанности).

С учетом предварительных замечаний **компетенцию органа внутренних дел по осуществлению административной юрисдикции можно определить как нормативно закрепленную совокупность полномочий по рассмотрению подведомственных им дел об административных правонарушениях и принятию решений по ним в установленных законом порядке и формах.** Компетенция отражает различные стороны полномочий: их объем, территорию действия, формы осуществления и др. Это обстоятельство послужило для выделения отдельных ее элементов. А.Ю.Якимов, обстоятельно исследовавший проблемы правового статуса субъекта административной юрисдикции, выделяет четыре элемента компетенции: **функциональный, предметный, территориальный и процессуальный, организационный** [4]. Соглашаясь в целом с предложенной конструкцией, заметим, что она отражает не все проявления административно-юрисдикционной компетенции. Так, ряд дел об административных правонарушениях вправе рассматривать различные субъекты административной юрисдикции, что позволяет говорить о **совместной компетенции**. По признаку полно-

ты административно-юрисдикционных полномочий оправданно выделить **полной и усеченной компетенции**.

Функциональная компетенция связывается с содержанием самой административной юрисдикции. Большинство исследователей данной деятельности (А.П.Шергин, А.Ф.Виноградов, Л.Л.Попов и др.) выделяют две основные функции административной юрисдикции: рассмотрение дела об административном правонарушении (выяснение обстоятельств дела и личности виновного, квалификация правонарушения) и принятие решения по делу. Отдельные авторы дополняют их специальной профилактикой [5], что соответствует действующему административно-деликтному законодательству, предоставляющему субъекту административной юрисдикции право выносить предложения об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения (ст. 29.13 КоАП РФ). Названные полномочия закон предоставляет и органам внутренних дел.

Предметный элемент составляет основу компетенции, поскольку им определяется объем самой деятельности, круг разрешаемых дел, проводится разграничение полномочий между субъектами административной юрисдикции. Предметная компетенция органов внутренних дел (полиции) в рассматриваемой сфере деятельности закреплена в ст. 23.3 КоАП РФ. Подведомственность дел определяется данной нормой путем указания на статьи Особенной части КоАП РФ, дела о которых уполномочены рассматривать органы внутренних дел. По объему предметной компетенции они занимают доминирующее место в системе отраслевых субъектов административной юрисдикции, уступая лишь судьям.

Как уже указывалось выше, непосредственными полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях в данных органах наделен определенный круг должностных лиц. В части второй ст. 23.3 КоАП РФ закреплена предметная административно-юрисдикционная компетенция должностных лиц органов внутренних дел (полиции). Наиболее зна-

чителен объем юрисдикционных полномочий у начальников территориальных управлений (отделов) внутренних дел и приравненных к ним органов внутренних дел, их заместителей, начальников территориальных отделов (отделений) полиции и их заместителей. Они рассматривают практически все дела об административных правонарушениях, отнесенных к ведению органов внутренних дел, за исключением дел о правонарушениях в области дорожного движения. Последние с учетом сложившейся практики законодатель вполне обоснованно отнес к ведению начальников государственной инспекции безопасности дорожного движения, их заместителей, командиров полка (батальона, роты) дорожно-патрульной службы, их заместителей; сотрудников ГИБДД, имеющих специальное звание; государственных инспекторов безопасности дорожного движения; государственных инспекторов дорожного надзора (п. 5-8 части 2 ст. 23.3 КоАП РФ).

Совместная компетенция примыкает к предметной, но не совпадает с ней. Ее природа скорее комплексная. Критерием отнесения дел к совместной компетенции двух и более субъектов административной юрисдикции может быть предмет, т.е. вид административного правонарушения (например, дела о повреждении железнодорожного пути, сооружений и устройства сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования, сбрасывании на железнодорожные пути или оставлении на них предметов, которые могут вызвать нарушение движения поездов - ч. 1 ст. 11.1 КоАП РФ - вправе рассматривать должностные лица органов внутренних дел и органов железнодорожного транспорта) или вид административного наказания. Последний может влиять на объем административно-юрисдикционных полномочий (например, за совершение мелкого хулиганства только судья вправе назначить административный арест в отличие от начальника органа внутренних дел). Рассматриваемый вид компетенции порождает ряд проблем практического порядка, основная из которых - каков принцип рас-

пределения дел об административных правонарушениях, отнесенных законодателем к совместной компетенции различных субъектов административной юрисдикции.

Территориальная компетенция тесно связана с местом совершения административного правонарушения и границами деятельности органа внутренних дел, его должностных лиц. Следует иметь в виду условность самого термина «территориальная» компетенция. Он скорее приемлем для определения полномочий территориальных органов внутренних дел и приравненных к ним органов внутренних дел (например, органы внутренних дел в закрытом административно-территориальном образовании). Для других субъектов административно-юрисдикционной деятельности характерен объектовый принцип обслуживания (транспорт, зона проведения контртеррористической операции и др.). Но во всех случаях действует общее правило о рассмотрении дела по месту совершения административного правонарушения (ч. 1 ст. 29.5 КоАП РФ). Применение этого правила не вызывает на практике особых затруднений.

Процессуальная компетенция должностных лиц органов внутренних дел основана на общих нормах, определяющих порядок рассмотрения и разрешения дел об административных правонарушениях (главы 29 и 30 КоАП РФ). Не случайно в литературе было высказано мнение о том, что процессуальная компетенция, как часть специального правового статуса субъекта административной юрисдикции, имеет не так уж много характерных особенностей принципиального характера [6]. Единство процессуальных норм, определяющих порядок осуществления административной юрисдикции, цементируется принципиальной позицией законодателя, который отнес к исключительному ведению Российской Федерации установление порядка производства по делам об административных правонарушениях (п. 4 ст. 1.3 КоАП РФ) [7]. Поэтому практика издания ведомствами «своих» процессуальных правил в виде многочисленных инструкций не может быть признана легитимной.

Вместе с тем процессуальное положение органов внутренних дел в производстве по делам об административных правонарушениях имеет ряд особенностей. Прежде всего, это сочетание полномочий надзорного и юрисдикционного характера. В отличие от судей, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, функции которых ограничиваются собственно административной юрисдикцией, органы внутренних дел осуществляют свои процессуальные полномочия на всех стадиях производства по делам об административных правонарушениях. Особенно значимы эти полномочия на стадии возбуждения дела об административном правонарушении - должностные лица органов внутренних дел выявляют правонарушения, устанавливают личность виновного, составляют протоколы об административном правонарушении, применяют меры процессуального обеспечения и выполняют иные предусмотренные законом правоприменительные действия.

Отдельным процессуальным институтом является административное расследование (ст. 28.7 КоАП РФ). Применять его наряду с другими субъектами вправе должностные лица органов внутренних дел. Проведение административного расследования связано с определенным кругом административных правонарушений (в области антимонопольного законодательства, законодательства о рекламе, валютного законодательства, законодательства о защите прав потребителей, в области налогов и сборов, таможенного дела, охраны окружающей среды, производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пожарной безопасности, дорожного движения и на транспорте) и необходимостью проведения экспертизы или иных процессуальных действий, требующих значительных временных затрат.

При изучении административно-юрисдикционной компетенции органов внутренних дел нельзя обойти вниманием вопрос о полноте их полномочий в рассматриваемой области. По этому критерию можно выделить **полный** и **усеченный**

вид компетенции по осуществлению административной юрисдикции. Такое деление не лишено нормативных оснований. В соответствии с ч. 3 ст. 22.2 КоАП РФ должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, обладают этими полномочиями в полном объеме, в пределах компетенции, установленной главой 23 настоящего Кодекса.

Впервые понятие «**усеченная**» административная юрисдикция было введено в научный оборот А.В.Мурашовым [8]. Такая конструкция предполагала нормативное ограничение полномочий субъекта административной юрисдикции. Причем ограничения могли касаться как предметного элемента компетенции, так и использования административных наказаний, предусмотренных санкцией нарушенной административно-деликтной нормы. Например, должностные лица органов внутренних дел, рассматривая дела о мелком хулиганстве, не вправе назначать административный арест, за стрельбу из оружия в неотведенных местах не могут конфисковать оружие.

Наконец, **организационный** блок элементов административно-юрисдикционной компетенции органов внутренних дел связан со структурой этих органов, порядком взаимоотношений между отдельными составляющими иерархии системы МВД России, замещения должностей и др.

Еще одно важное замечание о понятии административно-юрисдикционной компетенции. Раздельная характеристика ее элементов не означает нарушения целостности компетенции. Все виды компетенций взаимосвязаны между собой по принципу «целого» и «части» [9]. Поэтому рассмотренные элементы (составные части) компетенции органов внутренних дел как субъекта административной юрисдикции отражают различные стороны этого феномена, неоднозначность вариантов их нормативного закрепления.

Анализ административно-юрисдикционной компетенции органов внутренних дел позволяет сделать следующие выводы:

- административно-юрисдикционная компетенция представляет основу специального статуса органов внутренних дел как субъекта административной юрисдикции;

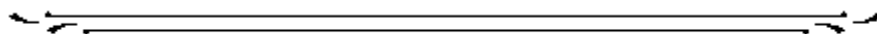
- она является сложной нормативной конструкцией, отражающей функциональный, предметный, территориальный, процессуальный и организационный элементы

административно-юрисдикционных полномочий органов внутренних дел;

- правовое регулирование административно-юрисдикционной компетенции органов внутренних дел не представляется оптимальным и требует соответствующей корректировки как в статутных нормативных актах, так и в КоАП РФ [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник. М., 2003. С. 25.
2. Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988. С.248.
3. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. Полный курс. М., 2001.
4. Якимов А.Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации. М., 2009. С. 35-39. В литературе высказаны и другие мнения об элементах административно-юрисдикционной компетенции. Так, Н.Н.Титов выделяет в числе других штрафную функцию административной юрисдикции.
5. Якимов А.Ю. Указ. соч. С. 36.
6. Якимов А.Ю. Указ. соч. С. 39.
7. Салищева Н.Г. Процессуальные новеллы нового Кодекса// Закон. 2007. № 7. С. 113-116.
8. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. Полный курс. М., 2001. С. 167.
9. Мурашов А.В. Освобождение об административной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
10. Сасыков Т.П. Проблемы административной юрисдикции органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Т.А. Туркина,
кандидат педагогических наук, доцент
(Казанский юридический институт МВД России)

**О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ ПО ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ
БЕСПРИЗОРНЫХ**

В статье раскрываются некоторые сущностные аспекты подростковой преступности, дается социальная оценка этого феномена. Дается анализ Федерального закона РФ № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Формулируются задачи, которые необходимо решить в целях локализации раскрываемой проблемы.

Ключевые слова: профилактика безнадзорности, детская безнадзорность, преступность несовершеннолетних

The article reveals some of the essential aspects of juvenile crime, given the social assessment of this phenomenon. Analysis is given of the Federal law of the Russian Federation no. 120 «On the fundamentals of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency». Formulates the tasks to be solved in order to localization of disclosure of the problem.

На современном этапе развития российского общества наряду с проблемами растущего социального расслоения, кризисом производственной сферы, снижением уровня рождаемости и т.п. остро стоит проблема так называемых «детей улицы», то есть беспризорных и безнадзорных детей. Причин детской безнадзорности достаточно много. В частности, многих просто выгнали, остальные сами убежали от насилия со стороны близких, другие оказались в семьях, которые не смогли адаптироваться в сложившихся экономических условиях.

С одной стороны, само наличие беспризорных детей и подростков – это уже серьезная социальная проблема, отражающая дисбаланс системы общественных отношений. Причем следует отметить, что имеющиеся методики статистического учета различных групп населения не позволяют собрать данные, отображающие реальное состояние дел в сфере подростковой беспризорности. Большое количество беспризорных оказываются неучтенными. По существу, беспризорники попадают

в поле зрения соответствующих служб только после совершения противоправного деяния в момент регистрации. Но даже официальные показатели свидетельствуют о чрезвычайной значимости этой проблемы. Еще одним аспектом проблемы является факт терпимости общества к присутствию в повседневной жизни беспризорных детей и подростков.

Анализ законов и подзаконных актов, так или иначе затрагивающих проблему детской беспризорности, указал на отсутствие стратегии по ее локализации. Действия различных ведомств не согласованны, не представлены приоритеты, отсутствует государственная программа по борьбе с беспризорностью. В то же время нельзя не отметить некоторые достижения в сфере профилактики правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, по данным Главного управления по обеспече-

нию охраны общественного порядка, доля преступлений, совершенных за прошлый год в Российской Федерации (130 670), составил 10,1 процента, а по Республике Татарстан (3132) этот показатель чуть меньше девяти процентов. До 2000 года доля преступлений несовершеннолетних в общей структуре преступности составляла 18-22 процента [4].

Эти положительные тенденции стали возможны благодаря принятию Федерального закона РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3]. В этом нормативном акте заложен значительный положительный потенциал по организации предупредительно-профилактического воздействия с рассматриваемой категорией граждан. Он содержит перечень необходимых понятий, терминов и дефиниций, которые позволяют вести предметный разговор субъектам профилактики и на профессиональном уровне организовать профилактическую работу на практике.

Так, впервые на законодательном уровне выработан понятийный аппарат, даны расшифровки таких понятий, как безнадзорный, беспризорный, несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении, индивидуальная профилактическая работа, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, под которой следует понимать систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и

антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

Индивидуальная профилактическая работа рассматривается как деятельность соответствующих субъектов по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и предупреждению совершения ими правонарушений или антиобщественных действий. Достаточно четко и однозначно сформулированы задачи и принципы профилактики. Исчерпывающим образом определены категории лиц, в отношении которых должна проводиться индивидуальная профилактическая работа, сформулированы основания и процессуальный порядок ее проведения.

Законом определены основные направления деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Другими словами, закон очертил круг функций, которые должны реализоваться названными субъектами. Значительное место в законе отведено вопросам обеспечения и соблюдения прав несовершеннолетних в процессе реализации предупредительно-профилактических задач. Прежде всего, это отразилось в детальной регламентации особенностей производства по материалам о помещении несовершеннолетних, не подлежа-

щих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

Одним словом, содержание ФЗ №120 позволяет организовать на достаточно высоком уровне эффективность предупредительно-профилактической работы с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних. В этом плане его правоохранный и праворегулятивный потенциал остается высоким.

Однако на сегодняшний день существуют значительные проблемы в правоприменительной деятельности субъектов профилактической работы. На практике наблюдаются слабые знания сотрудниками основных положений рассматриваемого федерального нормативного акта. Следует пересмотреть основания и полномочия руководителей специальных воспитательных учреждений открытого и закрытого типов по части продления сроков пребывания несовершеннолетних, по расширению их полномочий по применению мер педагогической коррекции находящихся там воспитанников. Необходимо продумать систему ранней профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, предусмотрев ответственность, прежде всего, родителей.

Беспризорные дети, не имея легальных средств к существованию, начинают изыскивать их любыми путями, в том числе противоправными. Они занимаются поисками пищи на различных мусорных свалках и помойках, попрошайничают, совершают кражи. Беспризорный несовершеннолетний отличается от других детей тем, что полностью порвал свои прежние социальные связи, для него перестают существовать общепринятые правила и нор-

мы. Он находится в принципиально иной социальной среде, где действуют свои неписанные законы, своя мораль и свои авторитеты, которым он теперь вынужден подчиняться, чтобы жить.

Как отмечает С.Н. Рябухин, «возрастающая преступность среди несовершеннолетних является следствием глобального «социального аутсайдерства», когда молодежь и дети оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него» [5. С.3]. Это происходит в результате дефектности социализации, которая стала носить стихийный, неуправляемый характер. Российское общество утрачивает систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения.

Несовершеннолетние - одна из наиболее криминально пораженных категорий населения. Преступность несовершеннолетних в России утратила ранее присущие ей черты спонтанности и возрастной незрелости. Несовершеннолетние стали вовлекаться в организованные преступные сообщества и совершать такие преступные деяния, которые до недавнего времени были характерны для взрослых лиц. Групповой характер - одна из специфических особенностей преступности несовершеннолетних. Среди несовершеннолетних стали получать распространение такие преступления, как разбойное нападение на предпринимателей и иностранцев, участие в незаконном обороте оружия и наркотиков, вымогательство, прежде всего, рэкет в отношении своих сверстников, участие в бандитских нападениях [2. С. 40].

Ежегодно к криминальной субкультуре приобщается порядка полутора миллиона человек. Определенное количество из них остается в криминальной среде, другие на-

ходят легальную занятость. Однако криминальный опыт может использоваться на протяжении всей трудовой карьеры, в любых сферах деятельности [1. С.74]. Существенную долю этого контингента составляют беспризорные подростки.

Долгое время проблему детской беспризорности и безнадзорности пытались решить преимущественно организационными и репрессивными методами, с использованием главным образом сил и средств государства, государственного аппарата. Это не решало проблему, а загоняло ее внутрь. В результате дети оказывались вне существующего общества. Многие традиционные институты социализации, такие, как семья, школа, детские и молодежные организации, потеряли свое значение, а на смену им ничего не пришло.

Сложившаяся ситуация требует усиления управляющего воздействия государства - правового, организационного, идеологического с целью преодоления негативных тенденций. Современное состояние проблемы обуславливает необходимость решения как минимум следующих задач:

- систематизация законодательства, пересмотр декларативных и противоречащих друг другу норм;
- преимущественный переход к нормам прямого действия и сокращение подзаконных нормативных актов;
- приведение российского законодательства в соответствие с международными правовыми документами;

- выявление индивидуально-психологических закономерностей формирования и развития девиантного поведения несовершеннолетних;

- раскрытие механизма формирования негативного поведения несовершеннолетних с помощью педагогических, психологических, медицинских и иных методик.

Успех и действенность правоприменительной деятельности во многом зависят от индивидуального подхода к правонарушителю. Большую роль в профилактике детской беспризорности и безнадзорности играют идеологические, воспитательные меры воздействия по отношению к несовершеннолетним. Необходимы комплексные усилия не только тех государственных органов, которые по своему положению обязаны осуществлять деятельность по профилактике детской беспризорности и безнадзорности, но и общественных организаций, особенно СМИ.

Таким образом, только всестороннее и комплексное воздействие на проблему детской и подростковой беспризорности может привести к ее локализации, а в дальнейшем, возможно, и к существенному снижению уровня ее значимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Е.А. Население в сфере теневой занятости: социально-правовой аспект исследования. Казань: Изд-во КЮИ МВД России, 2006.
2. Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 2010.
3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ.
4. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru/mvd/structure/unit/order/> (дата обращения: 02.03.2013).
5. Рябухин С.Н. Детская безнадзорность и преступность несовершеннолетних как следствие социально-экономической трансформации российского общества // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 15.

С.Ю. Бытко,
кандидат юридических наук, доцент
(Поволжский филиал (институт)
РПА Министерства юстиции РФ, г. Саратов)

О СУВЕРЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются отдельные положения Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ и делается вывод о наличии в них отдельных положений, не соответствующих статусу суверенного государства.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, государственный суверенитет, смертная казнь.

The article considers some provisions of the Russian Constitution, the Criminal code of the Russian Federation and the conclusion is made about their individual provisions, not corresponding to the status of a sovereign state.

Key words: the Constitution of the Russian Federation, the criminal code of the Russian Federation, state sovereignty, and the death penalty.

В последнее время государство предпринимает шаги по недопущению иностранного воздействия на внутрисполитические процессы. Так, в июле 2012 г. были внесены поправки в Закон РФ «О некоммерческих организациях», усиливающие контроль за деятельностью некоммерческих организаций, с иностранным финансированием. С 1 октября 2012 г. на территории России прекращена деятельность Агентства по международному развитию (USAID), оказывавшего финансовую помощь российским некоммерческим организациям на сумму до 100 млн долларов в год [1]. Как разъяснил МИД РФ, эта организация путем распределения грантов пыталась влиять на политические процессы в нашей стране [2].

Следующим шагом явился Федеральный закон РФ от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [3], явившийся ответом на принятие США «списка Магницкого», устанавливающего перечень российских граждан, причастных, по мнению США, к смерти в СИЗО С. Магницкого.

«Закон Магницкого» является попыткой оказания давления на принятие решения российскими чиновниками, имеющими крупные активы за рубежом.

В феврале 2013 г. Государственная Дума в первом чтении приняла проекты законов «О внесении изменения в статью 11 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» и «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и иметь ценные бумаги иностранных эмитентов». [4] Их реализация существенно ограничит возможности иностранного влияния на принятие решений отечественными чиновниками.

Все перечисленные меры свидетельствуют о том, что в недавнем прошлом иностранное вмешательство во внутренние дела страны осуществлялось в более крупных масштабах. Не явилась исключением и правотворческая деятельность, находившаяся под сильным иностранным влиянием. Так, на сайте USAID приведены результаты деятельности агентства в этой

сфере: помощь в разработке Конституции РФ (!), части первой Гражданского кодекса, Налогового кодекса. Кроме того, отмечается решающая роль этой организации в принятии в 2001 г. Земельного кодекса РФ, в соответствии с которым предоставляется право покупки и продажи городских и сельских земель в России (USAID assistance led directly to the adoption of the 2001 Land Code which provided the right to buy, sell, and own urban and rural land in Russia.) [5].

Отметим, что участие иностранной организации в разработке важнейших законодательных актов страны и, прежде всего, ее Конституции выглядит весьма двусмысленно, особенно если учесть факт последующего запрета деятельности USAID в России. Конечно, нет никаких оснований утверждать, что Конституция России написана под диктовку США и в их интересах. Однако отдельные ее положения фиксируют зависимость России от внешних факторов.

Так, с одной стороны, в ч. 1 ст. 3 Конституция провозглашает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в стране является ее многонациональный народ, а в ч. 2 ст. 4 — устанавливает верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории России. С другой стороны, ч. 4 ст. 15 Конституции составной частью правовой системы страны признают как международные договоры Российской Федерации, так и общепризнанные принципы и нормы международного права. Признание последних частью национальной правовой системы, на наш взгляд, означает ни что иное, как ограничение государственного суверенитета. Кроме того, в отдельных случаях, как мы рассмотрим ниже, относительный факт общепризнанности тех или иных норм (принципов), из чего следует вероятность возникновения ситуации, когда эти международные нормы и принципы могут не отвечать интересам России.

В связи с этим необходимо отметить, что далеко не все государства допускают применение на своей территории общепризнанных норм и принципов международного права. В частности, в США, Франции, Испании, наряду с национальным законодательством, допустимо применение только договоров этих стран [6]. Ограничения суверенитета конституционно закреплены в ФРГ, Италии и Японии, то есть странах, конституции которых фактически писались после 2-й мировой войны государствами-победителями. Так, ст. 25 Конституции Германии закрепляет приоритет общих норм международного права над национальным законодательством, а ст. 11 предусматривает ограничение

суверенитета в целях обеспечения народам мира и справедливости.

В ст. 9 Конституции Японии 1947 г. закреплён отказ от важнейшего суверенного права нации на ведение войны, а в ст. 98 закрепляется равная обязательность для исполнения как международных договоров Японии, так и норм международного права.

В ряде случаев общепризнанность норм международного права, упомянутая в Конституции РФ, весьма относительна. Рассмотрим это на примере смертной казни. Ряд государств отказались от ее применения. В то же время она сохраняется в США, а также таких странах, с которыми Россию связывают все более тесные экономические и политические взаимоотношения — Китае и Иране. Таким образом, по отношению к смертной казни отсутствуют какие-либо общепризнанные международно-правовые принципы или нормы [7].

Вместе с тем Конституционный суд РФ в п. 1 своего определения от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р обосновывает решение о недопустимости этого наказания не только международными обязательствами России, но и сложившимися международно-правовыми тенденциями ее применения. Говоря о международных обязательствах России по неприменению смертной казни, Конституционный Суд имеет в виду подписание 16 апреля 1997 г. Россией Протокола № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [8]. Однако до настоящего времени данный протокол не был ратифицирован. Исходя из этого, как отмечается в определении КС РФ, Россия обязана до его ратификации исполнять условия Протокола № 6 в соответствии со статьей 18 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., согласно которой *государство обязано воздерживаться от действий, которые лишат бы договор его объекта и цели, если: а) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или б) оно выразило согласие на обязательность для него договора, - до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться* [9].

Не состоявшаяся до сегодняшнего времени ратификация Протокола № 6, предусматривающего отмену смертной казни, означает, что Россия **не имеет международных обязательств по отмене смертной казни**. Соответствующие обязательства могут возникнуть лишь после ратификации Россией Протокола № 6. До этого времени наша страна не применяет смертную казнь не из-за присоединения к Протоколу № 6, а лишь в силу статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров.

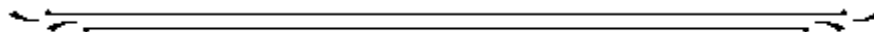
Таким образом, указание КС РФ на наличие международных обязательств России по неприменению смертной казни нужно понимать именно в таком ограниченном объеме.

Весьма спорной является ссылка Конституционного Суда на некие международно-правовые тенденции в применении смертной казни. Говорить о существовании тенденции к ее отмене можно лишь применительно к Европейскому Союзу. Однако называть особенности законодательства отдельного межгосударственного образования общепризнанными, наверное, неправильно.

Полагаем, что для суверенной державы наличие каких-либо международных тенденций, не подкрепленных международными договорами этого государства, не может являться основанием для изменения внутреннего законодательства. Окончательное решение вопроса о применении или неприменении смертной казни должно приниматься не Конституционным Судом, а Государственной Думой путем принятия решения о ратификации Протокола № 6 либо об отказе от нее. Если же рассматривать вопрос шире, то необходимо последовательно избавляться от всех нормативных предписаний, ограничивающих независимость Российской Федерации в вопросах внешней и внутренней (в том числе уголовной) политики. В частности, необходимо исключить отсылку на общепризнанные принципы и нормы международного права в ч. 2 ст. 1 УК РФ. Также необходима новая редакция ч. 2 ст. 12 УК РФ, в соответствии с которой допускается возможность привлечения к уголовной ответственности по законам иностранных государств российских военнослужащих. Представляется, что суверенное государство ни при каких обстоятельствах не должно признавать иностранной юрисдикции над своими гражданами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россию оставят неразвивающейся страной // Коммерсантъ. 2012. 19 сент.
2. Воробьев В. Клинтон предупредили дважды. Россия не намерена пересматривать свое решение по USAID // Российская газета. 2012. 21 сент.
3. СЗ РФ от 31.12.2012, № 53 (ч. 1). Ст. 7597
4. <http://vote.duma.gov.ru/vote/80012> Доступ 27.02.2013.
5. <http://www.usaid.gov/news-information/fact-sheets/usaaid-russia>
6. См, напр.: Конституции зарубежных государств. М., 1997. С. 28,29, 123, 322.
7. Там же. С. 165, 243, 443, 456.
8. См. п. 4.2 мотивировочной части определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»» // Российская газета. 2009. 27 ноября.
9. Там же. П. 4.3.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Сборник трудов молодых ученых и преподавателей КЮИ МВД России. Выпуск 8/ под ред. С.Н.Миронова. – Казань: КЮИ МВД России, 2013. - 102 с.

Данный сборник содержит материалы научных исследований молодых ученых и преподавателей КЮИ МВД России.

Для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, студентов.

С.Г. Ольков,
доктор юридических наук, профессор
(ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления
и права» (г.Казань),
Сургутский государственный университет)

ПОИСК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОСОБО ОПАСНОЙ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье представлено определение стратегии борьбы с особо опасной рецидивной преступностью в России с учетом зарубежного опыта, анализа статистических данных и выдающейся криминологической работы В.Т. Шаламова «Очерки преступного мира».

Научные методы: 1) статистическое наблюдение; 2) корреляционный анализ (использование линейного коэффициента корреляции Пирсона); 3) регрессионный анализ (использование метода наименьших квадратов для параметризации закономерностей (независимая переменная x) и тенденционных уравнений (независимая переменная t - время)); 4) сравнительно-правовой; 4) интроспекция; 5) формально-юридический; 6) построение графиков и таблиц; 7) использование экспериментальных и эмпирических данных, полученных другими авторами.

Научные результаты, полученные автором: 1) коэффициенты корреляции, связывающие переменные; 2) трендовые уравнения; 3) уравнение закономерности; 4) обнаружение «скачка разности» между числом выявленных рецидивистов, совершивших преступления, и числом рецидивистов за них осужденных в России на временном отрезке с 1992 по 2012 годы; 5) сравнение стратегий противодействия рецидивной преступности в России и США; 6) предложение по определению стратегии борьбы с особо опасной рецидивной преступностью в современной России.

Научная новизна: заключается во вновь полученных научных результатах и определении стратегии борьбы с особо опасной рецидивной преступностью в России.

Практическая значимость заключается в возможности реализации данной криминологической стратегии борьбы с особо опасной рецидивной преступностью посредством внесения соответствующих изменений в уголовный и уголовно-процессуальный кодексы РФ

The purpose of the article is to define the strategy to combat a particularly dangerous recidivist crime in Russia, taking into account international experience, analysis of statistical data and outstanding criminological work V.T. Shalamov «Essays of the criminal world».

Research methods: 1) the statistical observation; 2) correlation analysis (using the linear correlation coefficient Pearson); 3) the regression analysis (using the method of least squares for the parameterisation of закономерностей (independent variable x) and тенденционных equations (the independent variable t - time)); 4) the comparative legal; 4) introspection; 5) the formal-legal; 6) construction of graphs and tables; 7) the use of experimental and empirical data obtained by other authors.

Scientific results obtained by the author of: 1) the correlation coefficients linking variables; 2) the trend equation; 3) the equation of laws; 4) detection of a «leap of difference» between the number of identified offenders who have committed crimes, and the number of recidivists for them convicted in Russia in the time interval from 1992 to 2012; 5) comparison of strategies to counter the recurrence of crime in Russia and the USA; 6) a proposal for the definition of strategies to combat a particularly dangerous recidivist crime in contemporary Russia.

Scientific novelty: is in a newly received scientific results and the identification of strategies to combat a particularly dangerous recidivist crime in Russia.

Practical significance lies in the possibility of realization of the criminological strategy to combat a particularly dangerous recidivist crime through the introduction of relevant amendments to the criminal and criminal-procedural codes of the Russian Federation.

Преступный мир достаточно неоднороден, как в отношении преступных деяний, так и лиц, их совершающих, и в мировой уголовно-правовой судебной практике все отчетливее проявляется желание строго учитывать данное обстоятельство. Наибольшую угрозу для общества и государства представляют лидеры преступного мира – «рецидивисты-блатари» – лица, живущие по правилам преступного мира, вырабатывающие правила жизни преступного мира и вовлекающие в преступный образ жизни окружающих [1]. Зеркалом преступного мира, конечно, служат места лишения свободы, и здесь специалисты из ВНИИ МВД СССР выделяли «два основных вида сообщества антиобщественного характера. Первое – группировки отрицательной направленности, к числу основных особенностей которых относятся постоянные нарушения режима, неповиновение требованиям администрации, стремление создать для себя условия, противоречащие закону. Обычно члены их не совершают преступлений, хотя и могут значительно осложнить обстановку в колонии. Второе – их мы будем называть особо опасными группировками – представляют по сравнению с первыми повышенную общественную опасность, поскольку здесь противоправная, а часто преступная деятельность тщательно конспирируется. Члены таких группировок поддерживают систематические связи с преступниками, как отбывающими наказание в других ИТУ, так и находящимися на свободе, в ряде случаев даже участвуют в совершении ими преступлений; располагают денежными средствами. Ядро группировок составляют лица, отличающиеся устойчивыми антиобщественными представлениями. Специфической особенностью этих группировок является то, что их возглавляют лица, занимающие наиболее высокий неформальный статус в среде преступников – обычно их называют «ворами в законе» [2]. Одной из основных задач в борьбе с преступностью как раз и являлось оказание воспитательного воздействия на таких лидеров, перевоспитание и исправление их. Беда заключается только в том, что перевоспитание

этих лидеров и им подобных закоренелых преступников **невозможно**, и это надо принимать в расчет, как **абсолютное и безоговорочное правило**, на что совершенно справедливо обратил внимание выдающийся писатель и мыслитель Варлам Тихонович Шаламов: «Возня с различными «перековками» создала передышку для многих тысяч воров-профессионалов, спасла блатарей [3, с.450] ...Карфаген должен быть разрушен! Блатной мир должен быть уничтожен!» [3, с.543].

Профессор С.В.Познышев (1870-1942) в монографии «Криминальная психология. Преступные типы» писал: «Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности факторов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь. Те элементы, из которых складывается «личный» корень преступления, можно назвать эндогенными факторами, а те внешние события, которые толкнули субъекта на преступление, – экзогенными факторами этого преступления. В происхождении каждого преступления участвуют и те, и другие факторы, только в одних случаях преобладающая роль принадлежит факторам эндогенным, а в других, наоборот, – экзогенным» [4, с.7]. Очевидно, что нас интересуют, прежде всего, те лица, в личности которых и заложен корень преступного, а не те, чье поведение стало следствием печального стечения обстоятельств. Так, в современных США «стратегия контроля преступности, часто называемая «стратегией поражения в правах» («*incapacitation strategy*») предполагает, что большинство преступлений совершается рецидивистами – злостными преступниками, которые неоднократно совершают тяжкие преступления» [5, с.674]. Совершенно неслучайно в данном федеративном государстве в 90-е годы XX столетия появилось правило «трех ударов» («*Three strikes laws*»), называемое также «Законы трёх судимостей», или законы типа «три преступления – и вы вне игры» [6] («*Three strikes and you're out*»), а в американской юриспруденции – «*habitual offender laws*» [7].

Суть «правила трех ударов» заключается в том, что рецидивист, в третий раз (и более) осуждаемый за тяжкое преступление, подвергается суровому наказанию вплоть до пожизненного лишения свободы [8]. Таким рецидивистам по закону могут выноситься «заранее определенные приговоры» [5, с. 674], устанавливающие пожизненное лишение свободы.

Научной основой упомянутых законов, действующих в большинстве штатов США, а также Новой Зеландии [9] стали соответствующие научные разработки американских криминологов [6, с.675-676; 10, р.985-991]. В частности, такая стратегия во многом была основана на работах Питера Гринвуда (Peter Greenwood), который в начале 80-х годов XX столетия разработал специальную шкалу, с помощью которой предлагал выявлять нужную категорию рецидивистов [11]. Его исследование показывало, что частоты разбоев, грабежей и краж со взломом были тесно связаны с семью признаками их совершавших преступников: 1) был ли преступник ранее осужден за подобные преступления; 2) находился ли он большую часть времени в течение двух последних лет в тюрьме; 3) был ли он осужден в подростковом возрасте до наступления 16 лет; 4) находился ли он, будучи подростком, в исправительном заведении (как не вспомнить тут В.Т. Шаламова: «Кадровые воры – это потомственные воры или те, кто с мальчиков прошел весь курс уголовной науки, бегал за водкой, за папиросами для старших, стоял на «страже», или на «вассере», лазал в форточку, чтоб отпереть дверь грабителям, укрепляя свой дух в тюрьме, потом уже пошел на «дело» самостоятельно» [3, с.471]); 5) употреблял ли он героин и барбитураты в течение двух предшествующих лет; 6) употреблял ли он героин и барбитураты, будучи подростком; 7) имел ли рецидивист работу большую часть времени в течение двух лет, предшествующих совершению преступления. Для того, чтобы оценить, насколько рецидивист способен в будущем совершить преступление, каждой из семи характеристик присваивался 1 балл. Отсюда каждый рецидивист мог по-

лучить от 0 до 7 баллов. Используя статистическую модель оценки числа предотвращенных преступлений с помощью тюремного заключения, П. Гринвуд вычислил, что, если рецидивисты, получившие от 4 до 7 баллов, будут отбывать восьмилетний срок, тогда как все остальные – всего одногодичный, уровень разбоев и грабежей можно снизить примерно на 20%, не увеличивая при этом число заключенных [5, с.687].

Криминологическая стратегия контроля рецидивной преступности в США, нашедшая отражение в уголовной политике и судебной практике этой страны, строится на трех основных положениях: 1) игнорировании общей преступности и выделении группы тяжких насильственных преступлений; 2) выделении среди рецидивистов «ядра» – наиболее активных преступников-рецидивистов, совершающих львиную долю упомянутых тяжких насильственных преступлений; 3) применении к данной группе рецидивистов существенно более строгих мер уголовного наказания по правилу трех ударов. Последнее положение особенно важно, поскольку позволяет избежать переполнения тюрем.

Как видно, стратегия контроля рецидивной преступности в США ориентирована на нанесение разумного «удара» по ядру преступного мира, наиболее активным рецидивистам, занимающимся преступной деятельностью. Применительно к России, конечно, это положение интересно лишь отчасти, поскольку реальные лидеры преступного мира – «воры в законе» и вообще верхушка блатарей – часто не участвуют в преступной деятельности в качестве исполнителей преступлений, а их руководящую роль доказать весьма непросто. «Правда, для потерпевшего все равно, кто украл у него из квартиры серебряные ложки или костюм – вор-блатарь, вор-профессионал, но не блатарь, или квартирный сосед, никогда кражами не занимавшийся» [3, с.468], но для криминолога и уголовной политики это имеет принципиальное значение – сильно ударить нужно по блатарю, потом по профессиональному

вору и только в последнюю очередь «погрозить пальцем шаловливому соседу».

В уголовном праве Российской Федерации рецидив также выступает в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность, однако в не столь категоричной форме, как это принято по правилу трех ударов в США. Согласно п. 5 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом, а также иные последствия, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Рецидив в отечественном уголовном законодательстве также дифференцирован (простой, опасный и особо опасный), но зависит эта дифференциация от формальных показателей, отмеченных в пунктах 2 и 3 ст. 18 УК РФ – без достаточного исследования личности преступника (1), прогнозирования его вероятного преступного поведения (2), а также его статуса и роли в преступном мире (сообществе блатарей) (3).

Российская уголовная политика является скорее отражением формально-логических рассуждений представителей, так называемой классической школы уголовного права, оставляющей в стороне реальную сущность исследуемых явлений. Уголовная политика превращается не в стратегию минимизации особо опасного противоправного поведения, а в какую-то странную игру без учета места и времени текущих событий, игру, в основе которой нет никаких экспериментальных и эмпирических данных, результатов сколь-нибудь серьезных измерений. Такая политика, естественно, является стихийной и легко переходит из одной крайности в другую. В частности, в конце 90-х годов XX столетия представителям формально-догматической школы уголовного права пришла на ум мысль о том, что при вынесении приговоров нужно учитывать, прежде всего, само преступное деяние, а вовсе не личность, деяние совершившую, её роль в преступном мире и вероятность того, каков прогноз её дальнейшего преступного поведения. Неслучайно в конце XX столетия в России произошел «скачок разности»

между числом выявленных рецидивистов, совершивших преступления, и числом рецидивистов, за них осужденных, что наглядно видно из таблицы 1 и рис. 1.

Таблица 1.

Временные ряды ранее судимых, совершивших преступления (человек), осужденных ранее судимых (человек) и разности между ними в Российской Федерации за период с 1992 по 2010 годы.

t, годы	Число ранее судимых, совершивших преступления, чел.(X)	Число осужденных ранее судимых, чел.(Y)	X-Y
1992	260024	256814	3210
1993	286591	293650	-7059
1994	300815	325695	-24880
1995	351661	346236	5425
1996	367780	366829	951
1997	356018	337222	18796
1998	369572	360320	9252
1999	414387	420528	-6141
2000	384508	260045	124463
2001	367084	256614	110470
2002	261618	196195	65423
2003	262059	190163	71896
2004	275948	205457	70491
2005	308855	244890	63965
2006	316034	257310	58724
2007	306105	256815	49290
2008	299521	260711	38810
2009	291285	270857	20428
2010	294167	267594	26573

Скачок разности имел место в период с 1999 по 2000 год, когда разрыв между числом выявленных и осужденных рецидивистов, совершивших преступления, составил 130604 человека (124463+6141). Из графика также следует, что рецидивистов активнее привлекали к уголовной ответственности в 90-е годы. Отрицательная разность, имевшая место в 1993, 1994 и 1999 годах, видимо, свидетельствует о двух криминологических явлениях: 1) определенная часть преступлений совершается в группе рецидивистов; 2) часть осужденных

рецидивистов приходит из более ранних отчетных периодов.

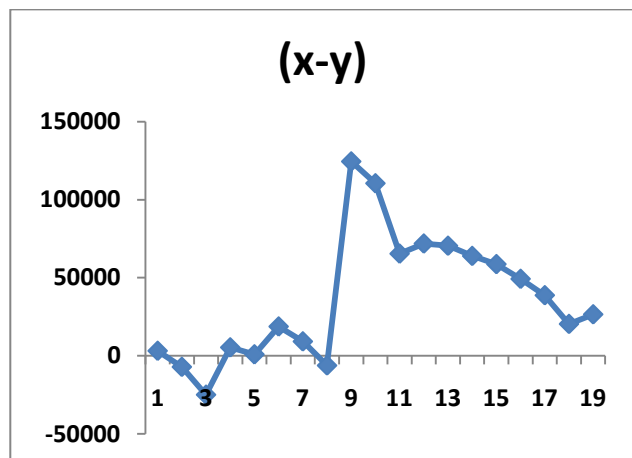

Рис. 2. Временной ряд разности между числом ранее судимых, совершивших преступления, и числом осужденных из числа ранее судимых в Российской Федерации за период с 1992 по 2010 годы.

Последствия не заставили себя ждать, и в России наметился заметный рост рецидивной преступной активности, возрастающей с положительным ускорением, что наглядно следует из графика (рис. 2) и таблицы 2.

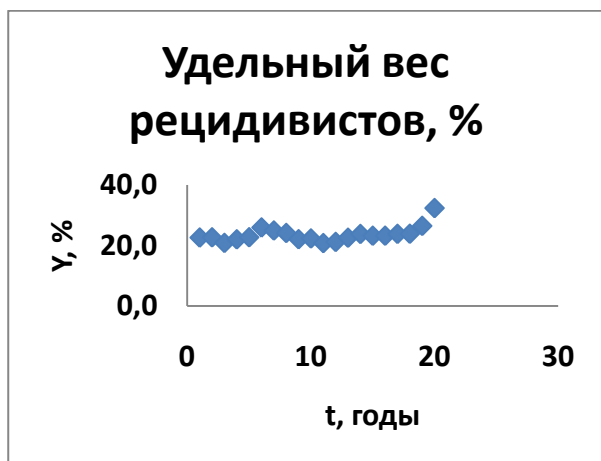

Рис. 1. Временной ряд показателя «удельный вес рецидивистов» (%) в числе выявленных лиц, совершивших преступления, в Российской Федерации за период с 1992 по 2012 годы.

Таблица 2.

Временные ряды ранее судимых, совершивших преступления (человек), и выявленных лиц, совершивших преступления (человек), в Российской Федерации за период с 1992 по 2012 годы [12].

	Число лиц, совершивших преступления, чел.	Число ранее судимых, совершивших преступления, чел.	Удельный вес рецидивистов, %
1992	1148962	260024	22,6
1993	1262532	286591	22,7
1994	1441568	300815	20,9
1995	1595501	351661	22,0
1996	1618394	367780	22,7
1997	1372161	356018	25,9
1998	1481503	369572	24,9
1999	1716679	414387	24,1
2000	1741439	384508	22,1
2001	1644242	367084	22,3
2002	1257700	261618	20,8
2003	1236733	262059	21,2
2004	1222504	275948	22,6
2005	1297123	308855	23,8
2006	1360860	316034	23,2
2007	1317582	306105	23,2
2008	1256199	299521	23,8
2009	1219789	291285	23,9
2010	1111145	294167	26,5
2012	1010938	326894	32,3

Из графика видно, что удельный вес рецидивистов в числе выявленных лиц, совершивших преступления, в Российской Федерации возрастает с положительным ускорением, и неплохо аппроксимируется (коэффициент аппроксимации 0,7) кубическим уравнением:

$$y=0,008x^3-0,237x^2+1,786x+19,66.$$

Среднее значение удельного веса рецидивистов в числе выявленных лиц, совершивших преступления, в России за период

с 1992 по 2012 годы составило 22,58%, минимальный удельный вес рецидивистов 20,8% в 2002 году, а максимальный 32,3% – имел место в 2012 году. Коэффициент вариации временного ряда всего 10,8% $((2,55/23,58) \cdot 100)$, что говорит о высокой устойчивости (стабильности) временного ряда.

Так же очевидно, что число выявленных рецидивистов, совершивших преступления, в отчетном периоде является лишь репрезентативной выборкой из генеральной совокупности – рецидивистов, реально совершивших преступления. Определенная часть рецидивистов, реально совершивших преступления, не попала в поле зрения правоохранительных органов или уклонилась от уголовной ответственности, например, потому, что не удалось доказать их причастность к преступной деятельности в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Нетрудно понять, что лидеры преступного мира не слишком часто радуют своим присутствием скамью подсудимых, поскольку редко исполняют преступления самостоятельно. Достаточно вспомнить ныне покойных воров в законе В. Иванькова («Япончик») и А. Усоюна («Дед Хасан»).

Из таблицы 1 и графика к ней (рис.1) видно, что ранее судимых все-таки довольно интенсивно осуждают в России, о чем можно судить по коэффициенту корреляции между переменными x (число ранее судимых, совершивших преступления, чел.) и y (число осужденных ранее судимых, чел.) ($r = 0,75$, где r – линейный коэффициент корреляции Пирсона), что говорит о сильной положительной связи между переменными. В среднем, если увеличивается число выявленных рецидивистов, совершивших преступления, увеличивается и число осужденных рецидивистов. Судя по коэффициенту регрессии, изменение числа выявленных лиц на единицу влечет в среднем изменение числа осужденных также на единицу: $\hat{y} = 1,001x - 37222$, однако это уравнение получено с учетом интенсивного уголовного преследования и осуждения рецидивистов в начале 90-х годов прошлого столетия. Если

произвести расчет за период с 1999 по 2012 годы, картина изменится в худшую сторону: $\hat{y} = 0,952x - 42778$, где $\hat{y}$ – число осужденных ранее судимых, чел., x – число ранее судимых, совершивших преступления, чел. Как видно, коэффициент регрессии, показывающий, насколько в абсолютном выражении изменится объясняемая переменная при изменении объясняющей на единицу измерения (чел.), уже не отражает паритет, так как менее единицы. С другой стороны, обеспечивать паритет не так важно, как свидетельствует стратегия противодействия рецидивной преступности в США, важнее бороться с наиболее активной частью рецидивистов, доля которых на самом деле не велика и составляет порядка 10%. По этим 10% и следует наносить основной удар уголовного правосудия, включая практику «трех ударов».

Наиболее эффективную стратегию борьбы с рецидивной преступностью предлагал известный российский писатель Варлам Шаламов в своей замечательной криминологической работе «Очерки преступного мира». По его мнению, основной удар следовало бы нанести по неисправимым и наиболее активным преступникам, организаторам преступного мира – «блатарям», отсечь их от остальной части осужденных [3, с.446-555]. Тем более, что выявить таких лидеров совсем несложно. В.Т. Шаламов имел богатейший личный опыт «отсидки» в местах лишения свободы и, в отличие от чистых криминологов, использовал, выражаясь социологическим термином, метод долговременного включенного наблюдения, то есть «на собственной шкуре» испытывал все «прелести камерной музыки». Такой опыт – огромная ценность, и им не располагают ни криминологи, ни работники пенитенциарных учреждений, поскольку все-таки находятся «по ту сторону колючей проволоки». Вот здесь хорошо сработала бы практика «трех ударов», взятая на вооружение в борьбе с особо опасной рецидивной преступностью в США. Интересным в этом плане представляется также предложение А.Е. Хинштейна перенять грузинский опыт [13],

когда уголовному преследованию подвергались «воры в законе», по тому лишь основанию, что они являются лидерами преступного мира, вне зависимости от того, совершают они лично преступления или нет. При этом лидеры преступного мира в Грузии содержатся строго изолированно от остальных категорий осужденных, что серьезно ослабляет их возможность распространять блатные понятия в среде осужденных и рекрутировать под свои знамена молодежь.

Выводы:

1. Временной вариационный ряд выявленных рецидивистов в России с 1992 по 2012 годы весьма устойчив, о чем свидетельствует коэффициент вариации 10,8%.

2. Рецидивная преступность в России имеет тенденцию ускоренного положительного роста, описываемую кубическим уравнением: $y=0,008x^3-0,237x^2+1,786x+19,66$.

3. В начале XXI столетия имел место скачок разности между числом выявленных рецидивистов, совершивших преступления, и числом рецидивистов, за них осужденных, в сторону либерализации по отношению к рецидивистам, что является одним из факторов ускоренного роста рецидивной преступности в настоящее время.

4. Существует сильная положительная корреляционная связь между числом ранее судимых, совершивших преступления, и числом осужденных ранее судимых ($r = 0,75$, где r – линейный коэффициент корреляции Пирсона).

5. Согласно регрессионному анализу изменение числа выявленных рецидивистов, совершивших преступления, влечет изменение числа осужденных рецидиви-

стов в среднем на величину менее единицы (0,95).

6. В зарубежной и отечественной уголовно-правовой и уголовно-процессуальной практике имеет место учет особенностей рецидива с целью усиления уголовной ответственности рецидивистов.

7. Отечественная уголовно-правовая политика носит более формальный, чем в США и некоторых других странах, характер – не учитывает в достаточной мере личность преступника (1), прогнозирование его вероятного преступного поведения (2), а также его статус и роль в преступном мире (сообществе блатарей) (3).

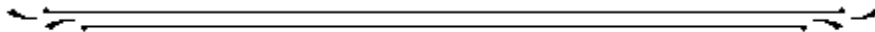
8. Следует внести изменения в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство с целью оптимизации стратегии борьбы с рецидивной преступностью с учетом опыта вынесения «заранее определенных приговоров» и правила «трех ударов» в США, грузинского опыта противодействия лидерам преступного мира, а также разработать методику прогноза преступного поведения подсудимого рецидивиста.

9. В принятии соответствующих политических решений по противодействию особо опасной рецидивной преступности должен лежать классический опыт В.Т. Шаламова, изложенный в работе «Очерки преступного мира», как наиболее точный и авторитетный, отражающий реальную суть преступного мира. Согласно этому опыту, основной удар уголовной репрессии следует обратить в сторону «рецидивистов-блатарей» – лиц, живущих по правилам преступного мира, вырабатывающих правила жизни преступного мира и вовлекающих в преступный образ жизни окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данная дефиниция «блатарей» предложена мной на основе анализа работ В.Т. Шаламова.
2. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них: учебное пособие /Ю.М. Антонян и др.; под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. 80 с.
3. Шаламов В.Т. Очерки преступного мира: в Кн.: Левый берег: рассказы. М.: Современник, 1989. 558 с.

4. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С.В. Познышев; сост. и предисл. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. М.: Инфра-М, 2007. 302 с.
5. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели / пер. с англ. СПб: Питер, 2003. С.674.
6. Название законов возникло из правил игры в бейсбол, где отбивающий может пропустить два удара, прежде чем выбыть из игры, пропустив третий удар.
7. A habitual offender is a person who has repeatedly committed the same crime. Various state and jurisdictions may have laws targeting habitual offenders, and specifically providing for enhanced or exemplary punishments or other sanctions
8. Three-strikes laws are statutes enacted by state governments in the United States which mandate state courts to impose harsher sentences on persons convicted of three or more serious criminal offenses. In most jurisdictions, only crimes at the felony level qualify as serious offenses.
9. <http://www.scoop.co.nz/stories/PA1001/S00061.htm>
10. Blumstein, A., and J.Cohen. 1987. Characterizing Criminal Careers. Science 237: 985-991.
11. Greenwood, P., and A. Abrahamse. 1982. Selective Incapacitation. Rand Report R-2815-NIJ. Santa Monica, CA: Rand Corporation.
12. <http://cbsd.gks.ru/>
13. <http://crimerussia.ru/>

С.И. Грачев,
доктор политических наук,
профессор
(Нижегородский государ-
ственный университет
им. Н.И. Лобачевского)

О.А. Гасымов,
аспирант
(Нижегородский государ-
ственный университет
им. Н.И. Лобачевского)

А.С. Попов,
аспирант
(Нижегородский государ-
ственный университет
им. Н.И. Лобачевского)

ИДЕОЛОГИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

При поиске путей повышения эффективности борьбы с терроризмом наиважнейшим представляется решение вопросов идеологического противоборства, ибо значение идеологического компонента остается высоким как при формировании террористических угроз, так и при организации эффективного противодействия этим угрозам.

Ключевые слова: терроризм, антитерроризм, идеология, террористическое мировоззрение, идеологическое противоборство.

When looking for ways to improve the effectiveness of the fight against terrorism is the most important issues of ideological confrontation, because the value of the ideological component remained high as at formation of terrorist threats and to effectively counter these threats.

Key words: terrorism, anti-terrorism, the terrorist ideology, world view, ideological confrontation.

Мониторинг и детальный анализ генезиса терроризма дает основание утверждать, что при поиске путей повышения эффективности борьбы с терроризмом наиважнейшим представляется решение вопросов идеологического противоборства, ибо роль идеологического компонента важна как при формировании террористических угроз, так и при организации эффективного противодействия этим угрозам. При этом следует также иметь в виду, что психология (да и философия) террористической деятельности имеет существенную специфику, иногда мало понятную, если исходить из общепринятых мотивационных и поведенческих стандартов. Американский исследователь Д.

Хаббард по этому поводу заметил: «Эффективная антитеррористическая политика зависит от понимания того, что думают террористы, и того, почему они делают то, что делают; если мы берем самих себя в качестве модели, поведение террористов будет казаться необъяснимым» [1].

Терроризм зарождается в головах, в первую очередь. И далее: « Возникает социально-политический конфликт, в условиях которого человек пытается найти выход, может прийти к выводу, что выход из ситуации должен носить насильственный характер применением устрашающего насилия. Так формируется террористическое мировоззрение, на базе которого уже фор-

мируются идеологические концепции террористической идеологии. А те, кому это выгодно, активно этому способствуют. Именно сознание граждан, общественное мировоззрение выступает в данном случае одновременно и в роли цели, и в роли объекта информационно-психологического воздействия» [2].

Идеологическое начало в терроризме формирует субъективную сторону состава террористического преступления и его цель, анализируя которые, специалисты отвечают на вопрос: «... с чем мы имеем дело - с актом терроризма или с корыстным преступлением, осуществленным с использованием террористического метода и имеющим в этой связи по объективной стороне сходство с террористическим деликтом» [3].

При совершении общеуголовных преступлений их субъект вполне осознает их противозаконный, антиобщественный характер и не стремится к превентивному оправданию своих действий перед членами общества и самим собой. В акциях терроризма преступник исходит из того, что «...общество, его нормы, мораль и законы несовершенны; его действия правильны, могут быть объяснены людям и должны быть оправданы ими; сам он является носителем некой высшей истины, которая и дает ему право пренебрегать несовершенным законодательством и поступать в соответствии со своими убеждениями» [4].

Если речь идет о террористе-одиночке (что практически сошло на нет в настоящее время; и не следует путать террористов с душевно больными людьми), чаще всего вопрос об идеологической подоплеке осуществляемых им акций терроризма не стоит. Причины, которые побудили человека к преступным действиям, необходимо искать в прошлом человека (его обидах, неудачах, унижениях и т.п.) или в его индивидуальных особенностях (психике, озлобленности, комплексе неполноценности и т.д.).

Совсем иное дело, если речь идет о группе лиц, организовавших для совершения акций терроризма. Для такой совместной преступной деятельности просто необходим объединяющий идеологи-

ческий стержень, способный не только сплотить людей в коллектив единомышленников, но и оправдать саму террористическую деятельность. Осуществляется это путем создания и культивирования в террористической организации некой "идеологии для внутреннего пользования" - идеологического суррогата, в котором подменяются признанные в обществе ценностные ориентации, понятия морали и нравственности, добра и зла. По мнению террологов, «...характерными чертами террористической идеологии являются присущие ей: категоричность, безапелляционность, агрессивность; жесткое деление социума на "своих" и "чужих", "плохих" и "хороших"; представление действительности в виде крайне контрастного сочетания "черного" и "белого" без промежуточных оттенков» [5]. Таким образом, важным мотивом обращения к терроризму является потребность «принадлежности к группе», которая становится мощным механизмом духовной, ценностной, поведенческой стереотипизации. Таким образом, согласно заключению Дж. Поуста, «... террористы - это психологически нормальные люди. У них нет заметной психопатологии. Террористические группы удаляют из своих рядов эмоционально нестабильных личностей, ведь они представляют собой фактор риска с точки зрения безопасности. Основа психологии террористов - не индивидуальная психопатология, а групповая, организационная и социальная, с особым упором на коллективную идентичность... Это слияние с группой дает человеку необходимое оправдание его действий, оно же освобождает его от ответственности. Если начальник приказывает совершить акцию, она оправдана. Чувства вины или угрызения совести нетерпимы, поскольку группа их не испытывает»

В зависимости от степени разработанности террористической идеологии и специфики ее "потребителя" - субъектов террористической деятельности этот идеологический суррогат может варьироваться от набора нескольких достаточно примитивных догм до вполне стройной и достаточно убедительной идеологической концепции.

При формировании террористической идеологии в качестве ее основы могут выступать национализм, клерикализм, сепаратизм, политический экстремизм левого или правого толка, а иногда и просто некая фантастическая идея, возникшая в недрах какой-нибудь новомодной секты из числа представителей расплодившихся в последние годы нетрадиционных религий. При этом технологи от террористической деятельности зачастую осуществляют подмену понятий, подтасовку фактов объективной реальности, выдергивая из общего контекста и гипертрофированно преподнося постулаты и установки, эксплуатируемые идеологией, и при этом замалчивая другие. Как таковой единой террористической идеологии нет. Она предпринимает попытки внедриться в некую уже известную идеологию или использует идеологические установки и потом, мимикрируя под эту готовую идеологию, внедряет себя.

В ситуациях, когда терроризм пытаются превратить в средство разрешения политических споров, следует четко различать мотивацию преступной деятельности у организаторов акций терроризма и у рядовых исполнителей этих акций. Если речь идет о террористической деятельности, опирающейся на какую-то идеологию (националистическую, религиозную, политическую, классовую), то для людей, непосредственно ее осуществляющих, террористическая идеология, которая им насаждается инспираторами терроризма, является главным критерием оценки своих действий, жизненным компасом, руководством к действию. Поступки же организаторов террористической деятельности должны оцениваться с использованием других критериев. Чаще всего - это удовлетворение собственных амбиций, достижение власти и материального благополучия.

По мнению аналитиков, «инспираторы терроризма конца XX века коренным образом отличаются от своих предшественников, когда субъектам террористической деятельности вне зависимости от их ранга в иерархии террористической организации были присущи идеализм, фанатизм, жерт-

венность. Сегодняшние же организаторы и руководители различных террористических структур отличаются исключительным рационализмом. У них заготовлено два "комплекта" идеологии и нравственности: один для тех, кого они вовлекают в террористическую деятельность красивыми и привлекательными лозунгами, другой - для себя и своих близких» [7].

Примером такого двуличия может служить идеология террористических организаций, действующих от имени и под прикрытием ислама в различных регионах планеты. Их руководители в качестве исполнителей своих преступных замыслов готовят молодых людей и даже подростков. В результате интенсивной психологической и идеологической обработки молодые люди становятся послушным орудием в руках своих руководителей и готовы выполнить любой исходящий от них приказ. Так, на Северном Кавказе вербовка новых членов в ваххабитские общины происходила по технологиям, уже апробированным террористами в других странах. Будущие исполнители террористических акций рекрутировались из среды малограмотной мусульманской молодежи и направляются в специальные лагеря. Подбор новобранцев, как правило, ставился на поток. За каждую "голову" вербовщикам выплачивалось заранее установленное вознаграждение. В течение нескольких месяцев интенсивной подготовки юноши обучались военному делу и подвергались мощной идеологической и психологической обработке. Им внушалась мысль о том, что они – избранные воины аллаха, будущее человечества - за исламом. Любой, кто встанет на пути установления власти "истинного" ислама во всем мире, должен безжалостно уничтожаться. При этом «в формировании идеологических убеждений у террориста значительную роль играют психологические факторы. Во-первых, чтобы стать восприимчивым к террористической заразе, необходима личность, уверенная в своей правоте. ...Во-вторых, наиболее вероятно распространение терроризма среди тех индивидов, которые нуждаются в самоутверждении. В-третьих,

терроризм может быть следствием фрустрации личных, экономических и политических нужд. Это обуславливает решающее переплетение психологии и политики»[8].

Следует особо подчеркнуть, что идеологическое «оболванивание» граждан нашей страны, особенно не имеющих жизненного опыта и достаточного образования молодых людей, не представляет сегодня большого труда. Ибо за последние двадцать пять лет в нашей стране произошло падение духовности и нравственности в обществе появилось желание достичь материального благополучия любыми способами. Распространился правовой нигилизм во всех социальных слоях населения, включая представителей органов исполнительной власти. Постоянное присутствие идеологии насилия и культа жестокости в электронных средствах массовой информации стало будничным явлением. Идея о допустимости применения силы для достижения важных политических, социальных, экономических целей стала нормой жизни. Таким образом, внедрение в ментальность россиян жестокости, идеи о допустимости применения насилия, "привыкание" к нему граждан Российской Федерации создают благоприятную почву для распространения в стране экстремизма и терроризма.

К тому же идеология экстремизма и терроризма, получившая распространение на территории России, это и результат падения уровня воспитания в семьях и учебных заведениях. Современная российская система образования на всех уровнях не занимается в должной мере вопросами морально-нравственного и культурного воспитания молодежи, формированием таких качеств личности, как патриотизм, веротерпимость, толерантность, чувство товарищества, а это прямой путь к развитию социального экстремизма и снижению порога социальной безопасности.

Как подчеркнул Председатель Правительства России В.В.Путин в выступлении на межрегиональной конференции «Единой России» (г. Кисловодск, 6 июля 2010 г.), в «...идеологической экспансии, порой замешанной на экстремистских и радикальных установках, идёт борьба за умы, за настрое-

ния людей. И здесь мы не можем проиграть, не должны, не имеем права вести себя пассивно и плестись в хвосте событий»[9].

Для адекватного определения целей, принципов и задач антитеррористической идеологии важно (кроме прочего) глубоко и отчетливо представлять основные цели, задачи, методы, принципы и т.п. терроризма и его идеологии. Кроме того, в борьбе с терроризмом имеет принципиальное значение знание мотивов поведения террористов и то, что думают террористы, почему они делают то, что делают. В сущности, какими бы мотивами ни руководствовались экстремисты и террористы, - их основная цель – «...создание максимально конфликтных ситуаций и прецедентов для радикального изменения мирового порядка, связанного с разрушением сложившихся государственных систем ведущих стран мира, в том числе Российской Федерации. Только такие ситуации и прецеденты, по их мнению, могут вести к изменению мира, к торжеству «высшей справедливости»».

Таким образом, ведущим направлением в противодействии терроризму должно стать комплексное использование идеологических средств; формирование и распространение антитеррористической идеологии. Антитеррористическая идеология должна включать такие факторы, как: обеспечение социальной безопасности; соблюдение прав и свобод человека и гражданина; гармонизация международных отношений; формирование общероссийской гражданской идентичности, самосознания российского социума; межконфессиональная толерантность; соблюдение антитеррористического законодательства и гуманистических нравственных норм; *образование как компонент системы противодействия идеологии терроризма и экстремизма.*

Таким образом, главной целью противодействия идеологии терроризма и формирования антитеррористического сознания является создание в обществе антитеррористического мировоззрения в интересах привития населению иммунитета к попыткам вовлечения в террористическую дея-

тельность, сокращение социальной базы поддержки террористов и решительное осуждение применения террористических методов под любыми лозунгами и идеологическими установками. Для этого необходимо:

- постоянное совершенствование политико-правового обеспечения всех направлений противодействия террористическим угрозам с одновременным повышением уровня правовой антитеррористической культуры населения;

- фактологическое разъяснение гражданам противоправной, разрушительной, античеловеческой сущности терроризма и внедрение в общественное сознание людей убеждения в бесперспективности использования устрашающего насилия для достижения любых деструктивных целей под любыми лозунгами;

- доведение до населения на конкретных убедительных примерах стратегической государственной позиции о неотвратимости и жесткости наказания за совершение актов терроризма;

- поддержание положительного имиджа специальных служб, правоохранительных органов и других государственных институтов, осуществляющих антитеррористическую деятельность и развитие гражданской позиции в обществе об оказании постоянной помощи государству в противодействии терроризму;

- разоблачение мифов, героизирующих террористическую и экстремистскую деятельность, с одновременным развенчанием их лозунгов и пропагандистских приемов и демонстрацией лицемерия организаторов, руководителей, идеологов, спонсоров терроризма;

- внедрение в общественное сознание уважения и правильного понимания многообразия культур, форм самовыражения, способов проявления человеческой индивидуальности;

- формирование у научной, творческой интеллигенции и представителей средств массовой коммуникации потребности в создании научных, научно-популярных, художественных, публицистических, документальных произведений, направленных на формирование антитеррористического сознания в обществе.

В настоящее время государство и все государственные структуры, общество, специальные службы, правоохранительные органы и каждый человек нашей страны должны активизировать свои усилия в создании системы противодействия идеологии терроризма и формирования антитеррористического сознания в обществе. При этом оно должно быть более гибким, изворотливым, мудрым и более наступательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hubbard D.G. Winning back the sky. A Tactical Analysis of Terrorism. San-Francisco etc.,1999. P.122.
2. **Петрищев В.Е. Противодействие террористической идеологии - приоритетное направление профилактики терроризма**// Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, МГУ 13-14 октября 2010 г. Том I. М.: Университетская книга, 2010. С. 75-81.
3. Там же.
4. Павлинов А.В., Быба А.И. Правовая школа по профилактике экстремизма среди молодежи. Владимирский опыт: вопросы и ответы / под общ. ред. В.Ю.Картухина. Владимир, 2010. С. 62-63.
5. Terrorism.1987.Vol.10.N1.P.26
6. Мирский Г. И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 41-62.
7. **Петрищев В.Е. Противодействие террористической идеологии...** С. 75-81.
8. The Annual on Terrorism.1996.P.112 .
9. Режим доступа: <http://old.dagestan.er.ru/news.html>

А.А. Лабукин

(группа по Республике Татарстан
филиала по ПФО ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

«МОБИЛЬНЫЕ» МОШЕННИЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ

В статье раскрываются наиболее распространенные в криминальной среде схемы совершения мошенничества с использованием средств сотовой связи и основные способы изъятия денежных средств у потерпевших от таких преступлений.

Ключевые слова: средства сотовой связи, телефон, мошенничество, схемы и способы совершения

In article the schemes of commission of fraud most widespread in the criminal environment with use of means of cellular communication and the main ways of withdrawal of money at victims from such crimes reveal.

Key words: means of cellular communication, phone, fraud, schemes and ways of commission

Корыстную преступность можно назвать криминальным феноменом. Её доля превышает 90% от общего количества зарегистрированных преступлений в странах с развитой экономикой и более 60% в развивающихся странах [1]. При этом каждый третий вид преступления, преследуемого по Уголовному кодексу Российской Федерации, входит в число преступлений, где корыстная мотивация выступает характерным признаком.

Наиболее распространенными преступлениями из числа корыстных являются преступления против собственности, совершаемые посредством различных форм хищений чужого имущества. Их общественная опасность определяется тем, что в своем большинстве они вносят дезорганизацию в экономическую жизнь страны, создают возможности для паразитического обогащения одних за счет других.

При этом одной из «самых популярных» у преступников форм хищений чужого имущества является мошенничество, «вирус» которого проник практически во все сферы человеческой деятельности.

Интенсивное развитие телекоммуникаций и компьютерных технологий является главной чертой нашего времени. Возникшие в 80-х гг. прошлого века беспроводные (мобильные) системы связи, благодаря своим функциональным возможностям, приобрели огромную популярность и распространились по всему земному шару. На сегодняшний день количество абонентов сотовых сетей в мире превысило 2,5 миллиарда человек [2].

Едва появившись, телефон стал высокодоходным орудием криминалитета, а сотовый (или мобильный) – в особенности: вместе со свободным оборотом на рынке сотовых телефонов появились и различные виды и схемы мошенничества, связанные с ним.

Злоумышленники всегда ищут способ «примоститься» к кормушке любого высокодоходного бизнеса. Как и в любой другой отрасли, способы мошенничества в сфере сотовой связи разнятся как по степени изощренности мошенников, так и по степени общественной опасности их деяний, при этом арсенал так называемых

«мобильных кидал» постоянно пополняется и совершенствуется.

Как свидетельствует международная статистика, ежегодные совокупные потери операторов связи и абонентов от телефонного мошенничества составляют примерно \$10-40 млрд. Точно подсчитать невозможно – операторы информацией о своих потерях делятся неохотно, а абоненты, «кинутые» на 100-500-900 руб., зачастую никуда не обращаются [3]. Вместе с тем, по данным МВД России, каждый пятый из ста обладателей сотовых телефонов становился жертвой мошенничества [4].

Так, сравнительно недавно (по оценкам специалистов МВД России, с 2008 года), на территории нашего государства появились и начали массово проявляться так называемые «мобильные» мошенничества, где в качестве главного «орудия» совершения преступления выступают средства сотовой телефонной связи. Главной причиной популярности у криминалитета такого способа отъема чужого имущества у граждан – денежных средств – является широкая распространенность и относительная доступность для большинства населения услуг сотовой связи и средств общения внутри нее. Жертвами «мобильных» мошенников становятся все без исключения – это и бизнесмены, и чиновники, и звезды шоу-бизнеса, и обычные граждане.

Для общения с потенциальной жертвой «мобильные» мошенники используют:

1) телефонный звонок – позволяет манипулировать человеком при разговоре, но при таком общении можно разоблачить мошенника правильным вопросом;

2) SMS-сообщения – это мошенничество «вслепую»: такие сообщения рассылаются в большом объеме – в надежде на доверчивого получателя.

Основная цель «мобильных мошенников» – заставить потерпевшего добровольно передать свои денежные средства. Для этого используются различные схемы.

По данным Управления «К» МВД России, в настоящее время наиболее «популярными» в криминальной среде схемами телефонного мошенничества являются:

1) **обман по телефону**: требование выкупа или взятки за освобождение якобы из отделения полиции родственника или знакомого. Мошенник представляется родственником или знакомым и взволнованным голосом сообщает, что задержан сотрудниками полиции за совершение того или иного преступления (совершил ДТП, хранение оружия или наркотиков, нанесение тяжких телесных повреждений и др.). Далее в разговор вступает якобы сотрудник полиции. Он уверенным тоном сообщает, что уже не раз помогал людям таким образом. Но если раньше деньги привозили непосредственно ему, то сейчас так делать нельзя, так как он боится потерять погоны. Деньги необходимо привезти в определенное место, передать какому-либо человеку или перевести на определенный счет. Общественная опасность подобных преступлений заключается в том, что, помимо причинения материального ущерба потерпевшим, дискредитируются правоохранительные органы, в частности полиция;

2) **SMS-просьба о помощи**: требование перевести определённую сумму на указанный номер (как правило, используется обращение «мама», «друг», «сын» и т.п.). Абонент получает на мобильный телефон SMS-сообщение: «У меня проблемы, позвони по такому-то номеру, если номер недоступен, положи на него определенную сумму и перезвони» [5];

3) **телефонный номер (ссылка) – «грабитель»**: платный номер или интернет-ссылка, за один звонок или выход на которые со счёта списывается денежная сумма. Например, абоненту приходит SMS-сообщение о необходимости найти редкую группу крови для спасения ребенка. В сообщении указывается контактный номер телефона, звонки на который автоматически снимают денежные средства со счёта звонящего. Или абоненту приходит SMS-сообщение, содержащее объявление с предложением стабильной работы с жильем и высокой зарплатой. Для получения информации о работе в них предлагается отправить SMS или позвонить на короткий номер (повышенная стоимость SMS или платный автоответчик). Или абонент по-

лучает от мошенников SMS-сообщение, оповещающее его о том, что он может посмотреть присланную ему поздравительную открытку со своего сотового телефона, пройдя по указанной ссылке. После перехода по ссылке абонент автоматически подписывается на один из платных сервисов или «цепляет» вирус, в результате чего в последующем происходит ежедневное списание средств с его телефонного счета. Или абоненту приходит SMS-сообщение: «Вам отправлена MMS-открытка или получен MMS-подарок от, например, «Катя» для абонента с номером +7...». И далее абонент видит свой номер и ссылку для скачивания. При нажатии на ссылку на телефон скачивается и автоматически запускается java-приложение, содержащее вредоносное программное обеспечение, которое отправляет SMS с переводом средств на номера мошенников;

4) **выигрыш в лотерее, которую якобы проводит радиостанция или оператор связи:** потерпевшего просят приобрести карты экспресс-оплаты и сообщить коды либо перевести определенную, как правило, крупную денежную сумму на свой счёт, а потом ввести специальный код. На мобильный телефон абонента звонит якобы ведущий популярной радиостанции и поздравляет с крупным выигрышем (телефон, ноутбук и др.) в лотерее, организованной радиостанцией и оператором мобильной связи. Чтобы получить приз, необходимо в течение минуты дозвониться на радиостанцию. Перезвонившему абоненту отвечает сотрудник «призового отдела» и подробно объясняет условия игры: просит представиться и назвать год рождения; грамотно убеждает в честности акции (никаких взносов, переигровок и т.д.); спрашивает, может ли абонент активировать на свой номер карты экспресс-оплаты на определенную денежную сумму; объясняет, что в течение часа необходимо подготовить карты экспресс-оплаты любого номинала на указанную сумму и еще раз перезвонить для регистрации и присвоения персонального номера победителя, сообщает номер; поясняет порядок последующих действий для получения приза. Если

по каким-то причинам абонент не сможет в течение часа найти карты экспресс-оплаты на определенную денежную сумму, то все равно должен позвонить для согласования дальнейших действий. Затем мошенник объясняет порядок активации карт: стереть защитный слой; позвонить в призовой отдел; при переключении на оператора – сообщить свои коды. Оператор их активирует на номер абонента, а призовой отдел контролирует правильность его действий, после чего присваивает ему персональный номер «победителя», с которым гражданин должен ехать за призом. Предложение самостоятельно активировать карты на свой номер и приехать с доказательными документами из сотовой компании не принимается, таковы правила рекламной акции;

5) **простой код от оператора связи:** предложение услуги или другой выгоды – достаточно ввести код, который на самом деле спишет средства со счёта. Поступает звонок якобы от сотрудника службы технической поддержки оператора сотовой связи с предложением подключить новую эксклюзивную услугу или для перерегистрации во избежание отключения связи из-за технического сбоя или для улучшения качества связи. Для этого абоненту предлагается набрать под диктовку код, который является комбинацией для осуществления мобильного перевода денежных средств со счета абонента на счет злоумышленников;

6) **штрафные санкции и угроза отключения номера:** якобы за нарушение договора с оператором сотовой связи. Мошенник представляется сотрудником службы технической поддержки оператора сотовой связи и сообщает, что абонент сменил тарифный план, не оповестив оператора (также могут быть варианты: не внес своевременную оплату, воспользовался услугами роуминга без предупреждения), и, соответственно, ему необходимо оплатить штраф в определенном размере, купив карты экспресс-оплаты и сообщив их коды;

7) **ошибочный перевод средств:** просят вернуть деньги, а потом дополнительно

снимают сумму по чеку. Абоненту поступает SMS-сообщение о поступлении средств на его счет, переведенных с помощью услуги «мобильный перевод». Сразу после этого поступает звонок от мошенника, который сообщает, что ошибочно перевел деньги на его счет и просит вернуть их обратно тем же «мобильным переводом»;

8) **услуга, якобы позволяющая получить доступ к SMS и звонкам другого человека:** зная склонность некоторых граждан «пошпионить» за близкими и знакомыми, злоумышленники придумали очередной способ мошенничества в Интернете. Пользователю предлагается изучить содержание SMS-сообщений и список входящих и исходящих звонков интересующего абонента. Для этого необходимо отправить сообщение стоимостью от 10 до 30 руб. на указанный короткий номер и вписать в предлагаемую форму номер телефона абонента. После того, как пользователь отправляет SMS, с его счета списывается сумма гораздо большая той, что была указана мошенниками, – до 500 руб., а интересующая информация так и не поступает;

9) **SMS-сообщение о блокировании банковской карты:** абоненту приходит SMS-сообщение о том, что его банковская карта заблокирована, и ему предлагается бесплатно позвонить на определенный номер для получения подробной информации. Когда владелец карты звонит по указанному телефону, ему сообщают о том, что на сервере, отвечающем за обслуживание карты, произошел сбой, а затем просят сообщить номер карты и PIN-код для ее перерегистрации. Получив реквизиты пластиковой карты, мошенники переводят денежные средства на свой телефон, а затем снимают их со счета;

10) **SMS-сообщение о выигрыше автомобиля:** абоненту сотовой связи, как правило, в ночное время приходит SMS-сообщение, в котором говорится о том, что в результате проведенной лотереи он выиграл автомобиль. Для уточнения всех деталей потенциальной жертве предлагается посетить определенный сайт и ознако-

миться с условиями акции либо позвонить по одному из указанных телефонных номеров. Во время разговора мошенники сообщают о том, что для выполнения необходимых формальностей (уплаты госпошлины, оформления необходимых документов) счастливому обладателю новенького автомобиля необходимо перечислить на счет своего сотового телефона определенную денежную сумму, а затем набрать определенную комбинацию цифр и символов якобы для проверки поступления денег на счет и получения «кода регистрации». Как только жертва завершает указанные манипуляции, счет обнуляется.

По результатам проведенного нами анализа материалов уголовных дел и судебной практики по преступлениям рассматриваемой категории считаем необходимым выделить и такую нередко используемую мошенниками схему, как **заказ на приготовление и доставку готовых блюд и продуктов**. Так, в целях реализации своего преступного умысла, мошенники осуществляют по сотовому телефону звонок в различные регионы России и оставляют заказ на приготовление и последующую доставку на домашний адрес готовых блюд и продуктов в предоставляющие такие услуги организации (рестораны, кафе и т.д.) [6]. Затем, когда преступникам сообщают о готовности их заказа, мошенники просят контактный телефон курьера, осуществляющего доставку, и в процессе разговора с курьером под любым предлогом убеждают последнего во время доставки внести через платежный терминал денежные суммы на счета абонентских номеров «своих» сотовых телефонов. После поступления денежных средств мошенники просто отключают сотовый телефон [7].

Новая схема мошенничества с использованием средств сотовой связи совсем недавно выявлена в Вологодской области, где сотрудниками уголовного розыска областного УМВД России в результате оперативно-розыскных мероприятий были задержаны два жителя Республики Украина, подозреваемые в совершении мошеннических действий. Преступная схема основыв-

валась на отзывчивости граждан. Жертвами злоумышленников в основном становились пожилые люди. Заходя в подъезд или частный дом, неизвестный интересовался у жителей, не находил ли кто видеокассету или компакт диск с очень ценной информацией. Отзывчивые граждане, особенно пенсионеры, проникались сочувствием и помогали опрашивать соседей. После безрезультатных поисков подозреваемый оставлял свой контактный номер и просил обязательно перезвонить в случае обнаружения пропажи, обещая приличное вознаграждение. Затем появлялся второй злоумышленник и приносил кассету (диск), которую он якобы только что нашел, и требовал вознаграждение. Граждане звонили «потерявшему», который говорил, что подъедет в скором времени и просил рассчитаться с человеком, обнаружившим искомую кассету или диск. Все пострадавшие, в основном – люди преклонного возраста, до последнего верили, что делают благое дело, помогают человеку, потерявшему ценную вещь. И только спустя время понимали, что их обманули [8].

И отметим еще один недавний случай, связанный с очередным способом совершения мошенничества с использованием средств сотовой связи. Сотрудники УЭБиПК ГУ МВД России по г. Москве совместно с ГСУ ГУ МВД России по г. Москве и службой безопасности Сбербанка России при поддержке СОБР ЦСН ГУ МВД России по г. Москве провели крупномасштабную операцию по пресечению деятельности группы мошенников и задержанию организаторов и участников организованной преступной группы. Жертвами злоумышленников становились, как правило, люди преклонного возраста – пенсионеры, инвалиды и ветераны Великой Отечественной войны. Аферисты звонили им по телефону и, представляясь работниками различных государственных органов – МВД России, ФНС, Центробанка, Счетной палаты и других, предлагали получить компенсацию за ранее приобретенные биологически активные добавки. Они просили пожилых людей опла-

тить издержки по оформлению документов, якобы необходимых для получения компенсации. После осуществления первого денежного перевода на счета подконтрольных им частных лиц злоумышленники звонили снова и под различными предложениями требовали дополнительных платежей. Например, говорили о возможности предоставления большего размера компенсации, ссылались на неправильное зачисление денежных средств и прочее. Впоследствии они обналичивали деньги через банкоматы. По предварительным данным, от действий аферистов пострадало более 150 человек. Ущерб в каждом из эпизодов составил от 100 тысяч до 1,5 млн рублей. Среди пострадавших – жители не только Москвы и Подмоскovie, но и других регионов России. Полицейские установили, что лидер группы ранее осуществлял мошенническую деятельность в области реализации биологически активных добавок. Собранный таким образом база данных покупателей использовалась для повторного совершения хищений «по схеме компенсаций» [9].

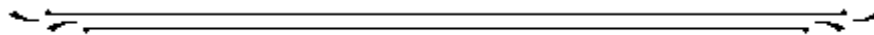
Изъятие денежных средств может проходить также разными способами. Наиболее популярны у «мобильных» мошенников следующие схемы получения денежных средств от потерпевших:

- передать деньги из рук в руки или оставить в условленном месте;
- приобрести карты экспресс-оплаты и сообщить мошеннику коды карты;
- перевести деньги на свой счёт и ввести специальный код;
- перевести деньги на указанный счёт;
- позвонить на специальный телефонный номер, который окажется платным, и со счёта потерпевшего будут списаны средства.

В качестве примеров приведены далеко не все схемы «мобильных» мошенничеств, арсенал преступников постоянно совершенствуется и пополняется, при этом все чаще в своих мошеннических схемах криминальные аферисты используют возможности Интернет-ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 234.
2. См.: Лазарева И.В. Расследование преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сети сотовой радиотелефонной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2007.
3. См.: <http://aferizm.ru>.
4. См.: <http://znakkachestva.ru>.
5. Прим. автора. «Мобильные» мошенники придумали очередной способ обмануть доверчивых владельцев сотовых телефонов. Их SMS теперь маскируются под знакомые абонентам номера – теперь просьбы о финансовой помощи могут прийти от якобы знакомых людей, тех, чьи имена занесены в контакты абонента. То есть кибер-преступники научились подделывать имя отправителя (по материалам сайта: <http://news.mail.ru>).
6. Прим. автора. Данные по реальным домашним адресам и организациям, выполняющим заказы на приготовление и последующую доставку на домашний адрес готовых блюд и продуктов, мошенники получают, как правило, через Интернет.
7. См., например, материалы уголовного дела №2694, возбужденного в отношении Джабуа А.А. по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ (7 эпизодов). Архив ОМВД России по Zubovo-Полянскому муниципальному району Республики Мордовия. У/д №2694, 2011.
8. См.: <http://mvd.ru>.
9. См.: <http://petrovka38.ru>.

М.М. Шакирьянов,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы профилактики экстремистских проявлений среди несовершеннолетних. Отмечается возрастающая роль государственной политики в данном направлении в современных условиях.

Ключевые слова: экстремизм, радикализация молодежи, антиэкстремистская деятельность, профилактика экстремизма.

This article discusses the issues of prevention of extremist manifestations among minors. There is a growing role of the state policy in this direction in modern conditions.

Keywords: extremism, radicalization of youth, antiextremist activities, preventing extremism.

Современное российское общество оказалось перед лицом вызова со стороны идеологии и практики экстремизма, составными элементами которого выступают нетерпимость, ксенофобия, национализм и фашизм.

Одной из наиболее уязвимых для экстремизма социальных групп явилась молодежь. Сегодня молодежный экстремизм выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам поведения, к закону в целом, появлении неформальных молодежных объединений противоправного характера. Экстремисты нетерпимы к тем гражданам России, которые принадлежат к другим социальным группам, этносам и придерживаются иных политических, правовых, экономических, моральных, эстетических и религиозных идей.

Известно, что молодежи свойственна психология максимализма. Деструктивные силы используют эту возрастную особенность в экстремистских целях, нередко пытаясь под предлогом якобы патриотического воспитания навязать молодежи радикальные идеи. К сожалению, числен-

ность радикальных экстремистских объединений молодежи увеличивается.

На рубеже двух тысячелетий в России получили распространение и заметно активизировались различные неформальные объединения: скинхеды, рокеры, попперы, фанаты различных спортивных и музыкальных групп, молодежные отделения организаций религиозной и политической направленности, уличные группировки. Деятельность таких групп и объединений нередко проявляется в виде правонарушений и преступлений.

Экстремистские проявления в молодежной среде оказывают не только дестабилизирующее воздействие на экономику и общество, но и разрушают интеллектуальный, культурный, профессиональный потенциал нашей страны.

Наибольшую тревогу вызывают проявления экстремизма в молодежной среде. В последние годы все больше молодых людей вовлекается в группы и объединения экстремистской направленности, и это не случайно, так как молодежь - одна из наиболее уязвимых категорий населения.

Проблемы предупреждения создания и функционирования молодежных группировок экстремистской направленности являются сегодня актуальными для всех регионов Российской Федерации, в том числе и для Республики Татарстан.

Проблемы радикализации молодежи и ее использования религиозно-радикальными, оппозиционными отечественными и зарубежными структурами на территории Республики Татарстан приобрели актуальность в последние 5 лет.

Интерес, проявляемый к молодежной среде республики, обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, Татарстан относится к регионам с высокой долей молодежи в структуре населения. По данным Всероссийской переписи 2010 года, в республике проживают более 800 тысяч молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет около 23% от общей численности населения.

В 2012/2013 учебном году в Республике Татарстан функционируют 19 государственных и 11 негосударственных вузов, 56 филиалов образовательных учреждений высшего профессионального образования, из них 27 государственных и 29 негосударственных, 137 среднеспециальных и профессиональных учебных заведений и 1913 общеобразовательных школ. Общая численность студентов - более 213 тыс. человек [1].

Во-вторых, Татарстан является многонациональным (52,9 % составляют татары, 41 % - русские) и поликонфессиональным (ведущие конфессии – ислам и православие) регионом, что объективно вызывает интерес со стороны националистических и радикальных структур к населению республики, в том числе к молодежи.

В-третьих, республика отличается развитой политической инфраструктурой – здесь зарегистрировано 21 региональное отделение российских партий, более 150 отечественных неправительственных организаций, которые стремятся вовлечь молодежь в орбиту своей политической деятельности.

В преддверии предстоящей Универсиады - 2013 в г. Казани прогнозируется

дальнейшая активизация деятельности отечественных и иностранных неправительственных организаций, всячески стремящихся усилить свое влияние на различные молодежные структуры с целью их использования в политических антиконституционных выступлениях как ударную силу «цветных» революций.

Сегодня отмечается рост сторонников радикальных экстремистских организаций, в том числе международной террористической организации (МТО) «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», движений «Ат-Такфир валь-Хиджра», «Таблиги-Джамаат» и некоторых других. Все большую остроту и актуальность приобретают вопросы, связанные с усилением националистических и профашистских настроений в молодежной среде.

В прошедшем году сотрудниками полиции республики выявлено 18 преступлений экстремистской и террористической направленности, из которых 6 были совершены членами казанской ячейки международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», 2 – приверженцами идеологии «Ат-такфир валь-хиджра», 9 – членами неформальных молодежных движений экстремистской направленности. Всего к уголовной ответственности был привлечен 31 человек.

26.07.2011 г. Авиастроительный районный суд Казани вынес приговор в отношении 2-х лидеров и 4-х участников неформальной молодежной группировки экстремистской направленности «Фронт Казанских Патриотов» (ФКП), которые с мая по октябрь 2010 года в целях подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности создали группировку в количестве 15 человек. В ходе расследования в отношении участников «ФКП» было возбуждено еще 11 уголовных дел по фактам разбойных нападений, грабежей и краж. Суд, признав их виновными, приговорил 2-х лидеров группировки - к 5,5 годам и 3,5 годам лишения свободы; 2-х активных участников группировки - к 4 годам лишения свободы; 2-х участников группировки к 3 годам и 2,5 годам лишения свободы условно [2].

За 9 месяцев 2012 года на основании собранных сотрудниками полиции материалов вынесено 92 прокурорских предостережения, 2 предупреждения и одно представления о недопустимости осуществления экстремистской деятельности.

Одним из ключевых направлений борьбы с экстремистскими проявлениями в общественной среде выступает их профилактика. Особенно важно проведение профилактической работы в среде молодежи, так как именно указанная среда в силу целого ряда различных факторов является одной из наиболее уязвимых в плане подверженности негативному влиянию разнообразных антисоциальных и криминальных групп [3]. Социальная и материальная незащищенность молодежи, максимализм в оценках и суждениях, психологическая незрелость, значительная зависимость от чужого мнения - вот только некоторые из причин, позволяющих говорить о возможности легкого распространения радикальных идей среди российской молодежи. Между тем данные идеи в молодежной среде получают значительное распространение. Так, по данным МВД РФ на начало 2008 года, около 98 тысяч молодых людей участвовали в деятельности различных экстремистских группировок.

Особую тревогу вызывают преступления насильственного характера со стороны молодежи и подростков в отношении иностранных граждан на почве национальной, расовой и религиозной вражды [4].

Лидеры экстремистских группировок различного толка привлекают молодежь в свои объединения, часто обещая ей легкое решение всех проблем, в том числе и материальных. Неокрепшие молодые умы зачастую даже не задумываются о том, что, участвуя в деятельности подобных формирований, они не только не решают свои существующие проблемы, но и создают себе многочисленные новые, по сути, уничтожают свое будущее.

Принимая во внимание существующую опасность распространения в регионе молодежного экстремизма, а также с учетом сложности работы по предупреждению и пресечению этого негативного социаль-

ного явления, рассмотрев и проанализировав указанную проблему, в целях совершенствования организации в сфере профилактики и информационно-пропагандистского обеспечения антиэкстремистской деятельности мы предлагаем осуществить следующие мероприятия.

1. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации разработать комплексную целевую (межведомственную) программу деятельности всех заинтересованных ведомств по формированию законопослушного поведения и профилактике проявления экстремизма в молодежной среде. Внести на обсуждение территориальных антитеррористических комиссий вопрос по проблеме проявлений экстремизма в молодежной среде для принятия последующих согласованных межведомственных решений.

2. Организовать на плановой основе встречи сотрудников правоохранительных органов с молодежью в образовательных учреждениях и активизировать работу по военно-патриотическому воспитанию. Во взаимодействии с органами власти организовать привлечение активистов ветеранских, национальных обществ, землячеств, молодежных организаций для формирования негативного общественного мнения по отношению к экстремистским молодежным объединениям. Подготовить и реализовать через СМИ информационные материалы, вскрывающие социальную опасность и разоблачающие идеологию экстремизма, неонацизма в молодежной среде.

3. Продолжить совершенствование системы взаимодействия и координации совместной предупредительно-профилактической и разъяснительной работы по формированию у молодежи негативного отношения к различным проявлениям экстремизма, т.е. проведение превентивной работы по распространению и реконструкции молодежных группировок экстремистской направленности.

4. Разработать проекты нормативных актов, запрещающих передачу в аренду коммерческим структурам помещений, предназначенных для использования или

А.Е. Шалагин,
кандидат юридических наук, доцент
(Казанский юридический институт МВД России)

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОЗДАНИЕ
НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ,
ПОСЯГАЮЩЕЙ НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА
ГРАЖДАН, ПО УГОЛОВНОМУ
КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье проведен криминологический и уголовно-правовой анализ преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ (создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан). Обращено внимание на проблемные вопросы, возникающие в следственно-судебной практике. Предложены меры профилактики и минимизации данного преступного деяния.

Ключевые слова: деструктивные религиозные организации, секты, адепты, здоровье населения, религиозная преступность, преступления на религиозной почве, организация объединения, посягающего на личность и права граждан.

The article contains a criminological and criminal-legal analysis of a crime under art. 239 of the criminal code of the Russian Federation (the creation of a nonprofit organization, infringing upon the personality and the rights of citizens). Attention is paid to the problems, arising in the investigative and judicial practice. Proposed measures for the prevention and minimization of the given criminal act.

Key words: destructive religious organizations, sects, the adepts, the health of the population, religious crime, crimes committed on religious grounds, the organisation of the Association encroaching on the person and rights of citizens.

Статьей 239 УК РФ предусматривается ответственность за создание и участие в деятельности некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан. Данная норма направлена на защиту интересов общества и государства от противоправных проявлений общественных и религиозных объединений, нарушающих требования законов и подзаконных нормативных актов, а также представляющих угрозу здоровью населения и нравственным устоям. Опасность представляет та деятельность организаций, которая сопряжена с физическим или психическим насилием, побуждением лиц к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противозаконных действий.

Религиозными организациями признаются добровольные объединения граждан, созданные в целях совместного вероисповедания, обладающие следующими признаками: совершение богослужений, отправление религиозных обрядов и церемо-

ний, религиозное воспитание и обучение. Законами Российской Федерации «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7 (в ред. от 28 июля 2012 г.) [1]; «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125 (в ред. от 1 июля 2011 г.) [2]; «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82 (в ред. от 1 июля 2011 г.) [3] запрещены создание и деятельность подобного рода организаций в антигосударственных и асоциальных целях. Контроль и надзор за деятельностью общественных и религиозных организаций наряду с Министерством юстиции осуществляют органы внутренних дел, Федеральная служба безопасности, прокуратура, органы местного самоуправления и др.

В России зарегистрировано 119247 общественных и 23494 религиозных объединений [4, С. 11]. Доля выявленных преступлений по ст. 239 УК РФ ничтожно мала, от 1-2 до 10 преступных деяний в год. При

этом большинство преступлений остаются латентными, а эффективность борьбы с ними чрезвычайно низка. Зачастую виновные привлекаются к ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности (ст. 282, 282.1, 282.2 УК РФ).

Количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации по ст. 239 УК России и число лиц, привлеченных к ответственности по этой категории дел в 2006-2011 гг., представлены в таблице 1 [5].

Таблица 1

Год	Количество зарегистрированных преступлений по ст. 239 УК РФ	Выявлено лиц, совершивших преступление по ст. 239 УК РФ	Зарегистрировано преступлений по наиболее тяжкому составу (ч.1 ст. 239 УК РФ)
2006	2	2	2
2007	2	1	1
2008	0	0	0
2009	5	1	1
2010	5	10	5
2011	8	2	1
2012	3	5	1

Изученная нами следственно-судебная практика позволила сделать вывод, что по ст. 239 УК РФ преимущественно привлекаются лица, проявляющие себя в деятельности деструктивных религиозных организаций асоциальной направленности (секта). Секта (от лат. «secta») - учение, направление, школа) – религиозная организация, представляющая собой группу лиц, замкнувшихся в собственных интересах и противопоставляющих себя общепризнанным нравственным и духовным традициям [6, с. 548]. В сектах нередко применяется манипуляция сознанием ее членов с целью подавления воли человека и контроля его поступков.

Признаки религиозных сект: это: противостояние ортодоксальным религиозным течениям, собственный язык (сектантский жаргон), отрыв от внешнего мира, чувство избранности (некоего спасительного знания, миссии), массовое распространение своего учения, вербовка новых членов особыми средствами (психологическое давление, внушение, программирование сознания), иерархия ее членов, высокая степень конспирации, пресечение попыток добровольного выхода из секты, доведение своих адептов до состояния готовности в любой момент уйти из жизни или совершить противоправные действия, стремле-

ние лидеров к незаконному обогащению и безграничной власти, поклонению своему учителю, медиуму, жрецу, гуру и т.п. [7, с. 27; с. 8].

В своей книге Д. Таевский дает подробную классификацию религиозных сект, которые он делит на: христианские, иудаистские, исламские, индуистские, буддистские, синтоистские, синкретические, а также секты новых религий [8, с. 570-571]. Далеко не все секты представляют реальную угрозу существующим общественным отношениям, а только те, которые несут экстремистскую, террористическую, сепаратистскую и иную асоциальную направленность.

Основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ, – это здоровье населения (физическое и психическое). Дополнительный объект - порядок создания и деятельности общественных и религиозных объединений. В качестве факультативного объекта может выступать здоровье конкретного человека.

Создание объединения, посягающего на личность и права граждан, может выражаться в деятельности по подбору его членов, подготовке уставных документов, подыскании помещения, решении хозяйственных вопросов и т.п. Организационными

действиями будут являться: определение целей и задач создаваемого объединения, планирование деятельности, подбор руководящего состава и распределение обязанностей, финансирование, координация функционирования структурных подразделений. Так, гр. А. в 2004 г. в г. Саранске создал и руководил сектой, которая просуществовала до 2009 г. В секту были вовлечены 75 человек (из числа учеников старших классов школ и студентов), проживающих в Мордовии и соседних регионах. Путем совершения ритуальных обрядов в сознание молодежи внедрялась идеология насилия, игнорирования этических норм и социальных институтов, половой извращенности и надругательства над личностью. В ходе проведения следственных действий сотрудниками правоохранительных органов была изъята оккультная и сатанинская литература, религиозная атрибутика, расписки о вступлении в секту. Впоследствии организатор и один из участников религиозной группы были осуждены за совершение преступлений против здоровья населения и половой неприкосновенности [9].

Руководство можно осуществлять только в уже созданной группе. За этот процесс может отвечать один или несколько человек. Как правило, среди руководителей или их приближенных существует распределение ролей (одни отвечают за материальную базу, другие за вовлечение новых adeptов, третьи поддерживают дисциплину и обеспечивают безопасность группы).

В ч. 1 ст. 239 УК РФ не уточняется, о каком насилии идет речь, а между тем от этого зависит правильная квалификация содеянного, что, в свою очередь, позволяет назначить виновному справедливое наказание. *Насилие над гражданами* охватывает умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), а также побои (ст. 116 УК РФ). Причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 111, 112 УК РФ. *Иное причинение вреда здоровью* может выражаться в лишении потерпевшего пищи, воды, медицинской помощи, свобо-

ды передвижения. В таком случае квалификация содеянного будет осуществляться с учетом характера и тяжести наступивших последствий [10, с. 506].

Побуждение лиц к отказу от исполнения гражданских обязанностей может выражаться в призывах: не соблюдать Конституцию и российское законодательство, не уплачивать налоги и сборы, не проходить военную или альтернативную службу, отказаться от воспитания, обучения и содержания детей; а также в подстрекательстве к совершению преступлений и правонарушений.

Преступление совершается путем активных действий. Создание объединения считается оконченным с момента его фактического образования, а процесс формирования такой организации образует приготовление или покушение на преступление.

Субъективная сторона преступного деяния характеризуется прямым умыслом. Мотивами данного преступления чаще всего являются религиозный фанатизм, а также корыстные и властолюбивые устремления. Такие объединения нередко смыкаются с неонацистскими, экстремистскими, террористическими и иными преступными организациями. В соответствующих случаях необходима дополнительная квалификация по совокупности преступлений [11, с. 555]. Цель данного преступления - вовлечь в группу как можно большее число лиц, обогатиться в короткие сроки, получить власть над людьми.

Субъектом преступления выступает физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Вопросу вменяемости членов религиозных объединений в юридической практике придается особое значение. В деструктивные религиозные объединения зачастую вступают лица, находящиеся в ситуации социально-психологической дезадаптации, в процессе которой у них нарушается ценностно-ориентационная и коммуникативная деятельность [12, с. 8]. В связи с этим потенциальными adeptами ряда религиозных объединений становятся: лица, потерявшие работу, недавно сменившие место жительства, пережившие какую-либо трагедию

(смерть близких, развод, несчастную любовь, тяжелую болезнь), не сумевшие создать семью, оказавшиеся в силу обстоятельств аутсайдерами. По мнению экспертов, именно состояние фрустрации в сочетании с такими особенностями личности, как дисгармония, впечатлительность, неустойчивость, постоянная потребность в новых впечатлениях, незрелость коммуникативной сферы, глубокие внутренние конфликты, существенно облегчают механизм вовлечения лиц в деятельность деструктивных религиозных организаций асоциальной направленности [13, с. 4].

Федеральным законом от 20 июля 2012 г. № 121 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» ч. 2 ст. 239 УК РФ была изложена в новой редакции. В ней предусматривается ответственность за создание некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководство такой организацией либо ее структурным подразделением.

В ч. 3 ст. 239 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за участие в деятельности некоммерческой организации, а также за распространение вероучений, пропагандирующих культ насилия над личностью, асоциальные призывы. Наибольшую опасность представляют активные формы участия граждан в деятельности деструктивных религиозных организаций, что свидетельствует об их устоявшихся взглядах и намерениях. Участие в таком объединении предполагает не только членство, но и активное включение в его жизнедеятельность (вложение финансовых средств в развитие организации, ведение документации, участие в ритуалах

и обрядах, информирование населения о деятельности объединения и т.п.).

Пропаганда деяний, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 239 УК РФ, – это распространение взглядов, идей, убеждений среди неопределенного числа лиц в целях возбуждения у них желания совершить противозаконные (асоциальные) поступки. Пропаганда осуществляется путем распространения в любой форме позитивной информации о деятельности соответствующего объединения для привлечения в него новых членов (адептов). Она может выражаться в распространении специальной литературы (листовок), проведении агитаций, бесед, собраний, в том числе с использованием средств массовой информации.

Лица, входящие в деструктивные религиозные организации асоциальной направленности, нередко привлекаются к ответственности за совершение общеуголовных преступлений. Наиболее часто ими совершаются: надругательства над местами захоронения людей (ст. 244 УК РФ), наркопреступления (ст. 228-234), имущественные преступления (ст. 158-163), вандализм (ст. 214), уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243), жестокое обращение с животными (ст. 245), преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131-135), побои и истязания (ст. 116-117), преступления против жизни и здоровья (ст. 105, 110-112). Так, в Оренбургской области в 2010 г. была пресечена деятельность секты, которая состояла из учителя (духовного наставника) и восьми ее членов (учеников). Объем уголовного дела насчитывал 75 томов, виновным инкриминировалось совершение преступлений, предусмотренных ч. 1-2 ст. 239 УК РФ (организация объединения, посягающего на личность и права граждан), ч. 4 ст. 135 УК РФ (развратные действия, совершенные группой лиц), ч. 1 ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления), ч. 1 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) [14].

В системе специальных мер борьбы с деятельностью некоммерческих организаций, посягающих на права и интересы граждан, выделяются меры общей, групповой и индивидуальной профилактики. К первой группе относятся: изучение и анализ информации о зарегистрированных и незарегистрированных религиозных организациях, об их внутренней структуре, характере деятельности, систематическое обследование мест проведения религиозных обрядов и служб, проведение профилактических рейдов, проверок, отдельных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на недопущение совершения преступлений членами религиозных организаций и др.

Сотрудники правоохранительных органов, специализирующиеся на выявлении, документировании и расследовании таких преступлений, должны пройти дополнительное обучение по специальным курсам: религиоведение, криминология, парапсихология, хирология, астрология – и другим психологическим, социальным, юридическим и эзотерическим дисциплинам [15, с. 256]. Необходимо разработать методические рекомендации по производству следственных действий, направленных на раскрытие преступлений, совершенных на религиозной почве.

Важным направлением в этой сфере остается групповая и индивидуальная профилактика. Очевидна необходимость постановки религиозных групп, посягающих на права и свободы граждан, на соответствующие оперативные и профилактические учеты, оказание предупредительного воздействия на всю группу в целом и ее отдельных участников («учителей», «учеников», «солдат», «рабов» и т.д.) [16, с. 692-693]. Вскрытие причин и условий существования и функционирования подобного рода организаций, отслеживание источника финансирования, воздействие на сложившиеся обычаи и традиции (субкультуру) в данной группе, своевременное обнаружение и изъятие предметов, запрещенных в гражданском обороте.

В криминологии существует отдельное научное направление *криминология,*

которое призвано изучать преступления, совершаемые на религиозной почве (*религиозную преступность*), их причины и условия, личность преступника в данной сфере и жертву преступного посягательства. На основе научного анализа криминологами предлагаются конкретные меры, направленные на предупреждение и минимизацию преступлений в этой сфере. К числу основных разработчиков концепции предупреждения и противодействия таких преступлений следует отнести О.В. Старкова, Л.Д. Башкатова, О.Б. Ермакову, В.В. Колесникова и др.

Возникающие в деятельности органов юстиции ошибки могут быть предотвращены криминологической или судебно-религиоведческой экспертизой, которая предполагает участие нескольких специалистов: с одной стороны, теологов или богословов, а с другой – криминологов, психологов, сексопатологов и др. Однако постоянно действующие советы по проведению таких экспертиз во многих регионах отсутствуют [17, с. 294].

По нашему мнению, для успешного воздействия на противоправную деятельность деструктивных религиозных организаций необходимо более активно использовать нормы административного законодательства: ст. 5.26 КоАП РФ (нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях); ст. 20.28 КоАП РФ (организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности).

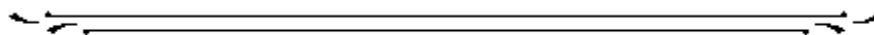
Пересмотреть санкции ст. 239 УК РФ в сторону ужесточения ответственности (в настоящее время преступление, предусмотренное ч. 1, относится к категории средней тяжести, а ч. 2 и 3 – небольшой тяжести).

В региональных (местных) центрах по поддержке населения отдельное внимание обращать на оказание информационной, психологической, медицинской, юридической и иной помощи гражданам, пострадавшим от деятельности деструктивных

религиозных организаций асоциальной на- правленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. О некоммерческих организациях: закон Российской Федерации от 12 января 1996 г. №7: в ред. от 28 июля 2012 г. // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145; 2012. № 31. Ст. 4323.
2. О свободе совести и о религиозных объединениях: закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125: в ред. от 1 июля 2011 г. // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; 2011. № 27. Ст. 3880.
3. Об общественных объединениях: закон Российской Федерации от 19 мая 1995 г. № 82: в ред. от 1 июля 2011 г. // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; 2011. № 27. Ст. 3880.
4. См.: Российский статистический ежегодник: статистический сборник. М.: Росстат, 2010.
5. ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://www.mvd.ru>.
6. См.: Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1992.
7. Костылева Г.В. К вопросу о характеристике сект, совершающих убийства с исполнением религиозного обряда // Следователь. 2002. № 7. С. 27-29; Олейник И.В., Соснин В.А. Тоталитарная секта: как противостоять ее влиянию. М.: Генезис, 2005.
8. Таевский Д. Секты мира. - Ростов н/Д.: Феникс, СПб.: Северо-Запад, 2007.
9. URL: http://www.sektoved.ru/new.php.art_id=820.
10. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012.
11. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. М.: Юрайт, 2012.
12. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.Л. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суициологии. Труды Московского НИИ психиатрии. М., 1978. Т. 82. С. 6-28.
13. Бурковская В. Проблемы вменяемости членов религиозных или общественных объединений, посягающих на личность и права граждан // Уголовное право. 2002. № 1. С. 3-5.
14. URL: <http://www.jrinfo.ru/58537/Krest-na-secte>.
15. Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминотеология: религиозная преступность. СПб.: Юридический центр пресс, 2004.
16. См.: Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальная части: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012.
17. См.: Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

Н.Ю. Комлев,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ
В СИСТЕМЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ,
СВЯЗАННОГО С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ,
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ОСУЖДЕННЫХ**

В данной статье содержится анализ нововведений в пенитенциарной системе, посвященных исправлению несовершеннолетних осужденных, оценивается совершенствование механизма развития социального контроля в системе исполнения наказаний. Автор формулирует приоритетные направления для дальнейшего развития исправления несовершеннолетних преступников в России.

Ключевые слова: пенитенциарная система, социальный контроль, предупреждение преступности несовершеннолетних, депенализация, ресоциализация, несовершеннолетние осужденные, воспитательные центры.

In this article contains an analysis of innovations in the prison system, dedicated to the correction of convicted minors, is estimated to improve the mechanism of the development of social control in the penitentiary system. The author formulates the priority directions for the further development of the correction of juvenile offenders in Russia.

Key words: The penitentiary system, social control, prevention of juvenile crime, depenalization, resocialization, minor prisoners, child-care centres.

Совершенствование механизма, организационных форм и методов социального контроля в рамках пенитенциарной системы России, где отбывают наказание несовершеннолетние преступники, вызывает повышенный интерес ученых, политиков, работников правоохранительных органов, представителей общественных организаций. Как известно, стратегическими направлениями развития уголовно-исполнительной политики являются в современных условиях демократизация и гуманизация исполнения уголовных наказаний, что представляется серьезной попыткой осмыслить и преодолеть «кризис наказания» (Н.Кристи, Т.Матисен, Я.Гилинский и др).

Согласно Я.И. Гилинскому, «кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдается рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной

юстиции. Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов. В-третьих, не снижается уровень рецидивной преступности. В-четвертых, и, что особенно важно, по мнению психологов, длительное тюремное заключение приводит к необратимым изменениям психики человека [1].

Демократизация, гуманизация, депенализация пенитенциарной системы чрезвычайно важны для исправления и коррекции поведения в отношении несовершеннолетних преступников. В первую очередь речь идет об изменении системы формального социального контроля с усилением мер реабилитации несовершеннолетних, о коррекции порядка исполнения и условий отбывания наказания в местах лишения свободы.

Кризисные явления в пенитенциарной сфере привели к разработке и реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2020 года, одним из направлений которой является преобразование воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных в воспитательные центры для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, и выработке новых подходов в пенитенциарной практике в отношении указанной категории граждан.

По состоянию на 1 марта 2013 года, в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы ФСИН России содержалось 697,8 тыс. человек, в том числе в 46 воспитательных колониях для несовершеннолетних - 2,2 тыс. человек. Цифры рекордно низкие для нашего государства, так как, к примеру, в 2003 году был 16 491 несовершеннолетний осужденный, в 2006 – 12752, в 2009 – 5970, в 2011 – 2808 [2].

Как видим, за последнее десятилетие число несовершеннолетних осужденных сократилось более чем в 7 раз, что является позитивной тенденцией, отражающей реализацию идеи сокращения численности юного «тюремного населения» страны и гуманизацию исполнения наказания. Этот результат обусловлен комплексом перемен по совершенствованию формального социального контроля, который включает в себя не только депенализацию, но и декриминализацию некоторых деяний в отношении несовершеннолетних с широким применением альтернативных лишению свободы мер воздействия.

Вместе с тем пенитенциарная система, несмотря на снижение числа осужденных, во многом остается в прежнем состоянии, поскольку процесс реформ начался в стране с запаздыванием и происходит крайне медленно. Это во многом обусловлено и тем, что еще не завершена реформа МВД, других правоохранительных институтов. При этом государство не может обойтись без мест лишения свободы, исправительных учреждений, в том числе воспитательных колоний, где отбывают

наказание несовершеннолетние преступники.

Как показывает содержательный анализ, положения концепции развития пенитенциарной системы страны содержат недостаточный объем конструктивных предложений, направленных на решение проблемы *предупреждения* преступности несовершеннолетних в контексте гуманизации формального социального контроля. Между тем эти меры широко представлены в пенитенциарном праве и практике коррекции, исправления несовершеннолетних преступников в развитых странах, в частности, это касается широко применяемых *ювенальных пробаций, УДО под честное слово (Parole), juvenal training schools* и др. [3].

Современная зарубежная и отечественная пенитенциарная наука большое внимание уделяет вопросам отбывания наказания несовершеннолетними, которые в силу возрастной и социальной незрелости составляют особую категорию осужденных. Так, С.О. Данилова, анализируя преступность несовершеннолетних, указывает на то, что практически 70% подростков совершают повторные преступления и возвращаются в места лишения свободы [4].

Происходящее свидетельствует о том, что цели уголовного наказания, связанные с реальными сроками лишения свободы, не достигаются. Более того, период пребывания «за решеткой» не проходит бесследно для психики и девиантной карьеры несовершеннолетнего преступника, на что справедливо указывал еще в начале XX века выдающийся русский криминолог и исследователь пенитенциарного права М.Н. Гернет: «*Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления*» [5]. Действительно, подростковый период совпадает с активным физиологическим формированием организма, а это существенно влияет на формирование основных черт характера, потребностей и стилевых характеристик поведения. Отсутствие социального опыта и навыков в разрешении жизненных и межличностных проблем делает несовершеннолетних уязвимыми в сложных соци-

ально-психологических ситуациях и не позволяет им сопротивляться распространяющейся в узкой и закрытой тюремной среде криминальной субкультуре.

Согласно проводимой в стране пенитенциарной реформе, несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, будут отбывать наказание в исправительных учреждениях нового типа – *воспитательных центрах* с обычным и усиленным наблюдением. Главным принципом формирования системы воспитательных центров для несовершеннолетних осужденных станет обеспечение раздельного их содержания в зависимости от общественной опасности совершенных преступлений и уровня «криминальной зараженности» личности. Предполагается также изменить подходы к осуществлению социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в воспитательных центрах на основе применения индивидуальных форм воздействия, более широкого взаимодействия с общественностью [6].

Очевидно, что работа с указанной категорией лиц требует соответствующего социально-реабилитационного сопровождения, позволяющего обеспечить их *эффективную ресоциализацию* к условиям жизни в современном обществе. Несомненно, что главной задачей, стоящей перед современным пенитенциарным учреждением для несовершеннолетних, является организация деятельности психолого-педагогического и реабилитационного характера, которая должна проводиться с учетом не только возрастных, но и индивидуальных (психологических, физиологических, уголовно-правовых) характеристик осужденных. Все это предопределяет объективную необходимость рассмотрения вопроса о создании исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных нового типа, с учетом европейских стандартов пенитенциарной деятельности, а также отечественного опыта.

Создание воспитательных центров позволит обеспечить раздельное содержание несовершеннолетних осужденных, имеющих наибольшую степень «криминальной

зараженности», и остальной части воспитанников. Это позволит разграничить несовершеннолетних, впервые осужденных к лишению свободы, от тех, кто отбывал наказание ранее, а также осужденных за совершение особо тяжких преступлений. Такое разделение будет способствовать предотвращению распространения криминальной субкультуры среди осужденных, а также повышению эффективности воспитательной работы с лицами, совершившими преступления в несовершеннолетнем возрасте, с учетом их уголовно-правовых характеристик.

Организация исправительного воздействия в воспитательном центре имеет кардинальные отличия, поскольку предполагает отказ от отрядной системы и переход к индивидуальным и групповым формам работы. Предусматривается оптимизация численности несовершеннолетних осужденных в коллективах на основе *мультидисциплинарного подхода*. Данное нововведение позволит обеспечить индивидуализацию процесса исправительного воздействия, приоритет в работе психолого-педагогических и социальных методов и форм воздействия на осужденных перед репрессивными.

В воспитательном центре предусматривается создание условий отбывания наказания, позволяющих стимулировать правопослушное поведение осужденных путем последовательного снижения уровня правоограничений в рамках системы «социального лифта». Авторами проекта воспитательных центров предполагается минимизация элементов, характерных для учреждений тюремного типа. Решение данных вопросов позволит в перспективе снизить в воспитательном центре численность сотрудников подразделений охраны и надзора, увеличить число сотрудников, выполняющих функции социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными [7].

Таким образом, в ходе пенитенциарной реформы подготовлена концептуальная модель воспитательного центра для несовершеннолетних осужденных. Разработаны основные принципы и подходы орга-

низационно-функционального построения воспитательного центра как нового вида исправительного (коррекционного) учреждения. Вместе с тем остается еще немало дискуссионных вопросов. Среди них: обеспечение раздельного содержания на территории одного воспитательного центра различных категорий осужденных, а также лиц мужского и женского пола; установление правового статуса участка воспитательного центра для содержания лиц, достигших совершеннолетия; изменение форм и методов работы с воспитанниками; закрепление элементов прогрессивной системы исполнения наказания в условиях сложной организационной структуры воспитательных центров. Специального рассмотрения требуют вопросы, касающиеся обеспечения уровня охраны и открытости для общества и СМИ воспитательных центров.

Обобщение опыта противодействия преступности в России и других странах показывает необходимость дальнейшего совершенствования пенитенциарной системы с целью установления более эффективного социального контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, их реабилитации, закрепления положительных результатов применения к ним уголовно-правовых мер предупреждения рецидива преступлений. Как указывает А.И. Рарог, в специальной литературе такой контроль называется криминологическим, профилактическим, посткриминальным, постпенитенциарным [8]. Очевидно, что всестороннее наблюдение за несовершеннолетними, освободившимися из мест лишения свободы, как направление деятельности крайне важно и необходимо для совершенствования постпенитенциарного социального контроля. Как правильно заметил П.В. Иванов, «исправление осужденного не должно кончатся его освобождением из мест лишения свободы» [9].

Резюмируя анализ основных положений реформы отечественной пенитенциарной системы в отношении исправления несовершеннолетних осужденных, представляется, что следует выделить в качестве при-

оритетных для дальнейшего развития следующие направления:

1. Создание судов ювенальной юстиции по делам несовершеннолетних и рассмотрение дел этой категории коллегией присяжных заседателей, которые бы принимали решение о виновности или невиновности несовершеннолетнего в совершении преступления и назначали реальные сроки отбывания наказания в воспитательных центрах только тогда, когда это является необходимым этапом воспитательной работы. Так, например, во Франции принято считать, что мера в виде тюремного заключения может не оказывать разрушительного воздействия на личность, если она сочетается с мерами воспитательного характера до, во время и после отбывания наказания. Однако при этом, поскольку условия отбывания наказания еще откровенно плохие, следует учитывать реальную степень риска, связанную с пребыванием в тюрьме [10].

2. Формирование службы судебного контроля за лицами, отбывающими наказание в воспитательных центрах, не достигшими совершеннолетия, с возможностью реализации принципа индивидуализации наказания.

3. Максимальное использование в рамках формального социального контроля мер, альтернативных лишению свободы, с целью предотвращения стигматизации личности несовершеннолетнего, его девиантной карьеры (рецидивизма) под воздействием субкультуры преступной среды.

4. В настоящее время, в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством, несовершеннолетние отбывают наказание в воспитательных колониях до достижения ими 19 лет (п. 9 ст. 74 УИК РФ). Представляется целесообразным обеспечить этим лицам полное отбывание наказания в воспитательном центре, без перевода в иные места лишения свободы, однако содержаться при этом они должны изолированно от несовершеннолетних осужденных.

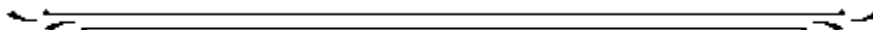
5. Возможно также применение отсрочки наказания на определенный срок, но реализация контроля и наблюдения за

лицом в этот период с помощью электронных средств. При наступлении срока применения наказания следует еще раз обсудить необходимость применения реального срока лишения свободы, проанализи-

ровав при этом поведение лица в подконтрольный период времени и выслушав мнение ответственных за изучение его личности и поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С.434-435.
2. См.: Официальная статистика ФСИН по состоянию на 01.03.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 10.04.2013).
3. Shover N. Einstadter W.J. Analyzing American Corrections. Belmont, 1988. P.107-141.
4. Данилова С.О. Профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях: теоретический, правовой и организационный аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 3-5.
5. Гернет М.Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. Киев, 1930.
6. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утверждена распоряжением правительства РФ от 14 октября 2010 года № 1772-р.
7. Основные параметры концептуальной модели воспитательного центра для несовершеннолетних осужденных // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 6 (32).
8. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2006. С. 235.
9. Иванов П.В. Особенности правовых последствий осуждения и отбывания наказания лицами в несовершеннолетнем возрасте // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4.
10. Туре де Куси Ф. Режим отбывания наказания для несовершеннолетних во Франции // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 4.

Ю.А. Власов,
кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России)

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ЗАДАЧА УГОЛОВНОГО ПРАВА

Законодатель, все более и более смягчая карающее воздействие уголовного закона, делает это за счет снижения безопасности законопослушных граждан, позволяя, во многом безнаказанно, совершать тяжкие преступления, и максимальное наказание, которое может понести преступник – это пожизненное заключение.

Ключевые слова: принципы уголовного права, безопасность человека, система доказывания, общественная безопасность.

The legislator, more and more punitive softening the impact of the criminal law, does so at the expense of safety of law-abiding citizens, allowing, largely with impunity, commit serious crimes, and the maximum penalty that may be incurred by the offender - it's a life sentence.

Keywords: principles of criminal law, human security, the system of proof, public safety.

Одним из основополагающих принципов уголовного законодательства Российской Федерации является обеспечение безопасности человека (ч. 1 ст. 7 УК РФ). Таким образом, закон, помимо функций установления круга преступного поведения, его наказания, а также общего и специального предупреждения, выполняет функцию по созданию безопасности существования человека. Безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [1]. Эта дефиниция, указанная в законе, подразумевает весьма широкий спектр защитных мер: физических, психических, нравственных, правовых. Хотя, практически, их все можно свести к единой правовой защите, поскольку речь идет, прежде всего, о защите законных интересов. Уголовный закон также должен обеспечивать уголовно-правовую безопасность человека путем всесторонней защиты наиболее важных законных прав и интересов.

Современная уголовно-правовая политика государства направлена на гуманизацию уголовного закона, что является привлекательным на международном уровне и формально ставит Россию вровень с другими относительно социально благополучными странами. Но при этом не учитываются многие факторы, влияющие на формирование отечественного законодательства, в частности, произошедшая социальная дифференциация общества, а также резкое падение института нравственных ценностей. Утрачены моральные нормы, ранее служившие внутренним сдерживающим от совершения преступлений фактором. Все это ведет к прогрессирующему пополнению криминальной среды за счет лиц, которые стоят на грани физического выживания, и тех, для которых нравственный уровень определяется количеством денег.

В таких условиях проводится линия гуманизации уголовного закона, когда, по логике, возникновение вакуума в нравственных нормах должно регулироваться нормами права. Подобная гуманизация

осуществляется за счет ущемления правовой безопасности законопослушных граждан. Пропорционально снижению безопасности граждан происходит увеличение криминальной опасности [2, с. 8-72]. Эта тенденция представляет реальную угрозу социально-экономическому развитию и стабильности государства, его национальной безопасности [3].

Презюмируется, что законы пишутся законопослушными гражданами для защиты таких же граждан, и гуманность уголовного закона должна быть направлена на обеспечение их безопасности. Однако, как показывает уголовно-правовая теория и практика, принцип гуманизма понимается однобоко, только по отношению к лицам, совершающим преступления. В их интересах снижаются размер и сроки наказания, тяжкие преступления переводятся в категорию в менее тяжких, увеличивается необоснованное применение условного осуждения за тяжкие преступления, применяется условно-досрочное освобождение к лицам, которые этого не заслуживают. Таким образом, происходит искусственное улучшение показателей состояния уровня преступности. Все эти и ряд других обстоятельств, вкупе с мораторием на смертную казнь, приводят к тому, что становится безопасно и где-то даже выгодно становиться преступником. Если условно сопоставить процентное соотношение обнаружения преступника, доказывания и наказания, то риск понести справедливое наказание за совершенное преступление становится ничтожно малым. Не говоря уже о том, что изобличить и привлечь к уголовной ответственности лиц, которые профессионально занимаются преступной деятельностью, весьма сложно. Особенно при такой громоздкой системе доказывания. При этом на защиту преступников встают квалифицированные адвокаты, нередко имеющие более высокий уровень подготовки, чем следователь, различные правозащитные организации. А потерпевший предоставлен самому себе и даже реально не может быть защищен от оказания давления. В результате многие преступники уходят от уголовного преследования,

не говоря уже о тех, кто гордо, в открытую, называют себя «ворами в законе». Они вообще, как правило, исключаются из сферы уголовного закона, поскольку совершают преступления чужими руками, и закон зачастую оказывается бессилем перед ними. Они на наворованные средства покупают нужных людей и проводят в государственно-властные органы своих ставленников, которые затем, отработывая вложенные в них деньги, лоббируют нужные «гуманные» нормы. Иначе чем можно объяснить, например, исключение из системы наказаний конфискации и некоторые другие «гуманные изменения» в уголовном законе.

Многие юристы, в большинстве своем теоретики и политики, говоря о гуманизации уголовного закона, почему-то не упоминают ч. 1 ст. 7 УК РФ и ведут речь только о гуманности к преступникам, т.е. по сути, ставят данный вопрос с ног на голову. Даже принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) направлен на защиту лица, совершившего преступление, и ничего не говорит о возмещении вреда потерпевшему от преступления. Может, все-таки в первую очередь следует говорить о гуманном и справедливом отношении уголовного закона по отношению к потерпевшему, к законопослушному гражданину, а потом уже к лицам, совершившим преступления по неосторожности или ситуативно. И о какой гуманности следует вести речь применительно к лицам, совершающим тяжкие и особо тяжкие преступления? Эти лица и их преступная деятельность представляют прямую угрозу безопасности человека и всего общества в целом.

Опасность, исходящая от личности или социальной группы, является важной уголовно правовой проблемой [4, с. 18]. Так, на данный момент практически отсутствует какая-либо эффективная защита законопослушной части российского общества от криминальной деятельности этнических групп и национальных диаспор, деятельность которых полностью ориентирована на криминальное обогащение (распространение наркотиков, торговля людьми, оружием, контроль над национальными

богатствами России и т.д.). При этом, паразитируя на остальных членах социума, они пользуются всеми льготами и привилегиями, ничего не давая взамен. Говорить об этом открыто сегодня неприлично, прикрываясь рассуждениями о политкорректности и толерантности, что не мешает этим группам, игнорируя эти понятия со своей стороны, безнаказанно посягать на безопасность большинства законопослушных российских граждан.

Особыми источниками опасности безопасности граждан выступают определенные свойства личности биологического происхождения или сформировавшиеся под влиянием негативных социальных факторов, а также психические заболевания [5, с. 94-103]. Современные средства массовой информации и псевдокультура формируют положительный образ лица, ведущего криминальный образ жизни. В результате нравственное мировоззрение современной молодежи формируется асоциальным, где определяющим выступает жестокость, корысть, индивидуалистические и эгоистические установки [6, с. 21]. Массовое сознание еще не воспринимает основную опасность нашего времени – замещение истинных ценностей потребительскими и, как следствие этого процесса, – духовно-нравственную деградацию общества [7, с. 99-114]. Этот процесс прямо влияет на понижение уровня защищенности человека.

Особого внимания требует проблема влияния на безопасность категории лиц, страдающих психическими заболеваниями, которых с каждым годом становится все больше, учитывая все возрастающий уровень алкоголизации и наркотизации населения. Существующие правила экспертизы, позволяющие признать лицо совершившим преступление в состоянии невменяемости, вызывают обоснованную критику. Например, как можно признавать невменяемым лицо, целенаправленно совершившее разбой или убийство из корыстных побуждений. Применяемые в отношении таких лиц принудительные меры медицинского характера зачастую оказываются неэффективными или вообще не мо-

гут применяться, например, за преступления небольшой степени тяжести. Поэтому, например, если лицо с психическими отклонениями будет наносить побои потерпевшему, то в отношении него закон бессилен.

Следует согласиться с мнением Н.В. Щедрина, что источником угрозы общественной безопасности могут быть и определенные отношения, складывающиеся в социальной группе. В частности, родительские семьи, в которых складываются отношения, угрожающие физическому и духовному развитию несовершеннолетнего [8, с. 19]. В результате большинство таких семей продуцируют пополнение криминальной среды. Очень гуманное отношение уголовного закона к несовершеннолетним преступникам опять же базируется на ущемлении безопасности остальных граждан. В большинстве своем неоправданная мягкость закона приводит к тому, что подростки, не ощущая его реального воздействия, прочно встают на путь совершения преступлений.

Справедливо мнение, что фактически в России объектами повышенной охраны «назначены» лица, занимающие государственные должности, и в том числе депутаты [9, с. 20]. Провозглашая построение правового государства, лица, осуществляющие законодательную функцию, формируют нормативную базу, которая ставит над законом многих граждан, что ведет к возникновению неприкосновенности различных чиновничьих каст. В этот круг входят чиновники управленческого аппарата различного уровня, а также близкие связи вышеуказанного круга. Прибавьте к этому числу огромное количество лиц, признанных психически невменяемыми и лиц, ведущих преступный образ жизни, то получится менее половины всего российского общества, которые признают главенство закона. А для большей части он, как говорится, не писан. Сегодня становится объективной действительностью, когда отношения «власть – личность» приобретают извращенный характер, когда не управленческие структуры служат людям, а люди ставятся на службу управленче-

ским структурам. Чтобы убедиться в этом, достаточно зайти в любое государственно-управленческое учреждение с каким-либо вопросом.

На фоне всех вышеуказанных и других негативных факторов следует констатировать, что на данный момент отсутствует уголовно-правовая концепция, направленная на обеспечение безопасности существования человека. Это обстоятельство способствует тому, что ослабление охранно-карающей функции уголовного закона позволяет привлекать в криминал все большее количество населения. Законопослушный гражданин не чувствует своей защищенности со стороны уголовного закона, поэтому все чаще в нашем обществе случаются самосуды. Это является стихийным ответом на такую гуманизацию уголовного законодательства.

Законодатель, все более и более смягчая карающее воздействие уголовного закона, делает это за счет снижения безопасности законопослушных граждан, позволяя, во многом безнаказанно, совершать тяжкие преступления, и максимальное наказание, которое может понести преступник – это пожизненное заключение. То есть получается, что мало того, что преступник причинил вред, расходы по его содержанию ложатся, в том числе, и на потерпевших. Увлечение российского законодателя гуманизацией чем-то похоже на социально-правовой мазохизм. Преступность растет, а законодатель смягчает уголовный закон. Это обстоятельство не только не способствует предупреждению преступлений, но и косвенно подталкивает лиц, склонных вести преступный образ жизни, в силу определенной совокупности свойств и качеств, предрасполагающих к совершению

преступлений, к началу или продолжению преступной деятельности [10, с. 22].

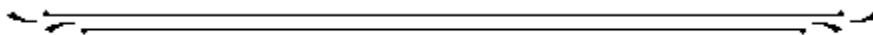
Об этом можно много рассуждать, но все же, подводя итог, следует поставить вопрос перед законодателем, может, хватит уже необоснованной гуманизации уголовного закона, который и так уже напоминает льва, у которого вырваны клыки, и перейти к разработке и реальному осуществлению уголовно-правовой концепции безопасного существования человека. Не обеспечив реальную безопасность человека, которая должна охватывать все сферы жизнедеятельности: окружающую среду, знания, мораль, право – общество обречено на самоуничтожение. Объектами повышенной охраны должны быть важнейшие свойства (отношения) системы, утратив которые, она либо разрушится, либо трансформируется в другую и не сможет достичь поставленной перед ней цели. Чтобы система функционировала как развивающаяся, необходима защита ее существенных элементов. В ходе жизнедеятельности выкристаллизировалось, что для безопасного функционирования личности, общества и человечества такими объектами повышенной охраны являются жизнь и здоровье, свобода, честь и достоинство, половая неприкосновенность, собственность и другие права и свободы личности. По существу, это те объекты, которые в силу своей особой ценности подлежат уголовно-правовой охране [11, с. 19-20].

Действенная охрана всех этих объектов и позволит обеспечить безопасность человека, которая должна стать не только принципом уголовного закона, но и одной из основных задач Уголовного кодекса. И эту задачу следует прямо закрепить в ч. 1 ст. 2 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-1: в ред. Закона РФ от 26.06.2008 N 103-ФЗ. URL: [http // www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
2. Гостюшин А.В., Шубина С.И. Азбука выживания. М., 1995. С. 8-72.
3. Капитаны теневых капиталов рвутся к власти // Российская газета. 1997. 25 сент.
4. Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности // Государство и право. 2008. № 7. С. 18.
5. Михеев Р.И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. Владивосток. 1992. С. 94-103.

6. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 21.
7. Легойда В. Главная опасность нашего времени // Pro et Contra. 1997. Т. 3. № 4. Осень. С. 99-114.
8. Щедрин Н.В. Указ. соч. С. 19.
9. Щедрин Н.В. Там же. С. 20.
10. Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений. Проблемы прогнозирования. СПб., 1998. С. 22.
11. Щедрин Н.В. Указ.соч. С. 19-20.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

**Русско-англо-немецкий
разговорник для
сотрудников полиции**

Русско-англо-немецкий разговорник для сотрудников полиции /сост.: Г.Р. Ахметзянова, И.Г. Кизимова, Г.Г. Тазеев, А.Ю.Филькова, Г.Х. Шамсеева. – Казань: КЮИ МВД России, 2012. – 42 с.

Предназначено для профессионального обучения и повышения знаний по иностранному языку сотрудников ОВД, а также для широкого круга лиц.

В.Н. Борков,

кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА БЕЗДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ

Статья посвящена совершенствованию системы норм о должностных преступлениях, необходимости устранения дисбаланса между статьями, ограничивающими незаконную «активность» государственных служащих, и нормами, запрещающими уклоняться от выполнения обязанностей по защите интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: бездействие власти, должностное лицо, правовой иммунитет, должностные преступления.

The article is devoted to the improvement of the standards of the officers Crimes, correct the imbalance between articles that limit inde-horse «activity» of civil servants and the rules prohibiting eliminated from the duties to protect the interests of individuals, society and the state.

Keywords: dereliction, official, legal immunity, official crimes, white-collar crimes.

Снижение политической субъектности государства воспринимается многими социальными группами крайне болезненно, поскольку традиционным для России на протяжении всей ее истории был специфический характер отношений индивида с властью и государством, называемый разными исследователями по-разному: «сакрально-патерналистский», «патриархальный» и т.д. Власть традиционно рассматривалась как божественная по происхождению, осененная авторитетом Всевышнего («Нет власти еще не от Бога»), что предполагало безоговорочное подчинение ей, но в то же время и отеческую заботу власти о подданных[1].

По результатам социологического исследования, проведенного Министерством экономического развития Российской Федерации и Общероссийским общественным фондом «Общественное мнение», в большинстве случаев взятка представителям публичной власти дается за действия, которые они должны были выполнить по долгу службы. Причем из года в год количество

таких случаев растет (2001 г. – 24 %, 2005 г. – 29 %, 2010 г. – 33 %) [2].

Н.В.Черноголовкин, характеризуя природу функции государства, определяет ее не как «способность, свойство», а как «реализацию способности» – сторону публичной деятельности [3, с.8]. «Функция государства – это нечто принадлежащее именно ему, то, от чего в процессе управления обществом государство не вправе отказаться, не исполнить, не осуществить, та работа, без которой данное государство на данном историческом этапе либо на всём протяжении своего развития обойтись не может... Сильное эффективное государство строго функционально...»[4, с. 11].

«Русская государственная власть, – писал И.А. Ильин, – призвана править и повелевать: она властвует по праву и обязана в пределах права опираться на силу» [5, с. 460]. «Безответственность должностных лиц, представителей судейского корпуса, обусловленная наличием правовых иммунитетов, порождает коррупцию, которая в соответствии с законами социального заражения и подражания распространяется по

вектору ”сверху вниз“ чрезвычайно высокими темпами»[6, с. 71]. Трудно согласиться с тем, что коррупция является «...неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства...» [7]. Ослабление государственного контроля над всеми сферами жизни неизбежно приводит к обнищанию граждан и ущемлению их конституционного права на достойную жизнь. Кроме государства нет другой организации, которая имеет своим предназначением заботу о гражданах.

Анализ уголовного закона показывает, что в нем недостаточно внимания уделено нормам, которые бы под страхом наказания обязывали чиновников употреблять власть там, где это жизненно необходимо. Изученная судебная практика показывает, что в 60 % случаев лица, осужденные за злоупотребление должностными полномочиями, не выполнили лежащей на них, как на представителях власти, обязанности по защите интересов личности, общества и государства. В соответствии со сложившейся судебной практикой считается, что злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) может выражаться не только в действиях, но и в бездействии. В таком случае субъект скорее не использует свои должностные полномочия, нежели использует их, как указано в диспозиции ч. 1 ст. 285 УК РФ [8, с. 142]. Напомним, деяние при злоупотреблении определяется как «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы...». Наверное, поэтому ст. 107 УК РСФСР 1922 г. и ст. 111 УК РСФСР 1926 г. предусматривали ответственность за «бездействие власти, т.е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить».

Уголовный кодекс Республики Беларусь в ч. 1 ст. 424 определяет злоупотребление властью или служебными полномочиями как умышленные действия с использованием своих служебных полномочий. А бездействие, которое должностное лицо могло или должно было совершить, предусматривает в качестве самостоятельного состава преступления (ст. 425). Уголовно-

правовой запрет на бездействие по службе содержится в ст. 315 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Отметим, что в таком рекомендательном законодательном акте, как Модельный уголовный кодекс СНГ, также предлагается устанавливать ответственность за бездействие по службе (ст. 302). Думается, отсутствие нормы, предусматривающей наказание за бездействие власти, – это недостаток УК РФ.

Дело в том, что даже если рассматривать злоупотребление должностными полномочиями как их употребление или неупотребление применительно к конкретным случаям, то подобное поведение не может охватывать невыполнение лежащих на представителе власти обязанностей. Очевидно, что полномочия и обязанности должностного лица не тождественны.

Злоупотребление должностными полномочиями представляет собой принятие или непринятие какого-либо управленческого решения. В свою очередь, должностным лицам могут корреспондироваться обязанности, выполнение которых само по себе юридических последствий для других не создает. Например, сотрудники полиции обязаны предотвращать и пресекать преступления, оказывать помощь гражданам, от них пострадавшим, разыскивать лиц, совершивших преступления, без вести пропавших, похищенное имущество и т.д. Сами по себе защита потерпевшего и физическое задержание преступника не могут рассматриваться как реализация властных полномочий. Подобные действия вправе совершить любой человек. А применительно к сотруднику полиции мы имеем здесь именно выполнение обязанностей, но не использование полномочий. Поэтому если он в описанной ситуации бездействует, то ответственность должна наступать за невыполнение обязанностей.

Существует еще одна причина для того, чтобы предусмотреть ответственность за уклонение должностных лиц от употребления полномочий или выполнения обязанностей в отдельной норме. Исследуя юридическую природу укрытия сотрудниками правоохранительных органов преступлений от учета, П.С. Яни пишет:

«...Порой органам следствия и государственного обвинения не удастся доказать корыстную или иную личную заинтересованность должностного лица органов внутренних дел, укrywшего преступление, хотя сам факт такого укryтия установлен, равно как и то, что лицо руководствовалось ложно понятыми интересами службы (такой мотив может быть связан с иной личной заинтересованностью, однако сам по себе видом такой заинтересованности не является). Если исходить из того, что должностное лицо органов внутренних дел совершает деяние в форме бездействия, то получится, что содеянное не влечет уголовной ответственности ни по ст. 285 УК РФ (поскольку отсутствует предусмотренный этой нормой мотив), ни по ст. 286 УК РФ (поскольку этой нормой ответственность за бездействие не установлена)» [9, с. 11].

Уголовно-правовой запрет на бездействие власти, охватывал бы случаи как умышленного неиспользования полномочий, так и невыполнения иных служебных обязанностей должностными лицами. Мы предлагаем в названии нормы указать именно на бездействие власти, а не «по службе», т.к. именно представители власти играют ведущую роль в осуществлении функций государства. Их деятельность непосредственно заключается в защите прав граждан, обеспечении их безопасности. Предлагаем дополнить УК РФ нормой следующего содержания:

«Статья 285¹. Бездействие власти

Неисполнение представителем власти своих обязанностей, выразившееся в существенном нарушении прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, —...».

Недостаточно от намеренного бездействия со стороны должностных лиц правоохранительных органов защищены общественные отношения в сфере судопроизводства. Статья 300 УК РФ содержит запрет на незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или лицом,

производящим дознание. Таким образом, под страхом уголовного наказания запрещено прекращать уже возбужденные дела, незаконно освобождая от ответственности лиц, которые уже имеют определенный процессуальный статус. Но часто преступления и совершившие их лица укrywаются на этапе возбуждения уголовного дела, который выступает в качестве первой стадии судопроизводства.

Поддержка сильной государственной власти соответствует историческим традициям России. «На преступное бездействие власти указывал еще генеральный регламент Петра I. В нем устанавливалось наказание тем, «кто по дружбе или по вражде или из взятков или других намерений что пренебрежет, которое ему чинить надлежало» [10, с. 370]. Статья 368 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. определяла бездействие власти как «...неупотребление чиновником в надлежащее время всех указанных или дозволенных законами средств, коими он имел возможность остановить какое-либо злоупотребление или беспорядок, и через то предохранить государство, общество или вверенную ему часть от ущерба или вреда» [11, с. 266]. В ст. 459 Уложения предусматривалась ответственность для чиновника, «...который не начнет следствия по уголовному делу, имея достаточный законный повод к начатию оногo...» [12, с. 293]. Примечательными также являются третье отделение «О слабом за подчиненными надзоре» главы девятой «О преступлениях и проступках в сношениях между начальниками и подчиненными» и третье отделение «О преступлениях и проступках чиновников полиции» главы одиннадцатой, где ряд норм содержали запреты на нерадение чиновников полиции, выражавшееся в попустительстве преступлениям, неисполнении судебных решений.

В Уголовном уложении 1903 г. ответственности за бездействие власти были посвящены несколько норм (ст.ст. 639–654) [13, с. 186-194]. Запрещалось, например, непринятие вопреки своей служебной обязанности мер по предотвращению вреда, «...угрожающего порядку управления или

казенному, общественному или частному интересу...» (ст. 639), наказание устанавливалось за непринятие мер по предупреждению или пресечению преступления (ст. 643), непринятие мер к задержанию лица, которое заведомо для чиновника подлежало задержанию (ст. 645). Ряд норм был посвящен бездействию должностных лиц в отдельных сферах: обеспечения народного здоровья (ст. 646), обеспечения обывателей продовольствием (ст. 647), оборота секретных документов (ст. 654).

Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 286¹ «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа» [14], которая предусматривает ответственность за «умышленное неисполнение приказа начальника, отданного в установленном порядке и не противоречащего закону, причинившее существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства». Данное преступление посягает на служебные отношения подчиненности, а запрет на его совершение призван обеспечить высокий уровень исполнительской дисциплины.

Содержание объекта преступления, предусмотренного ст. 286¹ УК РФ, уточняется в Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, которое также было дополнено статьей 34¹ «Обязанность исполнения приказа начальника» [15]. Приказ в органах внутренних дел определяется как служебное требование начальника, обращенное к подчиненным сотрудникам органов внутренних дел, об обязательном выполнении определенных действий, о соблюдении правил или об установлении порядка, положения. В ст. 34¹ Положения регламентируется отдавание приказов и ряд моментов, связанных с их содержанием. Так, незаконные приказы нейтрально охарактеризованы как «необязательные». Полагаем, законодателю следовало быть более категоричным и указать на недопустимость их исполнения. В статье разъясняется, что «отдавая приказ, начальник не должен допускать злоупотребление должностными полномочиями или их превышение». Пра-

вильно запрещается «отдавать приказ, не имеющий отношения к исполнению подчиненными служебных обязанностей...» Из нормы следует, что приказ должен обладать таким свойством, как исполнимость. Отдавая приказ, начальник «обязан всесторонне оценить обстановку и принять меры к обеспечению его исполнения».

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 286¹ УК РФ, выражается в бездействии сотрудника органа внутренних дел. В соответствии с ранее складывающейся практикой неисполнение сотрудником органов внутренних дел приказа начальника, отданного в установленном порядке и не противоречащего закону, причинившее существенный вред интересам личности, общества и государства, квалифицировалось как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Законодатель однообразно описал последствия, характеризующие злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и неисполнение приказа (ст. 286¹ УК РФ). Между тем ч. 1 ст. 285 УК РФ предусматривает наказание до четырех лет лишения свободы, а ч. 1 ст. 286¹ УК РФ – до двух. Означает ли это, что «нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» при неисполнении приказа, для признания такового преступлением, может быть на порядок менее значительным, чем при должностном злоупотреблении? В случае положительного ответа на поставленный вопрос, необходимо признать, что наделение одинаково сформулированных признаков составов преступлений различными смыслами не вполне удачно.

Полагаем, что проблема определения существенности негативных последствий от неисполнения сотрудником органа внутренних дел приказа будет одной из основных при применении новой нормы. При этом и в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [16]

понижен уровень существенности нарушения интересов граждан и общества, в сравнении с ранее действующими разъяснениями высшей судебной инстанции [17, с. 17]. Существенным сейчас признается не только нарушение «конституционных прав и свобод» граждан, но и «нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права». Если в постановлении 1990 г. к существенным последствиям относилось сокрытие «крупных хищений и других тяжких преступлений», то в ныне действующем таковым признается нарушение «права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением». Получается, что с учетом разницы санкций, предусмотренных в ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 1 ст. 286¹ УК РФ, для признания неисполнения приказа преступлением достаточно последствий примерно вдвое менее значительных, чем указанные в постановлении 2009 г.

В исследуемом аспекте интересным будет обращение к ст. 332 УК РФ, предусматривающей ответственность за неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном законом порядке, причинившее существенный вред интересам службы. Данная норма расположена в главе о преступлениях против военной службы, поэтому ее субъектом является военнослужащий. Так, за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 332 УК РФ, был осужден старший лейтенант пограничной службы Х. Приказом командира части он был назначен старшим группы по охране корабля задержанного за незаконный вылов краба. За взятку он дал команду подчиненным не препятствовать сбросу в море арестованного краба. Материалами дела установлено, что приказ командира части был доведен до Х. в установленном порядке, и он был проинструктирован начальником штаба о недопущении выброса краба в море [18].

Заметим, ст. 239 УК РСФСР 1960 г. (в ред. от 30.07.1996 г.), которая ранее предусматривала ответственность за неисполнение военнослужащим приказа начальника, имела формальный состав. Причем наказание определялось в виде лишения свободы от трех месяцев до трех лет. Отдельные специалисты и сейчас считают необходимым исключить из содержания ст. 332 УК РФ указание о «причинении существенного вреда», вновь преобразовав основной состав данного преступления из материального в формальный [19]. В качестве основных аргументов выступают необходимость укрепления единоначалия и проблемы, которые возникают в судебной практике при определении «существенности» последствий. А.Ю. Девятко приводит интересные примеры. В первом случае суд выносит обвинительный приговор за неисполнение военнослужащим приказа о наведении порядка в обеденном зале. В другом, оправдывает подсудимого, который отказался от выполнения хозяйственных работ. Вынося оправдательный приговор, суд указал, что «...данный случай с Т. явился негативным примером для других военнослужащих... В то же время, он не мог подорвать принцип единоначалия до такой степени, чтобы отнести его к существенному вреду интересам службы». Вынося обвинительный приговор в отношении ефрейтора, который отказался заступить в наряд по столовой, существенность вреда интересам службы суд обосновал, указав, что в этот наряд был назначен другой военнослужащий [20]. Таким образом, имеет место позиция судов, в соответствии с которой существенность вреда, причиненного интересам военной службы, обуславливается не невыполненными хозяйственными работами, подрывом авторитета командиров и самого принципа единоначалия. Сегодня военнослужащий отказался наводить порядок в обеденном зале, завтра он не выполнит отданный в установленном законом порядке приказ «...о занятии позиции к бою» [21].

Вооруженные Силы обеспечивают вооруженную защиту Российской Федерации, целостность и неприкосновенность ее тер-

ритории [22], поэтому интересы военной службы состоят в поддержании постоянной боевой готовности. Возможно, развивающиеся здесь общественные отношения мало связаны с правами конкретных граждан и общества, не лежит на поверхности и связь между нормальным функционированием солдатской столовой и защищенностью Российской Федерации, следовательно, и ее граждан. Этим обуславливается и формулирование последствий в составе, описанном в ч. 1 ст. 332 УК РФ как «существенный вред интересам службы». Другое дело органы внутренних дел. Они призваны «...защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств...». Ущерб перечисленным ценностям составляет содержание последствий, описанных в ст. 286¹ УК РФ.

Заметим, что судебные решения по комментируемой норме практически отсутствуют. Предварительный анализ ст. 286¹ УК РФ не свидетельствует об усилении ответственности сотрудников органов внутренних дел за бездействие по службе, игнорирование интересов граждан и общества. Если ранее подобные действия, при наличии оснований, квалифицировались как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), то теперь ответственность должна наступать именно за неисполнение приказа. А как было показано выше, наказание за преступление, предусмотренное ст. 286¹ УК РФ, менее суровое.

Необходимо обратить внимание на еще одно существенное обстоятельство. Для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 286¹ УК РФ, мотив неисполнения приказа значения не имеет. В свою очередь, обязательным признаком должностного злоупотребления является корыстная или иная личная заинтересованность. Получается, что законодатель расширил сферу уголовной репрессии для незаконно бездействующих сотрудников органов внутренних дел. Так, ранее имели место прецеденты, когда суды вы-

носили оправдательные приговоры по делам об укрывательстве преступлений, не признавая личными мотивами: ложно понятые интересы службы, «нежелание портить статистические показатели подразделения», «нежелание оставлять неисполненные материалы по результатам дежурства» и др. С вступлением в силу ст. 286¹ УК РФ для решения вопроса об уголовной противоправности сокрытия сотрудниками органов внутренних дел преступлений от учета мотивы значения не имеют.

Следует учитывать еще одно отличие преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286¹ УК РФ, которое вытекает из их описания законодателем. Должностное злоупотребление – это использование либо неиспользовании одного из трех видов полномочий, т.е. принятие или непринятие властного, организационно-распорядительного или административно-хозяйственного управленческого решения. Результатом такого поведения являются юридические последствия для других лиц.

Вместе с тем поведение, представляющее собой выполнение приказа, не всегда связано с реализацией распорядительных или властных полномочий.

Неисполнение приказа, которое предусмотрено в ст. 286¹ УК РФ, может состоять не только в должностной нераспорядительности, но и в невыполнении конкретных действий (поиск и физический захват преступника, помощь потерпевшим, пострадавшим от стихийных бедствий, поддержание общественного порядка и т.п.), которые не предполагали принятие решений, создающих правовые последствия для физических и юридических лиц. Выше подобное поведение мы предлагали рассматривать как бездействие власти.

Возникают серьезные сомнения в целесообразности наличия уголовно-правового запрета на неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа. Максимальное наказание, предусмотренное в данной статье, в два раза мягче, чем в норме о злоупотреблении должностными полномочиями. Кроме того, неверно ограничивать сферу уголовно-правового воздействия

только сотрудниками органов внутренних дел. В Российской Федерации на принципах единоначалия государственные функции реализует подавляющее большинство правоохранительных органов.

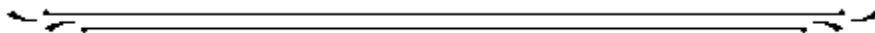
Таким образом, следует отметить низкий потенциал уголовного закона при предупреждении фактов уклонения должностных лиц от выполнения публичных функций. Достаточно актуальным направлением совершенствования системы норм

о должностных преступлениях является устранение дисбаланса между статьями, ограничивающими незаконную «активность» государственных служащих, и нормами, запрещающими уклоняться от выполнения обязанностей по защите интересов личности, общества и государства. В качестве заглавной нормы главы о преступлениях против функций государства должен выступить запрет на бездействие власти.

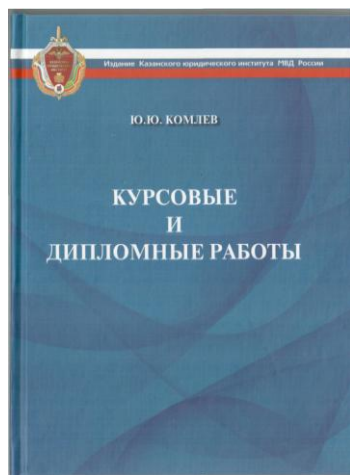
ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. М.: ИД «Форум»: ИНФА-М, 2008. С. 95–96.
2. Состояние бытовой коррупции в России (на основании материалов социологического исследования, проведенного во втором полугодии 2010 г.)/ Министерство экономического развития Российской Федерации, Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение». М., 2011. С. 12. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/116f09004739f0c7a2a4eeb4415291f1/doklad_kor.pdf (дата обращения: 23.03.2012).
3. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. С. 8.
4. Затонский В.А. Эффективность государственность в личностном измерении: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 11.
5. Ильин И.А. Кое-что об основных законах будущей России // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений: пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. М., 2000. С. 460.
6. Клейменов М.П. Криминология: учебник. М., 2008. С. 71.
7. «Национальный план противодействия коррупции» от 31 июля 2008 г. Пр-1568 // Рос. газета. 2008. 5 августа.
8. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 142.
9. Яни П.С. Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 11.
10. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1998. С. 370.
11. Там же. С. 266.
12. Указ соч. С. 293.
13. Новое Уголовное уложение. СПб., 1903. С. 186–194.
14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ // Рос. газета. 2010. 26 июля.
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ // Рос. газета. 2010. 26 июля.
16. Рос. газета. 2009. 30 октября.
17. О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1990. № 3. С. 17.
18. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 № 2-16/06. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Девятко А.Ю. Вопросы уголовно-правовой регламентации деятельности военнослужащих Российской Федерации по исполнению приказов и распоряжений. URL: <http://www.army-info.spb.ru/fido7.ru.army/5160.html> (дата обращения 12.08.2010).
20. Там же.
21. Приговор Новороссийского гарнизонного военного суда за 2009 г. http://www.files.sudrf.ru/1417/docum_sud/100.doc (дата обращения 12.08.2010).
22. Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Рос. газета. 1996. 6 июня.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

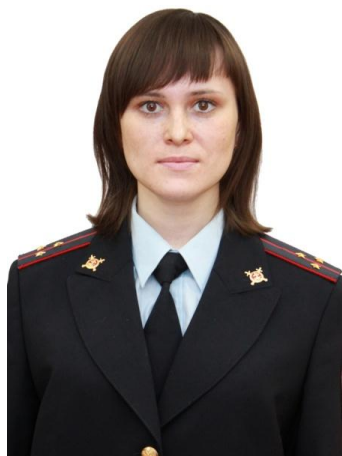

Комлев Ю.Ю.

Дипломные и курсовые работы: учебно-методическое пособие. – Казань: КЮИ МВД России, 2012. – 100 с.

Пособие содержит подробные сведения, необходимые курсантам и слушателям для выполнения курсовых и дипломных работ, обучающихся по специальностям 031001.65 – Правоохранительная деятельность и 030901.65 – Правовое обеспечение национальной безопасности. В них определены современные требования к подготовке, написанию, оформлению и защите квалификационных работ. Даются рекомендации по выбору темы и подготовке работы, оформлению текста, библиографического аппарата и процедуре защиты.

Адресовано курсантами и слушателями очной и заочной форм обучения в юридических вузах МВД России.

Э.Д. Шайдуллина,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНЫХ
ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА АЛКОГОЛЬНОЙ
ПРОДУКЦИИ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОТОРЫЕ
ПРЕДУСМОТРЕНА СТАТЬЕЙ 238 УК РФ**

В настоящей статье на примерах судебно-следственной практики проанализированы спорные вопросы квалификации объективных признаков преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции, ответственность за которые предусмотрена статьей 238 УК РФ.

Ключевые слова: незаконное производство и оборот алкогольной продукции, здоровье населения, объективная сторона преступления, Уголовный кодекс РФ, квалификация.

In the present article the discussion of questions on qualification of real feathers of crimes in the sphere of manufacturing and circulation of alcoholic products and the responsibility for which is provided by article 238 of the criminal code of Russian Federation on examples of judicial and investigative practice are analyzed.

Keywords: illegal manufacturing and trafficking of alcohol products, population's health, objective part of a crime, Criminal code of Russian Federation, qualification.

Производство и оборот алкогольной продукции являются одними из важных сфер экономических отношений, эффективность регулирования которой во многом определяет состояние социальной защищенности населения и экономической устойчивости государственного функционирования.

Одной из групп преступлений, совершаемых в данной отрасли, являются посягающие на здоровье население, ответственность за которые предусмотрена в статье 238 УК РФ.

Совершение любого из указанных в статье 238 УК РФ незаконных действий, связанных с производством и оборотом алкогольной продукции, является основанием для привлечения к уголовной ответственности в том случае, если они совершаются с целью сбыта либо представляют собой непосредственно сбыт фальсифицированной алкогольной продукции, содержащей в своем составе вещества, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья населения (ГОСТу на алкоголь). Если же исследуемая продукция не предназначена для реализации (либо иной формы

сбыта), ответственность по статье 238 УК РФ исключается [1].

Из-за отсутствия рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений по статье 238 УК РФ, а также в связи с бланкетностью ее диспозиции в правоприменительной практике возникает ряд спорных вопросов, связанных с определением объективной стороны преступных деяний в сфере производства и оборота алкогольной продукции.

Обращаясь к такому преступному действию, указанному в статье 238 УК РФ, как сбыт, необходимо определить, как надлежит квалифицировать реализацию одному и тому же лицу, но в разный временной промежуток времени суррогатной алкогольной продукции – как единое преступление либо каждый факт сбыта как отдельное оконченное преступление.

Например, Р. 13 января сбыла Х. под видом водки спиртосодержащую жидкость, не отвечающую требованиям безопасности жизни и здоровья населения. После этого через два дня, то есть 15 января,

она снова сбыла данную жидкость тому же гражданину Х. Суд квалифицировал действия Р. как единое преступление, вменив ей в вину часть 1 статьи 238 УК РФ [2].

Гражданка Г. в один день в течение одного часа два раза сбыла ранее приобретенную ею спиртосодержащую жидкость, не отвечающую требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, одному и тому же лицу. При этом ее действия квалифицированы судом как два факта незаконного сбыта данной жидкости, то есть по части 1 статьи 238 и еще раз части 1 статьи 238 УК РФ [3].

В данном случае, по нашему мнению, необходимо исходить из умысла виновного. Если лицо приобрело или произвело с последующей целью сбыта одну партию суррогатного алкоголя и затем сбывает эту продукцию третьим лицам в целях получения материальной выгоды за нее, то налицо единое продолжаемое преступление. Особенностью продолжаемого преступления является то, что оно совершается не одним действием и не непрерывно, а разрозненными во времени действиями, которые не носят характера самостоятельного преступления, а представляют собой звенья или этапы реализации одного и того же преступного деяния, либо каждое из них является следствием одного и того же посягательства. В связи с тем, что отдельные акты продолжаемого преступления не носят характера самостоятельного, они не получают отдельной правовой квалификации и расцениваются в совокупности как одно преступление [4].

В последнем примере допущена правоприменительная ошибка, так как действия Г. охватывались единым умыслом – получение прибыли за сбыт спиртосодержащей жидкости из одной и той же партии. Тем самым Г. совершила одно продолжаемое преступление, и ее действия надлежит квалифицировать только по части 1 статьи 238 УК РФ.

Очевидно, что аналогично следует квалифицировать те случаи, когда виновный сбывает суррогатную алкогольную продукцию разным лицам и в разное время, но из одной партии, так как в данной ситуации действия

преступника охватываются единым умыслом, и сбыт будет носить продолжаемый характер преступного деяния.

По поводу вопроса, касающегося продолжаемого преступления, необходимо рассмотреть следующий момент: если лицо осуществляет сначала, например, производство или хранение, или перевозку в целях сбыта алкогольной продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителя либо содержащей в своем составе ядовитые или сильнодействующие вещества, а после сбывает ее, либо все эти действия он совершает последовательно в течение определенного промежутка времени, то каким образом должны квалифицироваться его действия: как совокупность преступлений либо как единое преступление. Сложность отграничения совокупности преступных посягательств от отдельного продолжаемого во времени преступления заключается в том, что по своим внешним признакам эти виды преступной деятельности во многом схожи. Однако в продолжаемом преступлении между отдельными актами противоправных действий имеется специфическая субъективная связь, указывающая на то, что каждый очередной акт данного преступного поведения выступает в качестве приема или этапа реализации лицом его преступного намерения. Особенностью же составов преступлений, в которых, согласно уголовному закону, предусмотрено несколько альтернативных действий, является то, что при совершении одним и тем же лицом каждого из них уже само по себе является достаточным для признания преступления окончанным. При этом лицо не признается совершившим новое преступление, если оно последовательно осуществляет все перечисленные действия, например, вначале производит алкогольную продукцию, не отвечающую требованиям безопасности жизни и здоровья потребителя либо содержащую в своем составе сильнодействующие и ядовитые вещества, затем некоторое время хранит ее, а затем перевозит к месту сбыта и сбывает (в зависимости от предмета преступления – ст. 234 или ст. 238 УК РФ). Соде-

янное в таком случае не образует совокупности преступлений, оно квалифицируется как единое продолжаемое преступление, состоящее из альтернативных действий [5].

Примером подобной квалификации может послужить уголовное дело в отношении гражданина Н., который незаконно хранил у себя в гараже с целью последующего сбыта спиртосодержащую жидкость, разлитую в стеклянные бутылки объемом 0,5 л, каждая с признаками фальсификации, с различными этикетками наименования заводов-производителей алкогольной продукции, не отвечающую требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Продолжая свой преступный умысел, направленный на сбыт данной спиртосодержащей жидкости, Н. осуществил ее незаконную перевозку из места хранения в место сбыта, после чего сбыл указанную жидкость. Действия Н. квалифицированы судом по части 1 статьи 238 УК РФ как хранение, перевозка в целях сбыта, сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей [6].

Следует отметить, что тождественные по составу преступления, совершенные одним и тем же лицом и не охваченные единым умыслом, следует квалифицировать не в целом, а эпизодно, каждый раз со ссылкой на ту же статью [7].

Определенную сложность вызывает юридическая оценка действий виновного, когда его противоправная деятельность установлена и пресечена в результате проверочной закупки. Обобщив результаты исследованной нами правоприменительной практики, мы пришли к выводу, что чаще всего действия лица, осуществляющего незаконный сбыт спиртосодержащей продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, при проверочной закупке квалифицируются правоохранными органами как оконченное преступление.

Примером может послужить приговор Рыбно-Слободского районного суда РТ в отношении гражданина Г., который приобрел у неустановленных лиц в Ульянов-

ской области спиртосодержащую жидкость в объеме 15 000 литров, после чего перевез ее на территорию складов в п.г.т. Рыбная Слобода. Затем Г., находясь на территории указанных складов, сбыл В. и К., производящим проверочную закупку, вышеуказанную спиртосодержащую жидкость. Действия Г. квалифицированы судом по части 1 статьи 238 УК РФ как перевозка в целях сбыта и сбыт продукции, не отвечающей требованиям безопасности здоровья потребителей [8].

Разрешить данный вопрос возможно лишь с помощью сравнения признаков состава преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ, с преступленными деяниями, указанными в статье 234 УК РФ, так как данные преступные посягательства, совершаемые в сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции, во многом схожи между собой и различаются только по их предмету. Также довольно похожи по объективной стороне преступные деяния, предусмотренные статьей 228¹ (незаконное производство, сбыт или пересылка), 234 и 238 УК РФ. В свою очередь, в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» отмечено: «В тех случаях, когда передача наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов осуществляется в ходе проверочной закупки, проводимой представителями правоохранительных органов, <...> содеянное следует квалифицировать по части 3 статьи 30 и соответствующей части статьи 228¹ УК РФ, поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства или психотропного вещества из незаконного оборота» [9]. Таким образом, следуя рекомендациям Пленума Верховного Суда РФ и не нарушая требований статьи 39 УК РФ, приходим к выводу, что в аналогичных случаях, когда сбыт спиртосодержащей жидкости, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей либо содержащей в своем составе сильнодействующие или ядовитые вещества, осуществляется в ходе проверочной закупки, прово-

димой представителями правоохранительных органов, содеянное следует квалифицировать по части 3 статьи 30 и соответствующей части статьи 238 или 234 УК РФ, так как здесь происходит изъятие вышеуказанной спиртосодержащей жидкости из незаконного оборота и исключается причинение вреда здоровью населения как объекту уголовно-правовой охраны.

Следовательно, квалификация действий Г. в вышеприведенном примере осуществлена неверно, так как его преступный умысел не был доведен до конца по не зависящим от него обстоятельствам – налицо покушение на преступление, предусмотренное статьей 238 УК РФ.

Примером правильной уголовно-правовой оценки преступной деятельности, пресеченной при проверочной закупке, является приговор в отношении гражданки Р., которая умышленно в целях будущего сбыта приобрела у неустановленного лица 5 бутылок объемом 0,5 л со спиртосодержащей жидкостью, которые впоследствии хранила в своей квартире. После этого в ходе проводимого в отношении нее оперативно-розыскного мероприятия «негласная проверочная закупка» Р. реализовала одну бутылку со спиртосодержащей жидкостью с этикеткой «Водка Казанская Престиж-

ная» с признаками фальсификации гражданину Ш. для употребления в пищевых целях. По заключению эксперта, данная спиртосодержащая жидкость не соответствует требованиям ГОСТ Р 51355–99 «Водки и водки особые. Общие технические условия». При этом Р., имея умысел на реализацию алкогольной продукции, не отвечающей требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей, и реализовав данную продукцию Ш., не довела свой умысел до конца по не зависящим от нее обстоятельствам в связи с тем, что реализация ею алкогольной продукции была совершена в ходе проведения негласной проверочной закупки и данная продукция была изъята из незаконного оборота сотрудниками милиции [10].

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что многие спорные моменты, связанные с применением статьи 238 УК РФ, могло бы разрешить постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации рассматриваемой категории преступлений, в котором могут найти отражение предложения по определенным в данной статье вопросам квалификации деяний, совершаемых в сфере производства и оборота алкогольной продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелева Е.Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. Казань, 2008. С. 88; Шарова Г.Н. Проблемы предупреждения сбыта товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 211.
2. Архив Авиастротельного районного суда г. Казани, 2009. Д. 1-154/09.
3. Архив Заинского районного суда Республики Татарстан, 2006. Д. 1-103/06.
4. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань, 2006. С. 84.
5. Там же. С. 84–85.
6. Архив Заволжского районного суда г. Ульяновска, 2009. Д. 1-153/09.
7. Кленова Т.В. Квалификация преступлений в условиях изменения УК РФ Федеральным законом от 21 ноября 2003 года // Юридический аналитический журнал. 2004. № 1. С. 117.
8. Архив Рыбно-Слободского районного суда Республики Татарстан, 2010. Д. 1-15/10.
9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.
10. Архив Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан, 2010. Д. 1-1530/10.

А.А.Хайдаров,
кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

ПРИНЦИП БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ ЗАЩИТЕ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

В статье рассматривается принцип благоприятствования защите и его проявление в ходе судебного следствия. Автор рассматривает элементы принципа благоприятствования защите. Принцип благоприятствования защите рассматривается как продолжение принципа защиты прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых).

Ключевые слова: принцип благоприятствования защите, судебное следствие, преимущества защиты.

This article deals with the principle of protection and his favored manifestation during the trial. The author examines elements of principle favored the protection. Principle favored protection is regarded as a continuation of the principle of protection of legitimate rights and interests of suspects (defendants).

Key words: principle favored protection, the benefits of protection.

В состязательном уголовном процессе стороне защиты предоставляются несколько увеличенные права для того, чтобы восстановить равенство прав сторон в ходе судебного разбирательства, нарушенное в ходе досудебной деятельности компетентных органов. Поддержание стороны защиты может происходить за счет увеличения юридических гарантий, которые именуют *favor defensionis* (преимуществами защиты). Согласно словарю латинских юридических терминов, ***favor defensionis*** – это привилегированное положение защиты.

Как справедливо подчеркивает М.Э. Романовский, положение римского права *favor defensionis*, призванное обеспечить равенство прав сторон перед судом за счет благоприятствования, в современном уголовном процессе не только актуально и востребовано, но и, наконец, может действовать [1].

В отечественной теории уголовного процесса принцип благоприятствования защите изучался Г.С. Фельдштейном. Он один из первых отметил преимущественное положение в процессе органов государственного обвинения по отношению к стороне защиты. Кроме того, он обратил внимание на то, что положения принципа благоприятствования защите существенно отличаются в разных

моделях уголовного судопроизводства. Так, пишет Г.С. Фельдштейн, в Германии прокуратура нередко в силу своего положения получает возможность оказывать давление на суд, а в Англии государство вербует обвинителей из среды адвокатов [2].

В теории уголовного процесса преимущества защиты включают: презумпцию невиновности, толкование сомнений в пользу обвиняемого, возложение бремени доказывания на обвинителя.

По нашему мнению, к преимуществам защиты могут быть также отнесены следующие закрепленные в УПК правила:

- подсудимый может защищаться всеми не запрещенными УПК способами и средствами;

- при рассмотрении ходатайства об исключении доказательств, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований УПК, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре;

- после исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты;

- с разрешения председательствующего подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия;
- первым в прениях сторон во всех случаях выступает прокурор, а последним – подсудимый и его защитник;
- право последней реплики в рамках прений сторон принадлежит подсудимому или его защитнику;
- наличие у подсудимого перед вынесением окончательного процессуального решения в судебном разбирательстве возможности сказать последнее слово;
- в случае разногласий между судьями и если при постановлении приговора мнения судей по отдельным вопросам разойдутся и ни одно из них не соберет большинства голосов, следует руководствоваться принципом наибольшего благоприятствования защите законных интересов подсудимого [3];
- правило немедленного освобождения подсудимого из-под стражи;
- при вынесении вердикта присяжными заседателями, если их голоса разделились поровну, принимается наиболее благоприятный для подсудимого ответ.

Несмотря на то, что в отечественном уголовном процессе не предусмотрен отдельно принцип благоприятствования защите, в ряде положений УПК имеет место его проявление. К указанным положениям могут быть отнесены правила, предусмотренные в ч.2, 3 ст. 14, ч.2 ст. 16, п.11 ч. 4 ст. 46, ч.4 ст. 235, ч.7, ч.8 ст. 246, ч.2, ч.3 ст. 274, ч.2, ч.6 ст. 292, ч.3 ст. 301, ст. 311, ч.5 ст. 343 УПК РФ.

В имеющихся публикациях, как и в комментарии к УПК РСФСР, подчеркивается, что закон предоставляет защитнику и подсудимому право задавать вопросы последними [4]. В соответствии с ч.3 ст. 278 УПК РФ первой задает вопросы свидетелю та сторона, по ходатайству которой он вызван в судебное заседание. При допросе эксперта первой вопросы задает сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза. Порядок допроса потерпевшего в УПК не регламентируется. Указанное выше свидетельствует об отсутствии в УПК правила благоприятствования защите, что может быть связано с усилением принципа состязательности в отечественном уголовном процессе с принятием

УПК РФ и ослаблением позиций принципа *favor defensionis*.

В литературе отмечается, что на следующем этапе развития состязательности в уголовном процессе наряду с «пассивными» юридическими гарантиями могут появиться и активные средства помощи защите, так, например, право самостоятельно собирать для суда доказательственную информацию [5, с.78]. Относительно такой позиции некоторые авторы идут еще дальше и указывают, что сами стороны должны приносить доказательства, благоприятные для обоснования их требований, но не всякое утверждение, по их мнению, сторона должна доказывать, а лишь то, которое не признается противником.

В настоящее время в уголовном процессе, как справедливо отмечает А.В. Смирнов, «все, что имеет сторона защиты, даровано ей законом; все, на что она может рассчитывать, она получает из рук суда» [5, с. 78].

А.В. Смирнов также утверждает, что несоблюдение принципа благоприятствования защите приводит к нарушению принципа равенства сторон [5, с. 263]. Проявляется связь принципа благоприятствования не только с принципом презумпции невиновности, но и с принципом состязательности. Рассматриваемый принцип дополняет принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, но не сливается с ним, он органично его продолжает. Публичная наступательная деятельность органов предварительного расследования на досудебных стадиях и значительный перевес процессуальных прав этих органов в вопросах расследования преступления, а также деятельность прокурора по поддержанию обвинения в судебных стадиях требует создания особой системы противовесов в уголовном судопроизводстве, а именно дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов обвиняемых (подсудимых). Наличие в отечественном уголовном процессе подобных гарантий обоснованно и придает ему действительную состязательность. В состязательном процессе изначально присутствует асимметрия прав сторон, ибо органы предварительного расследования имеют больше возможностей по собиранию доказательств, чем защита, а за-

щита, в свою очередь, может пользоваться определенными преимуществами в рамках института *favor defensionis* [5, с. 212].

По нашему мнению, положения принципа *favor defensionis* в отечественной теории уголовного процесса следует рассматривать как имманентно присущие состязательному процессу. И еще один тезис является очевидным: чем чище состязательность в уголовном процессе, тем меньше должно быть правил благоприятствования защите.

Несмотря на то, что принцип благоприятствования защите имеет максимальное проявление в отечественном процессе, в любом случае его можно бесконечно усиливать. Например, в УПК РФ может быть добавлено правило об обязательном повторном проведении судебных действий по ходатайству защитника в случаях его замены и т.д.

Таким ярким проявлением принципа благоприятствования защите не может похвастаться ни один УПК в зарубежном уголовном процессе. В зарубежном уголовно-процессуальном праве наблюдается отход от традиционных положений принципа презумпции невиновности и распределения бремени доказывания на участвующие стороны, о чем свидетельствуют принятые законы *The Racketeer Influenced and Corrupt Organization Act* и *USA Patriot Act of 2001* [6, с.6]. В странах англосаксонской системы права и процесса наблюдается значительно меньше юридических гарантий защиты прав и законных интересов подсудимых и отсутствие

традиционных для нашего уголовного процесса правил благоприятствования защите. Так, например, в Великобритании и США бремя доказывания смягчающих обстоятельств лежит на стороне защиты, как и бремя доказывать законность происхождения имущества, имеющегося у подсудимого, изобличенного в корыстном преступлении (правило «*In rem*») [6, с.7].

По данному вопросу можно сформулировать еще одно правило: принцип благоприятствования защите в отечественном уголовном процессе имеет близкое к максимальному проявление. Как подмечено в литературе, в России существует явное предубеждение против предложений о возложении бремени доказывания на сторону защиты. Это определяется прежде всего историческим прошлым, которое характеризуется избыточной карательной активностью государства [6, с.7].

Таким образом, в отечественном уголовном процессе предусмотрены правила благоприятствования защите. Проявления указанного принципа в уголовно-процессуальном законе уравнивают публичную наступательную деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры. Принцип благоприятствования защите является продолжением принципа защиты прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых) и создает условия для действительной состязательности сторон в ходе судебного следствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романовский Э.М. Равенство прав сторон в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 47.
2. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Типо-литография В. Рихтеръ, 1915. С. 70.
3. Судебные речи известных русских юристов. М., 1957. С. 59.
4. Галоганов Е.А. Участие адвоката в суде первой инстанции как основная форма реализации принципа состязательности // Образование и право. 2009. №1. URL: <http://education.law-books.ru/shop/9-1-09/9-1-14.doc>
5. Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С.78, 263, 212.
6. Александров С.А., Александрова И.А., Кучерук Д.С. Презумпция невиновности обвиняемого и распределение бремени доказывания // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2011. №1 (5). С.6-7.

Р.Р. Рахматуллин,
кандидат юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

**ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ
ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ**

В статье рассмотрены особенности расследования в сложных ситуациях. Преступники и их связи оказывают активное противодействие расследованию. В этих условиях наиболее эффективным средством преодоления подобного противодействия являются тактические операции.

Ключевые слова: тактическая операция, следственная ситуация, тактический прием, тактический риск, противодействие расследованию, взаимодействие.

The article describes the features of investigation in complex situations. Criminals and their relations are actively interfered with the investigation, in these circumstances the most effective means of crossing the interference are tactical operations.

Key terms: tactical operation, the investigative situation, tactical option, tactical risk, interference with the investigation, the interaction.

В условиях жесткого противостояния преступности государственным институтам, когда со стороны преступников идет настоящая "атака" на правосудие, а субъекты, осуществляющие ее, не имеют достаточных правовых рычагов по сдерживанию и пресечению преступных действий, необходимо определить общую стратегию правоохранительных органов при выполнении задач предварительного расследования.

Согласно словарю С.И.Ожегова, стратегия означает «искусство ведения войны» или «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [1]. Поэтому уже содержание понятия свидетельствует об особой роли криминалистики в разработке указанной стратегии правоохранительных органов.

В последние годы наиболее востребованными оказались криминалистические разработки, касающиеся методики расследования различных видов преступлений в сложных следственных ситуациях и, прежде всего, конфликтных. Важнейшей особенностью конфликтных ситуаций является такти-

ческое противодействие следователю со стороны обвиняемых и других лиц, занимающих по отношению к нему негативные (противоборствующие) позиции. Опасность противодействия при этом усугубляется слабой информированностью следователя о намерениях соперничающей стороны. Под информированностью следует понимать владение объективной и максимально полезной информацией о преступлении в целом и конфликтной ситуации в частности. Причем, как справедливо отмечает Л.Я.Драпкин, важно получить не любую, а так называемую стратегическую информацию – сведения о планах, намерениях, тактической позиции и возможностях соперничающих сторон [2]. «Знать наперед намерения противника – это, по сути дела, действовать как бог», - образно писал об этом выдающийся древнекитайский полководец и военный деятель Сунь-Цзы (VI в. до н.э.). Как отмечают исследователи, древнекитайские трактаты (наряду с трактатом Сунь-цзы, известны и другие трактаты, в частности, У-

цзы) – замечательные образцы не только восточного, но и стратегического мышления [3].

Однако все чаще при осуществлении уголовного судопроизводства говорится об информационно-техническом превосходстве преступной среды, когда преступники благодаря техническому прогрессу также могут получить свою «стратегическую информацию» и активно противодействовать расследованию преступлений. Поэтому одним из направлений стратегии правоохранительных органов в указанных условиях должна стать разработка вопросов по упреждению, выявлению и нейтрализации (преодолению) противодействия раскрытию и расследованию преступлений в рамках новой криминалистической теории – теории противодействия расследованию и криминалистических методов его преодоления.

Практическая значимость названной криминалистической теории заключается в быстром и эффективном реагировании на различные помехи в ходе расследования, экономии сил и средств при расследовании преступлений, а в целом создании оптимальных или, иными словами, «комфортных» условий для следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Представляется, решение проблемы противодействия нуждается в консолидации сил и средств правоохранительных органов, правовой науки. В последние годы принят целый ряд законов и иных нормативных актов, направленных на решение данной проблемы. К сожалению, возможности только одних правовых средств ограничены.

Вместе с тем современная практика имеет в своем арсенале комплекс специальных средств и методов, направленных на выявление противодействия. Особое место среди них занимают тактические операции. Под тактической операцией традиционно понимается сочетание следственных, оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ), сопутствующих им тактических приемов, организационных и иных мер, объединенных единым замыслом и обусловленных конкретной следственной ситуацией. В криминалистике известны различные тактические операции,

широко применяемые на практике: поиск и исследование доказательств на месте происшествия, розыск и задержание подозреваемого, контролируемая взятка и др. Конечно, в ходе их реализации наряду с основными задачами раскрытия и расследования решаются и частные: упреждение, выявление и нейтрализация противодействия раскрытию и расследованию.

Следует отметить, тактическая операция может включать комплекс различных тактических приемов и ОРМ, проводимых в едином комплексе с одним следственным действием. В частности, как к тактической операции следует подходить при производстве большинства следственных действий и иных процессуальных действий. Проиллюстрируем на примере тактической операции «обыск». Ее структура может включать комплекс мер до начала обыска (например, оперативно-розыскное мероприятие - наблюдение за объектом и лицами, входящими и выходящими из помещения; тактический прием, направленный на внезапное проникновение в помещение и др.), на стадии непосредственного проведения поисковых мер (тактические приемы, связанные с поиском искомых объектов, психологическим наблюдением за обыскиваемыми, словесной разведкой лиц, находящихся в помещении, использованием поисковой техники и др.) и после завершения обыска (например, в случае неудачного обыска - организация засады, оперативное наблюдение за объектом и лицами, входящими и выходящими из него, а также меры процессуального принуждения – задержание и личный обыск лиц, заподозренных в причастности к утаиванию искомых объектов и др.). Ясно, эти мероприятия должны носить планомерный характер с привлечением достаточных сил и средств. Такой же подход должен присутствовать при производстве иных следственных действий. К сожалению, зачастую практика свидетельствует об игнорировании такого подхода.

Представляется, когда субъектами расследования устанавливаются факторы или признаки противодействия или оно (противодействие) носит явный (открытый)

характер, необходимо разрабатывать и проводить специальные тактические операции по упреждению или преодолению противодействия.

Тактическая операция «Проверка правдивости показаний». Данная операция предусматривает тщательную подготовку к допросу, а в дальнейшем осуществляется, как правило, непосредственно при допросе с помощью разработанных криминалистикой тактических приемов («предъявление уличающих доказательств», «допущение легенды», «косвенный» допрос, использование фактора внезапности и др.).

В дальнейшем эти показания желательно незамедлительно проверить путем проведения отдельных следственных действий (осмотра, обыска, следственного эксперимента, предъявления для опознания, назначения и производства экспертиз и т. д.), посредством изучения (осмотра) различных документов, а также по поручению следователя оперативно-розыскным путем (см. п.4 и 5 ч.2 ст.38, ч.1 ст.152 УПК РФ).

Тактическая операция «Разоблачение ложных показаний путем применения тактических приемов в ходе допроса, иных следственных действий, ОРМ в сочетании с методами убеждения». Установив факторы, а также признаки и приёмы противодействия, проявляемые во время дачи участниками уголовного процесса показаний, субъект расследования должен стремиться к развитию успеха, оказывая воздействие на допрашиваемого путем применения различных тактических приемов и их комбинаций с целью получения достоверных показаний. Особенно эффективными при этом будут такие следственные действия, как очная ставка и следственный эксперимент.

Следует заметить, следователь может применить меры по нейтрализации противодействия немедленно, но может и выждать определенный момент. Например, ложные показания в рамках применения приема допущения легенды могут стать необходимым элементом изобличения преступника и иного лица, дающего ложные показания, т.е. искажение истины в этом случае оборачивается против самого лжеца. Иными словами, преступ-

ник, пытаясь направить следствие по ложному пути, сам приводит к своему «логову». Важно грамотно воспользоваться подобной ситуацией, не дать изобличенному, но ещё не отказавшемуся от противодействия лицу «остыть».

В рамках тактической операции важно уметь применять методы убеждения. Однако их применение не всегда достигает своих целей. В таких случаях для нейтрализации противодействия наиболее решительно и тактически грамотно должны применяться меры государственного принуждения (юридической ответственности, процессуального принуждения и др.). Но в любом случае применение указанных мер должно носить комплексный, планомерный и наступательный характер.

Тактическая операция «Выявление фактов склонения или принуждения к даче ложных показаний». Первые признаки противодействия могут быть выявлены уже в ходе допроса. Противодействие может быть выявлено также при проведении других следственных действий (например, факт воздействия на свидетеля может быть установлен в ходе освидетельствования, контроля и записи переговоров в соответствии со ст.186 УПК РФ), оперативно-розыскных мероприятий, мер административного принуждения (например, работниками следственного изолятора в ходе планового досмотра могут быть обнаружены и изъяты записки, в которых обвиняемый просит (требует) воздействовать на определенных лиц с целью склонения их к изменению показаний).

При реализации любой тактической операции, направленной на выявление противодействия велика роль оперативно-розыскных мер. Ведь в условиях, когда следственная и судебная деятельность в России во многом оказалось малоподвижной и забюрократизированной, относительно мобильной остается лишь оперативно-розыскная деятельность. Безусловно, последние изменения в УПК РФ, связанные с производством таких следственных действий, как осмотры различных объектов, назначение судебной экспертизы и получение заключения до возбуждения

уголовного дела, а также с постепенным отказом от института понятых, окажут положительное влияние на эффективность работы правоохранительных органов. Однако объективно данные изменения не могут в корне изменить ситуацию с противодействием.

Оперативно-розыскное сопровождение – залог успешности любой тактической операции. С помощью оперативно-розыскных мер (ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») можно получить ориентирующие (но не менее важные для достоверного доказывания обстоятельств по уголовному делу) данные, например, о намерении подозреваемых (обвиняемых) изменить показания; о встрече родственников или близких знакомых содержащихся под стражей лиц с потерпевшими, свидетелями по делу, о других фактах воздействия на последних; о подготовке ложного алиби; о готовящихся провокациях против следователя, судьи и др.

Важнейшее значение приобретает группа интрузивных (проникающих) оперативно-розыскных мероприятий, характеризующихся повышенными оперативно-разведывательными возможностями. Мероприятия этой группы: оперативное внедрение, контролируемые поставки, оперативный эксперимент и некоторые другие дают возможность своевременно выявлять и пресекать противодействие на самых ранних стадиях подготовки, совершения преступлений, а затем и на постпреступной стадии, в т.ч. и стадии исполнения приговора суда.

В случаях возникновения сложных, а иногда и тупиковых ситуаций, которые нельзя разрешить производством отдельных ОРМ, необходимо проведение их комплекса, который получил название оперативной игры – оперативно-розыскной операции специальных служб с широким использованием агентуры, специальных оперативно-технических средств, мнимо криминальных структур, дезинформации и инсценировок.

В результате оптимального проведения оперативных игр правоохранительными органами оказывается заранее запланированное воздействие на объекты оператив-

ной заинтересованности, перехватывается тактическая инициатива, прогнозируются возможные акции преступных формирований и своевременно осуществляются успешные контрмеры.

В активном противодействии транснациональной организованной преступности, особенно таким ее опаснейшим направлениям, как международный терроризм, тотальный наркобизнес, системная торговля оружием, оперативные игры являются важнейшим, а в особо сложных ситуациях – решающим оружием в арсенале правоохранительных органов.

В частности, во многих случаях конечными результатами оперативных игр могут быть и иные их итоги: ликвидация лидера террористического формирования; предотвращение захвата заложников или воздушного судна; задержание группы наркокурьеров с большой партией героина; выявление тайников с оружием, с одновременным задержанием поставщиков и получателей и т.д.

Информационная возможность оперативной игры еще более расширяется, если она входит как структурный элемент в состав тактической операции. В этих случаях результаты оперативной игры используются при производстве следственных действий, значительно повышая их эффективность. Тем самым процесс собирания и проверки доказательств существенно оптимизируется, поскольку следователи получают в свое распоряжение ценнейшую оперативную (ориентирующую) информацию, а сами процессуальные действия и применяемые при их производстве тактико-психологические приемы приобретают «точечный» характер, отличаясь исключительной целеустремленностью и избирательностью.

В условиях резкого усиления противодействия расследованию преступлений от правоохранительных органов требуется совершенно новый, более высокий уровень взаимодействия между следователями, органами дознания и иными участниками досудебного производства. Представляется, что *тактическая операция*, особенно если в ее функциональную структуру включена

оперативная игра, представляет собой наиболее оптимальную форму взаимодействия.

Однако эффективность многих тактических операций и особенно отдельно проводимых следственных действий, ОРМ носит, тем не менее, ограниченный характер, в силу целого ряда объективных и субъективных причин, к которым, в первую очередь, следует отнести недостаточный объем исходных данных, профессиональное сопротивление конфликтующей стороны, в том числе «слив» дезинформации, а также сильнейшее воздействие факторов риска.

Ситуацию тактического риска, как одну из разновидностей сложной следственной ситуации, можно определить как специфическое соотношение между возможными способами действий следователя, направленными на достижение цели, и негарантированными результатами их реализации.

Важнейшей характеристикой ситуации тактического риска является отсутствие среди множества решений хотя бы одного абсолютно надежного решения, обязательно ведущего к намеченной цели. Решение следователя, принятое в условиях тактического риска, может оказаться не только недостаточно надежным, но даже и ошибочным и не только не приведет к намеченной цели, но и причинит определенный вред расследованию. Действительно, в процессе преодоления противодействия возникают различные риски: связанные с угрозами человеческой жизни, здоровью, имуществу, чести и достоинству и т.д. Например, поспешная попытка освобождения заложника может привести к его гибели и осложнению процесса расследования. Однако и отказ от принятия и реализации не совсем надежного, но единственного имеющегося на данный момент решения может причинить еще больший вред.

Поэтому следователю так важно уметь рассчитать риск при принятии решений. Риск должен быть логически и юридиче-

ски обоснован, а также подкреплен определенными математическими расчетами. И чем лучше субъекты преодоления противодействия научены и подготовлены рисковать в своих решениях, тем вероятнее, что последствия этих решений будут результативными.

Представляется, современный следователь должен мыслить стратегически, иными словами, ему должно быть присуще криминалистическое мышление. Однако, на наш взгляд, у большинства следователей в большей или меньшей степени развито, прежде всего, процессуальное и уголовно-правовое мышление. Это трудно отрицать, ведь следователь постоянно обращается к УК и УПК РФ, их комментариям, решениям Пленума Верховного Суда России и т.п. Иными словами, выработана определенная система по применению правовых средств, что способствует формированию указанных видов мышления. Загруженность следователя, недостаточность криминалистического образования и иные причины приводят к тому, что следователь владеет только азами криминалистического мышления, в частности, он может проанализировать и оценить следственную ситуацию, выдвинуть версии и принять определенные решения. Эти решения, как правило, ограничиваются уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми мерами.

Поэтому очень важно выработать у следователей, оперативных работников основы криминалистического мышления. Это мышление подразумевает умение быстро и грамотно дать криминалистическую характеристику преступления на основе всестороннего и полного изучения информации об исследуемом событии, а затем на этой основе проанализировать и оценить следственную ситуацию, выдвинуть версии, принять тактическое решение, в том числе в условиях тактического риска, о выборе оптимального варианта действий по раскрытию и расследованию преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ под ред. И.Ю.Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. С. 770.
2. Драпкин Л.Я. Конфликтные ситуации и методы их разрешения в процессе преодоления противодействия расследованию// Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России. С.6.
3. Сунь-цзы. Искусство стратегии. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. С.5.

И.Е. Мазуров
(Казанский юридический институт МВД России)

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА:
ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ И ПРОБЛЕМА
ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА**

В статье рассматриваются проблемы применения понятия криминалистической техники и практического использования технико-криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая техника; технико-криминалистические средства; технико-криминалистическая подготовка

In article is considered development and problem of the using the notion of the of criminal law technology. Practical use technician-of criminal law facilities and methods in opening and investigation of the crimes.

Keywords: criminology; criminalistic equipment; technical-criminalistical means; technical-criminalistic training.

Использование технико-криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений исторически обуславливалось потребностью общества в обеспечении своей безопасности от активизирующейся преступности. Данные знания должны закладываться еще на стадии обучения будущих следователей.

Понятие «криминалистическая техника», как и сам предмет криминалистики, его система, другие методологически важнейшие понятия и категории на разных этапах развития этой науки определялось по-разному. Оно формировалось исторически и претерпевало изменения под влиянием изменяющихся представлений о самом предмете криминалистики.

В самых первых работах по криминалистике, изданных после 1917 г., под криминалистической техникой понималось вся криминалистика, и ее иногда называли уголовной техникой. В ряде западных стран ее и поныне так называют. С течением времени термином «уголовная техника» стали обозначать один из разделов науки криминалистики. Под техникой стали понимать систему «приемов исследова-

ния вещественных доказательств и физических признаков в целях розыска, опознания и идентификации лиц и предметов, фигурирующих в следственных делах». Постепенно термин «уголовная техника» исчез из обихода, и техника (как и тактика) стала именоваться криминалистической. Но после выхода в свет (1938 г.) статьи Б.М. Шавера «Предмет и метод советской криминалистики» термин «криминалистическая техника» на два десятилетия исчез из научного обихода [1].

В 1950 г. профессор А.И. Винберг дает уже более узкое, сугубо «техническое» определение криминалистических средств. Но несколько позже, в 1959 г., уточняя свое определение, он пишет, что под криминалистической техникой следует понимать «совокупность научно-технических приемов и средств, применяемых при расследовании преступлений для обнаружения, сохранения, фиксации, изъятия и исследования различных судебных доказательств».

Между тем оставался неясным вопрос, какие конкретно технические средства могут быть отнесены к этому разделу криминалистики. Неоднократно многие авторы высказывали и в настоящее время продолжают отстаивать свои точки зрения на понятие технико-криминалистических средств. К числу таких авторов необходимо отнести Н.А. Селиванова, В.Я. Карлова, Г.И. Грамовича, С.Н. Трегубова, А.Р. Шляхова, А.Г. Филиппова, Е.П. Ищенко, Р.С. Белкина, П.Т. Скорченко и др.

Например, Р.С. Белкин понимает под технико-криминалистическими средствами устройство, приспособление или материал, используемый для собирания и исследования доказательств или создания условий, затрудняющих совершение преступления. Как видно, Р.С. Белкин полностью согласен с другими авторами с отнесением к технико-криминалистическим средствам «приемов», «способов», «методов», но в своем определении предпочитает их не называть.

Определить же криминалистическую технику в узком, собственном смысле слова невозможно без указания ближайших целей и материальных объектов, на которые направлено использование технических методов и средств криминалистики. Именно такой подход к решению обозначенного вопроса положил в основу своих суждений В.А. Волинский, сформировав, прежде всего, исходные посылки, которые должны быть учтены при конструировании определения криминалистической техники. К таким исходным посылкам он относит криминалистическую технику — неотъемлемую часть криминалистической науки. Содержание криминалистической техники составляют научные положения криминалистики и других наук; предметное содержание составляют технические средства, приемы и методы; целью же разработки и применения данных средств, приемов и методов является установление истины в судопроизводстве в предусмотренных законом формах.

В связи с этим изменяется и содержание криминалистической техники, причем всех ее составляющих: научных положений,

технико-криминалистических методов и средств. Научные положения криминалистической техники пополняются за счет данных, не только традиционно используемых криминалистикой, но и современных, формирующихся областей знания, таких, как кибернетика, электроника, информатика. Эти новые для криминалистики данные становятся базой для разработки новых технико-криминалистических методов и средств, а также для усовершенствования уже используемых.

Именно это обстоятельство дает основание согласиться с мнением А.Ф. Волинского, что «криминалистическая техника — это такое же обобщающее понятие, как, например, «техника связи», «медицинская техника», «военная техника» и т.п.» [1].

Таким образом, считаем, что одной из насущных задач теоретической разработки проблематики использования криминалистических средств является решение проблемы понятийного аппарата. Указанная проблема имеет и практическое значение. Авторы многочисленных научных исследований используют термины, несущие неоднозначную информационную нагрузку. Поэтому практические работники порой не в состоянии разобраться в обилии тех терминов, которыми оперируют ученые, а скорее, не имеют возможности из-за возрастающей нагрузки. Предлагается во избежание двусмысленности понятий, в целях наиболее эффективной борьбы с преступностью в методических указаниях, рекомендациях и инструкциях различных уровней для практического применения сотрудниками оперативных и следственных органов применять единые понятийные комплексы.

Ряд авторов полагает, что проблема в этом направлении кроется и в слабой технико-криминалистической подготовке будущих следователей, работников оперативных подразделений, от которых будет зависеть раскрываемость преступлений, качество следствия. В свою очередь, недостатки в технико-криминалистической подготовке отрицательно сказываются на практическом использовании средств криминалистической техники [2].

К сожалению, среди практиков бытует мнение, что следователи (дознаватели) могут в любое время привлечь на помощь специалиста-криминалиста, который квалифицированно применит криминалистическую технику, и не считают углубленную криминалистическую подготовку необходимой. Приведенная точка зрения ошибочна.

Продолжим солидаризироваться с мнением П.Т. Скорченко. Если следователь не знает, какие технические средства имеются, не осознает их возможности, он не будет знать, какая помощь ему может быть оказана. Кроме того, в отдаленных районах вообще нет специалистов-криминалистов, и следователь сам вынужден применять криминалистическую технику. Тем более что осмотр места происшествия в большинстве случаев приходится проводить ему самостоятельно [3].

В ряде случаев следователь должен сам проводить осмотр места происшествия или же реально оценивать смысл вызова специалиста из подразделений ЭКЦ. Нередко, зачастую в силу своей неопытности и не-

квалифицированности, следователи отвлекают специалистов-криминалистов от более сложных осмотров или же сидят в его ожидании, задерживая при этом других участников следственных действий.

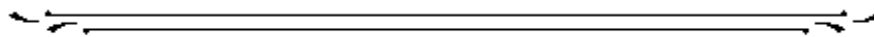
Вывод напрашивается сам собой: если преподаватель криминалистики не привет курсанту (слушателю) изначально практических навыков применения криминалистической техники, не даст расширенного ее понятия, специалист ее знать не будет.

В этом случае различное толкование понятия криминалистической техники будет ни при чем.

Конечно, на слабой подготовке будущих специалистов (следователей, дознавателей) отражаются также материально-техническое обеспечение юридических вузов; учебные часы, выделяемые для изучения дисциплины; обеспеченность специальной и дополнительной литературой по разделам криминалистики и другие объективные причины, которые следует решать не на уровне вузов, а на уровне министерств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочнева И.П. О криминалистической технике // Российский следователь. 2009. № 13. С. 4-12.
2. Ищенко Е.П. Криминалистика / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; под ред. Е.П. Ищенко. М.: Изд-во МГЮА, 2007. С. 52-64.
3. Россинская Е.Р. Криминалистика. М.: Норма, 2006. С. 41-56.

Ю.В.Абакумова,
кандидат юридических наук, доцент
(Институт права имени Владимира Сташиса
Классического частного университета)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В СТРАНАХ СНГ

В статье рассматриваются теоретические подходы российских и украинских учёных к пониманию института соучастия, определению его объективных и субъективных признаков, а также законодательное закрепление института соучастия в уголовных кодексах стран СНГ. Выявляются общие положения и расхождения в подходах к толкованию института соучастия, которые могут существенно повлиять на квалификацию общественно опасных деяний.

Ключевые слова: соучастие, соучастники, объективные признаки соучастия, субъективные признаки соучастия.

This article deals with the theoretical approaches of the Russian and Ukrainian scientists to understand the institution of complicity, defining its objective and subjective signs and legislative consolidation of the Institute of complicity in the criminal codes of the countries of the CIS. Identify common features and differences in the approaches to the institution of participation, which can significantly affect the qualification of socially dangerous acts.

Keywords: accessory, accomplice, objective evidence of complicity, subjective signs of complicity.

В Украине, как и в других государствах, проблеме противодействия преступлениям, совершенным в соучастии, уделяется значительное внимание, поскольку соотношение национального и международного законодательства, а также законодательства отдельных иностранных государств и практики его применения является аксиоматическим, так как прогрессивное развитие законодательства невозможно без глубокого анализа и учета достижений других государств. Более того, именно сравнение и выявление положительных и отрицательных особенностей законотворчества и правоприменения могут сыграть важную роль в процессах совершенствования отечественного законодательства.

Сегодня количество преступлений, совершенных в соучастии, стремительно растёт. Стратегический курс Украины на интеграцию в Европейский Союз, а также добрососедские отношения со странами

СНГ требуют глубокого и всестороннего научного анализа законодательства этих государств. Именно поэтому наше исследование посвящено теоретическим и практическим подходам к пониманию термина «соучастие» в странах СНГ.

В уголовно-правовой науке определение форм соучастия в организованных группах и их признаков, их дифференциация и установление уголовной ответственности каждого соучастника относятся к ключевым вопросам. Соучастие исследовали в своих работах российские и украинские ученые, а именно: Л.В. Багрий-Шахматов, Н.И. Бажанов, В.А. Борисов, Ф. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, А.И. Гуров, Н.А. Гуторова, В.П. Емельянов, А.П. Закалюк, А.Ф. Зелинский, И.И. Капец, А.А. Кваша, О.Ф. Ковитиди, Г.Л. Кригер, Н.Ф. Кузнецова, П.С. Матишевский, П.П. Михайленко, А.А. Ржаной, В.В. Сташис, В.П. Тихий, А.Н. Трайнин, Н.И. Хавронюк, В.И. Шакун и др. Они

рассматривали общие вопросы соучастия, проблемы уголовной ответственности за групповые преступления, становление и развитие организованной преступности и др. Однако разработка института соучастия в целом и его отдельных вопросов остается актуальной.

Изучение опыта иностранных государств по установлению уголовной ответственности соучастников необходимо начать с подходов к определению понятия «соучастие».

В большинстве стран СНГ уголовным законодательством определяется не только понятие соучастия, но и виды соучастников. Так, согласно ст. 26 Уголовного кодекса Украины, соучастие – это умышленное совместное участие нескольких субъектов преступления в совершении ими умышленного преступления [1]. В соответствии со ст. 41 Уголовного кодекса Республики Молдова, соучастием является умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [2]. Практически такой же подход имеет место при анализе норм Уголовного кодекса Республики Азербайджан [3], Уголовного кодекса Республики Беларусь [4], Уголовного кодекса Российской Федерации [5] и других стран.

Следует установить, насколько такой подход оправдан и целесообразен. Можно согласиться с мнением большинства ученых, в частности, М.И. Бажанова, Ю.В. Баулина, В.И. Борисова, А.П. Козлова, Н.И. Коржанского, В.М. Кудрявцева, П.С. Матишевского, В.О. Навроцкого, М.И. Панова, В.Я. Ция и др., которые отмечают, что определение понятия соучастия не только в теории уголовного права, но и в законодательстве помогает ученым и практическим работникам судебных и правоохранительных органов понять, когда определенная деятельность нескольких лиц является соучастием, а когда – это индивидуальная деятельность каждой личности. Более того, по мнению российского ученого А.П. Козлова, именно в общем смысле рассматриваемого понятия заложено основание для разграничения институтов уголовного права, схожих с соуча-

стием. Кроме того, четкие определения позволяют избежать судебного беззакония при установлении или непризнании соучастия по каждому конкретному уголовному делу [6, с. 31].

В научных подходах к определению понятия соучастия и выяснению объективных и субъективных признаков соучастия наблюдается практически тот же порядок при анализе законодательства Российской Федерации, но, в отличие от Уголовного кодекса Украины, в Уголовном кодексе Российской Федерации не раскрываются вопросы добровольного отказа соучастников. Зато в главе 7 «Соучастие в преступлении» ст. 36 раскрывает понятие эксцесса исполнителя и особые вопросы уголовной ответственности в случае эксцесса. В законодательстве Республики Беларусь, хотя и сохраняется общий подход к определению понятия соучастия, этот институт рассматривается в двух главах: II «Основания и условия уголовной ответственности», III «Преступное деяние». В Уголовном кодексе Украины содержится 6 норм, в Уголовном кодексе Российской Федерации – 5, в Уголовном кодексе Республики Беларусь – 5, однако анализ текстов кодексов дает основание утверждать, что большинство позиций в отношении квалификации деяний, совершенных в соучастии, остаются без внимания. Так, например, в Уголовном кодексе Украины и Уголовном кодексе Российской Федерации в отдельных статьях выделено понятие соучастия (ст. 26 Уголовного кодекса Украины и ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации), виды соучастников (ст. 27 Уголовного кодекса Украины и ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации), ответственность соучастников (ст. 29–30 Уголовного кодекса Украины и ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации). В Уголовном кодексе Республики Беларусь эти вопросы сосредоточены только в ст. 16, зато ст. 17–19 определяют понятия группы лиц, организованной группы и преступной организации, а также частично освещают вопросы уголовной ответственности участников этих групп. Отдельно в ст. 20 Уголовного кодекса Республики Бе-

ларусь предусмотрено возможность освобождения от уголовной ответственности участника преступной организации или банды.

Указанное не свидетельствует о неоднозначности подходов к институту соучастия в Украине, Российской Федерации и Республики Беларусь, большинство определений являются практически одинаковыми, хотя и содержатся в разных нормах Уголовного кодекса. В свое время для унификации подходов к уголовному законодательству был разработан Модельный Уголовный кодекс для стран – участников СНГ. К тому же, определенным образом сохранилась преемственность в уголовном праве.

Несмотря на различные подходы к институту соучастия, можно выделить общие признаки и различия, которые могут существенно повлиять на квалификацию общественно опасных деяний. С учетом опыта предыдущих исследователей при наличии достаточного количества научных источников стало возможным рассмотрение объективных и субъективных признаков соучастия.

Напомним, что по общему правилу к объективным признакам соучастия относятся следующие:

- 1) в совершении преступления участвуют несколько субъектов преступления;
- 2) преступление совершается совместными усилиями всех соучастников;
- 3) о деяниях соучастников должно быть полностью или частично (в обобщенном виде) известно каждому из участников, а следствие преступной деятельности является неделимым, общим для всех соучастников.

Основные субъективные признаки соучастия:

- 1) по общему правилу соучастие возможно только в умышленных преступлениях;
- 2) наличие единства умысла соучастников.

Рассмотрим более подробно объективные и субъективные признаки. Существуют различные подходы к определению количества соучастников (два, три или более), но в общем виде это два и более лиц, каждое из которых должно иметь признаки субъекта преступления (физическое лицо,

вменяемость, достижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность), без наличия которых лицо не может быть признано соучастником.

Групповая преступность – это опасный вид преступной деятельности, который в последнее время наиболее распространен. Разновидностью групповой преступности является организованная преступность. Как известно, современному периоду развития украинского общества присущи новые социально-экономические отношения, способствующие активизации организованной преступности вследствие нестабильности и разбалансированности законодательства. Особое место занимает рост транснациональной организованной преступности, в том числе действий, связанных с «отмыванием денег», торговлей наркотиками, оружием, живым товаром. Организованная преступность проникла во все сферы общественной жизни и сегодня представляет реальную угрозу жизни и здоровью каждого отдельно взятого гражданина, безопасности общества и государства в целом.

Совместная деятельность соучастников возможна также в виде присоединенной деятельности, когда лицо вносит свой «вклад» в окончание преступления, начатого другими. При этом любая общественно опасная деятельность, которая осуществляется в связи с совершением преступления, но не находится в причинной связи с его следствием, не является соучастием. То есть соучастие возможно только до окончания преступления, до прекращения посягательства на соответствующий объект.

Однако необходимо отметить, что общность действий отсутствует, а значит, нет и соучастия, когда несколько человек независимо друг от друга наносят вред одному и тому же объекту. В такой ситуации каждый выполняет самостоятельно состав соответствующего преступления. В теории уголовного права приводится классический пример отсутствия соучастия даже при выполнении аналогичных действий всеми субъектами преступления. В частности, когда каждый субъект отдельно по-

хищает определенные предметы из вагона, который был оставлен без охраны.

Определение соучастия в обобщенном виде, как умышленного совместного участия нескольких субъектов преступления в совершении умышленного преступления, считаем целесообразным раскрыть на примере Уголовных кодексов Украины, Российской Федерации и Республики Беларусь. Слова «умысел», «умышленное», «умышленно» – это юридические термины, и в Уголовном кодексе они не могут использоваться как общеупотребляемые, бытовые, поскольку имеют четко выраженный смысл. К тому же, для определения психологических компонентов вины в Уголовном кодексе Украины используются слова «сознательное» (ст. 130), лицо «знало» (ст. 133), «заведомо» (ст. 259) и т.д. Итак, если быть последовательным, то «умышленное совместное участие нескольких субъектов преступления» имеет место тогда, когда организатор, подстрекатель, пособник осознают общественно опасный характер своего деяния (то есть организация совершения или руководство подготовкой или совершением преступления, уговоры, подкуп, угроза, принуждение или иное склонение к совершению преступления, советы, указания, предоставление средств или орудий, устранение препятствий, что способствовало совершению преступления, и иные действия, указанные в Уголовном кодексе), предвидели его общественно опасные последствия и желали их наступления.

Так, Ф.Г. Бурчак считает, что организатор преступления, подстрекатель и пособник должны осознавать общественно опасный характер своих действий: они должны понимать, что в результате их действий другое лицо совершит общественно опасное деяние, и это деяние (в материальных преступлениях) потянет за собой общественно опасные последствия [7, с. 104].

Классическая формулировка общности умышленных действий соучастников отмечается в юридической литературе и включает:

а) осознание лицом общественно опасного характера своих действий (бездейст-

вия), а также общественно опасного характера действий хотя бы одного из соучастников, действующего совместно с ним;

б) предвидение причинения совместными действиями преступного результата (для преступлений с материальным составом);

в) желание наступления преступного результата.

Еще одна показательная точка зрения относительно общности деяния и вины при соучастии принадлежит А.И. Рарогу. Он утверждает, что обязательной составляющей интеллектуального элемента умысла соучастника является осознание им способа содействия преступлению или способа воздействия на исполнителя, а волевой момент умысла соучастника заключается в желании выбранным способом принять участие в совместном совершении данного преступления [8, с. 18].

Таким образом, умысел объединяет всех соучастников в их отношении к совместно совершенному деянию. Умысел предусматривает согласованность между соучастниками, которая может носить характер устной или письменной договоренности (с использованием современных средств связи: факса, электронной почты и т.п.), а также конклюдентных действий (от лат. *concludere* – молчаливое согласие, которое проявляется в жестах, мимике). При соучастии без предварительного согласия достаточно взаимного осознания лицами единого умысла совершить преступление вместе. Следует отметить, что признаки общей умышленной деятельности соучастников присущи уголовному законодательству большинства иностранных государств. Интеллектуальный и волевой моменты умысла при совершении преступления в соучастии носят несколько специфический характер. Интеллектуальный момент характеризуется, во-первых, осознанием соучастником общественной опасности деяния, совершающего исполнителем (речь идет о других соучастниках), и общественной опасности собственного деяния, которое «работает» на общий для всех соучастников преступный результат. При этом отсутствие понимания общественной опасности собственных действий означает

отсутствие соучастия. Так, не будут соучастием действия лица, отдавшего свой автомобиль другому лицу, взявшему его под предлогом «навещать родственников», а фактически с его помощью совершившему преступление. Для наличия соучастия достаточно знания лицом о существовании хотя бы одного соучастника (например, подстрекатель может знать только об одном исполнителе, но на самом деле их было несколько). Во-вторых, соучастник предусматривает, что действия исполнителя, с учетом его «вклада», будут способствовать развитию причинной связи в направлении достижения тех общественно опасных последствий, наступления которых желают или сознательно предполагают соучастники.

Волевой момент умысла заключается в желании или сознательном допущении наступления последствий, которые должны наступить в результате действия исполнителя и ради которых осуществлялась совместная деятельность соучастников.

Мотивы и цели, с которыми действуют соучастники, могут быть как одинаковыми, так и различными. Скажем, организатор убийства может действовать по мотивам мести, а исполнитель – из корыстных побуждений. Хотя ранее было отмечено такой субъективный признак соучастия,

как совершение преступного деяния только умышленно, в теории уголовного права рассматриваются вопросы привлечения к ответственности за «неосторожность совместного участия нескольких лиц» [9, с. 27]. В неосторожных преступлениях у виновных нет ни желания, ни сознательного предположения наступления общественно опасного последствия, поэтому объединить свои усилия для достижения единого последствия при неосторожном преступлении невозможно. Так называемое неосторожное сопричинение, когда действия нескольких человек приводят к наступлению единого следствия, не может быть признано соучастием по уже указанным причинам. Каждый должен отвечать отдельно за совершенное преступление [10, с. 152].

В большинстве стран СНГ в уголовном законодательстве определяется не только понятие соучастия, но и виды соучастников. Анализ уголовного законодательства стран СНГ позволяет сделать вывод о неоднозначности подходов к толкованию института соучастия, однако, несмотря на это, можно выделить общие объективные и субъективные признаки, а также расхождения, которые могут существенно повлиять на квалификацию общественно опасных деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Украины : научно-практический комментарий / Ю.В. Баулин и др. ; за общ. ред. В.В. Сташиса, В.Я. Ция. М.: Ин Юре, 2003. 1208 с.
2. Уголовный кодекс Республики Молдова / [вступ. статья А.И. Лукашова]. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 408 с.
3. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред. И.М. Рагимова. СПб. : Пресс, 2001. 325 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Мн. : Амалфея, 2000. 320 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации [с последующими изменениями и дополнениями] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Козлов А.П. Соучастия: традиции и реальность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 362 с.
7. Бурчак Ф.Г. Ученые в соучастия по советскому уголовному праву. К. : Наукова думка, 1969. 220 с.
8. Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений : учеб. пособ. М., 1982. 63 с.
9. Мисливий В.А. Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. М. : НАВДУ, 2005. 38 с.
10. Уголовное право Украины: Общая часть: учебник для студ. высш. уч. зав. / Ю.В. Александров, В.А. Клименко. К. : МАУП, 2004. 328 с.

П.Н.Курлович,
кандидат философских наук
(КЮИ МВД России)

ПОЛИЦИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ США

Особенностью полиции США является ее фрагментированность. Юрисдикция полицейских органов ограничена географически, поэтому состояние законности на местном уровне обеспечивается соответствующими полицейскими силами, это также позволяет ограничить полномочия полиции. Понимание правоохранительной системы США возможно при анализе распределения обязанностей на каждом уровне системы полиции: федеральные правоохранительные органы, правоохранительные органы штатов, округов и муниципальных образований.

Ключевые слова: Правоохранительные органы США, шериф, полиция штатов, Министерство юстиции США, служба маршалов, генерал-инспектор.

Policing in the United States is unique in that it is fragmented. Police power in the United States is limited by geographical boundaries, which ensures that the local levels will control their respective police forces and which limits police authority. To understand law enforcement in the USA, we must begin by examining the responsibilities of each level of policing: the federal law enforcement, and the state, county, and municipal agencies.

Key words: U.S. law enforcement authorities, sheriff, state law enforcement agencies, U.S.Department of Justice, Marshals Service, Inspector General

Полицейские органы США имеет четырехуровневую структуру: федеральные правоохранительные органы, полиция штата, полиция округа, муниципальные органы полиции. Между этими уровнями отсутствует иерархическая связь. Каждый уровень, каждая ветвь органов полиции имеет определенные пределы компетенции по подведомственности видов правонарушений. Юрисдикция различных уровней системы органов полиции также ограничена территориально.

Несмотря на сложность государственной правоохранительной системы, все ее подразделения являются специализированными ведомствами с четко определенной сферой ответственности. Отсутствие иерархии и субординационной связи между уровнями правоохранительной системы США обусловлено также сложностью нормативно-правовой системы США, фе-

деративным устройством государства. Так, компетенция сотрудников федеральных правоохранительных органов ограничена федеральными преступлениями. Федеральное преступление – правонарушение, предусмотренное федеральным законодательством. Уголовное законодательство в США существует как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Деятельность федеральных служб определяется Кодексом США. В то же время в Кодексе США установлен запрет на вмешательство федеральных органов власти в предмет ведения штатов, округов и местного самоуправления. Исключением являются лишь случаи, связанные с нарушением гражданских прав и вовлеченностью государственных служащих в преступную деятельность. В делах, в которых юрисдикционная компетентность федеральных ведомств и правоохранительных органов штатов или

округов пересекаются, как например, ограбление банка, органы, чья компетенция пересекается, совместно принимают решение о том, кто будет осуществлять расследование.

Высший уровень правоохранительной системы США представлен двумя федеральными министерствами: Министерством юстиции и Министерством внутренней безопасности. Несмотря на то, что федеральные правоохранительные органы имеют определенную законодательством структуру, узкая специализированность ведомств и служб, множество задач, которые стоят перед федеральными органами и, соответственно, расчлененность правоохранительной системы обуславливают сложную организацию государственных органов. Уникальной чертой правоохранительной системы США является ее децентрализованность. Те органы полиции, которые осуществляют непосредственное взаимодействие с гражданами в их повседневной деятельности, — органы уровня местного самоуправления и округов — наделены значительной самостоятельностью. Федеральные ведомства в их взаимодействии с низовым уровнем правоохранительной системы в вопросах, отнесенных к юрисдикции муниципальной полиции и полиции штатов, выполняют вспомогательную функцию.

Юрисдикционная разделенность полиции основывается на Десятой поправке к Конституции США. Десятая поправка ограничивает права федеральной исполнительной власти, обеспечивая, таким образом, местное самоуправление. Самоуправление распространяется на округа, районы округа, поселения и города с муниципалитетом. Численный состав полицейских органов распределяется следующим образом. Полиция штатов — 49 органов (штат Гавайи не имеет собственной полиции штата), общая численность около 60 000 сотрудников (включая сотрудников дорожной полиции - highway patrol employees) [1]; полиция округов — 3 000 органов (офисы шерифа), около 180 000 сотрудников; муниципальные органы полиции и органы полиции местного само-

управления — около 13 000 органов — 450 000 сотрудников. Кроме этих органов полиции, следует также учитывать на уровне штатов полицейские органы со специальной юрисдикцией: транзитная полиция, портовые власти, полиция аэропортов, университетская полиция, экологическая полиция (conservation officers/parks and recreation officers), органы расследования преступлений, специальные полицейские силы (например, органы по контролю за алкоголем, азартными играми, сельскохозяйственная полиция). В США насчитывается около 2 000 органов полиции со специальной юрисдикцией с численностью личного состава около 69 650 сотрудников, из них около 45 000 аттестованных сотрудников. 50% личного состава специальных органов полиции приходится на сотрудников, обеспечивающих охрану учреждений (в том числе учебных заведений).

Муниципальные органы полиции и органы полиции местного самоуправления

Полицейские органы местного самоуправления берут на себя основную тяжесть выполнения правоохранительных функций. Именно на этом уровне реализуется наибольший объем работы органов охраны правопорядка.

Муниципальные органы полиции и органы полиции местного самоуправления создаются согласно нормативным актам штатов, которые предоставляют местным властям право на самоуправление и также право учреждать местные органы полиции. Каждый штат определяет программы подготовки полицейских самостоятельно. Большинство (13 214 из 17 876) органов полиции имеют численность менее 25 сотрудников (данные 2007 года). 70 органов полиции имеют численность, превышающую 1000 человек (в управлении полиции Нью-Йорка — около 40 000 сотрудников), 83 — численность от 500 до 1000 сотрудников. 75% сотрудников полиции служат в органах полиции, которые обслуживают районы и населенные пункты с населением менее 10 000 чел. ФБР устанавливает рациональную норму численности сотрудников в местных и муниципальных органах: 2,4 сотрудника на

1000 жителей, однако эта норма не является обязательной. Традиционная норма - 1 сотрудник на 1000 жителей.

Типичная структура территориальных управлений полиции включает начальника управления, его заместителя и помощников, возглавляющих подразделение патрульно-постовой службы, подразделения расследований и вспомогательных служб.

Полицейское управление Нью-Йорка

Организация Управления полиции Нью-Йорка (ежегодный бюджет около 4 млрд долл.) Управление возглавляет комиссар полиции, являющийся гражданским служащим, назначаемым мэром Нью-Йорка. Комиссар полиции назначает себе заместителей и помощников. Управление делится на восемь отделов, шесть из которых связаны с выполнением полицейских функций. Помимо отделов, существуют специализированные подразделения (например, Компстат). Администрация Управления подразделяется на штат гражданских служащих и аттестованных служащих — сотрудников полиции. Штат гражданских служащих обеспечивают функционирование вспомогательных подразделений Управления полиции Нью-Йорка, тогда как аттестованные сотрудники осуществляют расследование преступлений и другие полицейские правоохранительные функции. Эти два штата возглавляются заместителями комиссара - первым заместителем комиссара, являющимся вторым лицом в Управлении и главным административным гражданским служащим Управления, и командиром Управления (шеф Управления - Chief of the Department). Командир Управления является сотрудником полиции, приносит присягу и обладает всеми атрибутами полицейского, в том числе обязанностью носить форменную одежду. Командир Управления является главным сотрудником полиции и отвечает за полицейские операции.

Полиция округов и департамент шерифа

Полиция округов обычно представлена офисом шерифа (Office of the Sheriff). Распространенной практикой является избрание шерифа населением округа. Однако в

некоторых штатах шериф назначается главой администрации округа. Также в некоторых штатах могут сосуществовать как отдельные органы полиции офис шерифа и управление полиции округа. В последнем случае органы полиции функционально разделены. Так, в округе Нассо (штат Нью-Йорк) полицейские силы округа распределены между двумя самостоятельными органами - полицией округа (патруль, уголовная полиция, вспомогательные службы, связь с общественностью) и офисом шерифа (исполнение наказаний, суд по семейным делам).

Шериф осуществляет базовые полицейские функции на территории, не входящей в муниципальную территорию округов. Основными функциями шерифа являются патрульная служба, обслуживание срочных вызовов граждан, расследование преступлений. Шерифы обеспечивают соблюдение как законов штатов, так и нормативно-правовых актов округов.

Кроме того, шерифы осуществляют управление следственными изоляторами и местами содержания под стражей округов. Во многих штатах отказались от практики функционирования мест содержания под стражей для каждого муниципалитета, объединяя их в единое место заключения. За одним из помощников шерифа закрепляется функция обеспечения содержания под стражей. Эта функция обычно включает также обеспечение рассылки повесток в гражданский суд, обеспечение безопасности судебных зданий и судебного процесса.

Типичная структура офиса шерифа включает шерифа; помощника шерифа; начальника оперативного отдела, который управляет патрульно-постовой службой, следственными действиями; начальника вспомогательных служб, которые призваны в том числе осуществлять поддержку функционирования судов; начальника окружной тюрьмы.

Полиция штатов

Первые органы полиции штатов появляются в штате Техас [2]. Полиция штата по многообразию направлений своей деятельности и выполняемых функций схожа с федеральными органами. Чаще всего ор-

ганы полиции штата называются бюро расследований (Bureau of Investigation). Задачи органов полиции штата:

- обеспечение и координация деятельности полиции местного самоуправления и полиции округов,
- деятельность криминалистических лабораторий,
- обеспечение внутренней безопасности,
- расследование преступлений, предусмотренных законодательством штата,
- подразделения специального назначения (Special Weapons and Tactics (SWAT)),
- контроль за соблюдением законодательства в сфере оборота наркосодержащих веществ,
- обучение сотрудников полиции.

Выделяют две модели построения полиции штатов. В первой модели (штаты Нью-Йорк, Пенсильвания, Мичиган) управление полиции штата осуществляет управление как дорожно-патрульной службой (highway patrol), так и расследованием преступлений. Соответственно, в этом едином управлении создаются два крупных подразделения. В таких штатах органы полиции выполняют весь комплекс задач, включая задачи, возлагаемые на дорожно-патрульную службу. Так, полиция штата Индиана помимо прочих осуществляет правоохранительную деятельность в сферах дорожных происшествий, авиации, захвата заложников, борьбы с незаконным оборотом наркотиков и т.п.

Во второй модели организации полиции штата (штаты Калифорния, Флорида, Джорджия, Канзас) отдельно друг от друга существует дорожно-патрульная служба и управление расследования преступлений (Департамент полиции Флориды (Florida Department of Law Enforcement (FDLE)), Бюро расследований Джорджии и т.п.). Так, в штате Флорида задачу обеспечения соблюдения правил дорожного движения, расследование дорожных происшествий осуществляет Дорожно-патрульная служба Флориды (Florida Highway Patrol (FHP)). Для второй модели характерно также создание отдельные полицейские органов для выполнения правоохранительных функций в тех сферах, которые наиболее актуальны

для данной территории.

Федеральные органы, осуществляющие правоохранительные функции

Согласно последним данным Бюро юридической статистики, в 2008 году насчитывалось 120 000 федеральных государственных служащих в правоохранительных органах, обладающих правом на постоянное ношение оружия и правом производить аресты [3]. Численность федеральных правоохранительных служащих с 2004 года к 2008 году увеличилась на 14%, или на 15 000 служащих.

Для федеральных правоохранительных органов характерна фрагментированность юрисдикционных полномочий. Главные функции федеральных государственных служащих в правоохранительных органах - расследование преступлений (40%), патрульно-постовая служба (22%), исправительная работа (18%), расследования и инспекции, не связанные с преступлениями (14%), операции, связанные с решениями судов (4%), обеспечение безопасности и защиты (1%) [4].

Службы Министерства юстиции США

Ведомства Министерства юстиции:

- Служба маршалов США
- Федеральное бюро расследований
- Федеральное управление тюрем (Federal Bureau of Prisons)
- Национальный институт исправлений (National Institute of Corrections)
- Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию

-Администрация по контролю за применением законов о наркотиках

-Управление генерала-инспектора (United States Department of Justice Office of the Inspector General)

Служба маршалов США

Исторически первым федеральным полицейским органом в США является Служба маршалов США (U.S. Marshals Service). Служба возникает в 1789 году. Правовой основой деятельности службы маршалов США является параграф 566 раздела 28 Кодекса США. В кодексе зафиксировано, что служба маршалов призвана обеспечивать защиту и выполнение всех решений первой инстанции Федерального суда по гражданским делам США, окружных апелляционных судов, Внешнеторгового суда США, осуществляет арест за особо тяжкие преступления, предусмотренные федеральным законода-

тельством, осуществляет защиту федеральных судей, должностных лиц суда и свидетелей, расследует дела и осуществляет розыск беглых преступников.

Служба маршалов осуществляет правоохранительные функции в обеспечении деятельности федеральных судов США. Порядка 55% всех лиц, скрывающихся от правосудия, подвергаются аресту именно федеральными маршалами.

В 1979 году министр юстиции передал функции по поиску лиц, бежавших от правосудия, из ФБР в Службу маршалов. С 1981 года периодически создаются *оперативные группы по расследованию и поиску скрывающихся от правосудия* (Fugitive Investigative Strike Team - FIST). Оперативные группы создаются из федеральных маршалов для осуществления операций по поиску и задержанию особо опасных лиц скрывающихся от правосудия федеральных правоохранительных органов и правоохранительных органов штатов. Оперативные группы действуют в течение нескольких недель на определенной территории - части территории штатов или территории целого штата или нескольких штатов. Так, 9-я оперативная группа FIST IX, действовавшая в штатах Аризона, Калифорния, Нью-Мексико, Техас, взаимодействуя с полицией Мексики, в течение восьми недель с 18 февраля 1986 года арестовала 3500 лиц, скрывавшихся от правосудия. Операции осуществляются в отношении сбежавших из мест заключения - федеральных заключенных, лиц, выпущенных из заключения под залог и сбежавших, лиц, нарушивших условия досрочного освобождения или условного освобождения.

Кроме этих функций, служба маршалов призвана обеспечивать исполнение постановлений судов, процессуальные решения судов. Сотрудники службы маршалов имеют право привлекать лиц, входящих в *отряд граждан, созываемых шерифом* (Posse comitatus - наделанная полномочиями группа граждан круга, формируемая шерифом округа для помощи ему в подавлении беспорядков, розыске преступников, поиске пропавших детей и т.п. Согласно законодательству США (Posse Comitatus Act), запрещено использование армии, военно-воздушных сил (за исключением Береговой охраны США, и Национальной гвардии - резервные вооруженные силы) для выполнения правоохранительных задач: любой военнослужащий, пока он находится при исполнении служебных обязанностей и/или в форменной одежде, не может участвовать в правоохранительной деятельности). Согласно Кодексу США (раздел 28, параграф 567), федеральные маршалы при исполнении служебных обязанностей наделяются теми же правами в штатах, которые предусмотрены для шерифов согласно законодательству штатов.

Федеральное бюро расследований

ФБР (Федеральное бюро расследований (Federal Bureau of Investigation (FBI)) не является полицейским органом. До 1908

года Министерство юстиции поручало агентам Секретной службы (Secret Service Agents) проводить расследования. В 1908 году по решению конгресса Министерству юстиции было запрещено привлекать агентов Секретной службы для проведения расследований. В марте 1909 года было создано ФБР [5]. Деятельность ФБР регулируется параграфом 3052 раздела 18 Кодекса США, согласно которому сотрудники ФБР имеют право на ношение и применение оружия, осуществлять аресты, если есть основания, и аресты при наличии вероятного основания совершения преступления против США (вероятное основание - юридическая конструкция права США, согласно которой при наличии причины или повода (не основания) сотрудник правоохранительных органов может осуществить арест лица в рамках поиска лица или имущества или для получения оснований для такого ареста, если оно предполагает совершение преступления). Юрисдикция и компетенция ФБР постоянно изменяются в сочетании с другими правоохранительными органами.

ФБР совмещает функции расследования уголовных преступлений и контрразведки. Кроме того, на ФБР возложена функция расследования преступлений в индейских резервациях. Юрисдикция ФБР распространяется на более чем 200 категорий преступлений, предусмотренных федеральным законодательством США. Численность ФБР 36074 (на 30.09.2012), в том числе 13913 специальных агентов. ФБР имеет 56 местных отделений в наиболее крупных городах и 400 резидентур в других городах. Организация ФБР определяется параграфом 533 раздела 28 Кодекса США.

В ФБР существует 5 отделений.

Отделение национальной безопасности (FBI National Security Branch) - основные направления деятельности - защита от оружия массового поражения, актов терроризма, деятельности иностранных разведок и шпионских операция. Управление осуществляет исследование национальной безопасности, обеспечивает информацией и анализирует другие государственные

правоохранительные органы.

Криминальное отделение (FBI Criminal, Cyber, Response, and Services Branch - CCRSB) осуществляет расследование финансовых преступлений, беловоротничковой преступности, преступлений, связанных с насилием в отношении жертвы, преступлений, совершенных организованными преступными группами, коррупции, преступлений, нарушающих гражданские права, преступлений, связанных с распространением наркосодержащих средств, преступлений в сфере информационных технологий.

Научно-техническое отделение (FBI Science and Technology Branch) связано с обеспечением судебной экспертизы, информационной поддержки ФБР и других правоохранительных служб и органов.

Отделение информационных технологий (FBI Information and Technology Branch) обеспечивает разработку и функционирование информационных технологий и информационного управления, информационных баз данных.

Отделение по работе с кадрами (FBI Human Resources Branch).

Федеральное управление тюрем

Федеральное управление тюрем (Federal Bureau of Prisons (BOP)) осуществляет управление федеральной тюремной системой США.

Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию

Бюро осуществляет расследование и предупреждение федеральных правонарушений, включающих незаконное использование, производство и владение огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами, правонарушений связанных с поджогом и подрывом, нелегальное распространение алкогольной и табачной продукции. Бюро также осуществляет регулирование лицензирования продажи, владения и перевозки огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в рамках торговли, осуществляемой между штатами. Ежегодно Бюро изымает оружие у около 10 000 недобросовестных и неблагонадежных владельцев.

Администрация по контролю за применением законов о наркотиках

Администрация осуществляет борьбу с контрабандой наркотиков. Юрисдикция Администрации совпадает с юрисдикцией ФБР и Иммиграционной и таможенной полицией США (Immigration and Customs Enforcement - ICE). Администрация также координирует расследование преступлений за рубежом. Администрация создана в 1973 году по решению президента Ричарда Никсона с целью формирования единого федерального органа по борьбе с нелегальным распространением наркосодержащих веществ. Глава Администрации назначается Президентом США. Штат Администрации составляет около 11 000 человек, из них 5500 специальных агентов (следователей) в 21 национальном отделении, 227 местных подразделениях и 86 иностранных подразделениях в 62 странах.

Управление генерала-инспектора

Управление генерал-инспектора Министерства юстиции осуществляет расследование, аудит, инспекции и специальные проверки учреждений Министерства юстиции для пресечения и предупреждения растрат, воровства и нарушений служебной дисциплины и порядка.

К 2002 году существовало 68 федеральных органов и 28 служб генералов-инспекторов (всего около 93000 должностных лиц)[6], которые осуществляют контролирующие функции как в отношении ведомств Министерства юстиции, так и в отношении ведомств других министерств. Генералы-инспектора осуществляют проверку и контроль деятельности федеральных ведомств, являются главными проверяющим операций ведомств на предмет соответствия их нормативно-правовому порядку, эффективности процедур безопасности, нарушений, допущенных при осуществлении операций. Важнейшей задачей деятельности генералов-инспекторов является недопущение должностных преступлений, связанных с подлогом, воровством, растратой, нецелевым использованием средств и т.п.

Министерство внутренней безопасности

В 2002 году было образовано Министерство внутренней безопасности (United States Department of Homeland Security).

Министерство внутренней безопасности создано для защиты США и ее территорий от террористических атак, техногенных аварий и природных катаклизмов. Одно из направлений деятельности министерства - расследование связей между наркодилерами и наркоторговцами с одной стороны и террористическими организациями - с другой. Министерство осуществляет операции как на территории США, так и за ее пределами. С 2003 года в министерство вошла Служба иммиграции и натурализации США и была разделена на Иммиграционную и таможенную полицию США и Управление по делам гражданства и иммиграции. Следственные и оперативно-розыскные подразделения были объединены и в результате возникло Управление расследований (Homeland Security Investigations (HSI)). Министерству подчинены также Таможенно-пограничная служба США (36,863 служащих -2008 год),

куда вошла также и Служба ветеринарной и фитосанитарной инспекции. В ведомствах министерства работают свыше 200 000 человек.

Наряду с судами и исправительной системой полиция является важнейшей составной частью правоохранительной системы США. Децентрализованный характер организации полиции США отличает ее от организованных на основе принципа централизации правоохранительных органов других стран. Такое построение системы правоохранительных органов отражает структуру права США, традиции правоохранительной деятельности, историю формирования полицейских органов.

Сочетание значительной самостоятельности низовых элементов полицейских органов - полиции округов и муниципальных образований, с одной стороны, и разветвленной системы федеральных правоохранительных органов, с другой стороны, позволяет обеспечить оперативность деятельности полиции, тесное взаимодействие с населением, решение стратегических правоохранительных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Все данные по количеству правоохранительных органов и их штату взяты с сайта Бюро правовой статистики США Bureau of Justice Statistics (BJS) URL: <http://bjs.ojp.usdoj.gov>
2. Fehrenbach, T. R. Lone star: A history of Texas and Texans. Cambridge, MA: DA Capo Press., 2000.
3. Census of Federal Law Enforcement Officers, June 2012, NCJ 238250
4. World Encyclopedia of Police Forces and Correctional Systems Autore: Wheelock, Anne Thomson Gale, 2006-01 Libro/Ed. Rilegata : pag. 1274
5. Jeffreys-Jones R. The FBI: A history. Lexington: University Press of Kentucky, 2007.
6. Reaves B. A., & Bauer L. M. Federal law enforcement officers, 2002. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics, 2002.

О.А. Олькова

(Сургутский государственный университет
ХМАО-Югры)

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ
МЕЖДУ УМЫШЛЕННЫМИ УБИЙСТВАМИ,
ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ И СТЕПЕНЬЮ НЕРАВЕНСТВА
В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДОХОДОВ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ**

В статье с помощью методов корреляционного и регрессионного анализа по официальным статистическим данным, полученным за период с 1999 по 2011 годы, устанавливаются конкретные криминологические закономерности преступности в Украине: положительная связь между квинтильным коэффициентом дифференциации общих доходов населения и коэффициентом умышленных убийств на 100 тысяч народонаселения, отрицательная связь между квинтильным коэффициентом дифференциации общих доходов населения (раз) и коэффициентом взяточничества на 100 тысяч народонаселения и другие. Получены соответствующие регрессионные уравнения, описывающие криминологические зависимости.

Ключевые слова: криминология, преступность, закономерности преступности, умышленные убийства, взяточничество, квинтильный коэффициент дифференциации общих доходов населения, квинтильный коэффициент фондов, располагаемый доход в расчете на душу населения, корреляционный анализ, регрессионный анализ.

In the article with the help of methods of correlation and regression Ana-Lisa according to official statistical data obtained for the period from 1999 to 2011, shall be established by specific criminal regularities of the crime in Ukraine: positive relationship between quintile coefficient of differentiation of the General revenues of the population and coefficient of homicides per 100 thousand population, negative relationship between quintile coefficient of differentiation of the population incomes (time) and the coefficient of bribery to you 100 thousands of population and others. Obtained the regression equations describing the criminological dependence.

Key words: *criminology, crime, the laws of the pre-access, premeditated murder, bribery, quintile-the factor of differentiation of the General revenues of the population quintile-the coefficient of funds, disposable income per capita-ment, correlation analysis and regression analysis.*

Методы корреляционного и регрессионного анализа наряду с анализом функциональным составляют фундаментальную основу изучения «причинного» комплекса в любой научной сфере. Совершенно неслучайно в фундаментальном учебном курсе «Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции)» профессор С.Г. Ольков уделит описанию данных методов применительно к юридическим научным дисциплинам особое внимание [1, с. 349-584].

Очевидно, недостаточно просто сказать, что какие-то явления, процессы окружающего нас мира определенным образом свя-

заны между собой. Необходимо провести соответствующие измерения и показать, существует ли реальная связь между исследуемыми переменными величинами. Необходимо установить не только направление, но и силу связи между переменными, дать интерпретацию этой связи, а также подобрать соответствующее регрессионное уравнение, с помощью которого можно было бы прогнозировать значения зависимой переменной по значениям переменной факторной.

Изучению различных факторов, формирующих преступность в Российской Федерации, с помощью методов корреляцион-

ного и регрессионного анализа с начала XXI столетия посвящено вполне определенное количество научных работ [2, с.61-64; 3, с.73-78; 4; 5; 6]. В частности, исследовались зависимости между структурными составляющими преступности и различными факторами, например, потреблением алкоголя на душу населения, степенью неравенства в распределении доходов на душу населения, уровнем безработицы, инфляции, миграции и даже солнечной активности. Например, И.С. Скифский в своей монографии «Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование» ведет речь о таких детерминантах, как неравенство в распределении доходов народонаселения, численность народонаселения, международная миграция, вынужденные переселенцы и беженцы, уровень безработицы, численность осужденных, потребление алкоголя, объем продаж алкогольных напитков и пива, заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами, заболеваемость населения наркоманией и токсикоманией [4].

В научной литературе, публикуемой украинскими авторами, мы не нашли соответствующих разработок, что и послужило причиной проведения корреляционного и регрессионного анализа отдельных детерминант преступности применительно к Украине.

На официальном сайте Государственной службы статистики Украины содержится информация о дифференциации жизненного уровня населения [7] с 1999 по 2011 годы, а также мы располагаем сведениями о коэффициентах умышленных убийств, взяточничества, краж и других структурных составляющих преступности на данном временном отрезке, что создает благоприятные условия для проведения парного и множественного корреляционного и регрессионного анализа.

Следует отметить, что дифференциация народонаселения Украины по уровню доходов Государственной службой статистики Украины производится по квинтильному [8] коэффициенту дифференциации

общих доходов населения и квинтильному коэффициенту фондов (по общим доходам).

Ниже представлены рабочие таблицы, необходимые для проведения корреляционного и регрессионного анализа.

Таблица 1.

Первичные статистические данные о квинтильных коэффициентах дифференциации общих доходов населения (раз) (X1) и коэффициентах умышленных убийств на 100 тысяч народонаселения (Y) в Украине за период с 1999 по 2011 годы

t, годы	t, годы	X1	Y
1999	1	2,4	9,3
2000	2	2,3	9,8
2001	3	2,5	9,4
2002	4	2,4	8,8
2003	5	2,3	8,4
2004	6	2,4	8
2005	7	2,4	7,0
2006	8	2,4	6,9
2007	9	2	6,2
2008	10	2	5,9
2009	11	2	5,4
2010	12	1,9	5,1
2011	13	1,9	5,5

Таблица 2.

Первичные статистические данные о квинтильных коэффициентах фондов (по общим доходам) (раз) (X2) и коэффициентах умышленных убийств на 100 тысяч народонаселения (Y) в Украине за период с 1999 по 2011 годы

t, годы	t, годы	X2	Y
1999.	1	4,2	9,3
2000	2	4,4	9,8
2001	3	4,6	9,4
2002	4	4,5	8,8
2003	5	4,4	8,4
2004	6	4,6	8
2005	7	4,6	7,0
2006	8	4,7	6,9
2007	9	3,6	6,2
2008	10	3,7	5,9
2009	11	3,6	5,4
2010	12	3,5	5,1
2011	13	3,4	5,5

Следует отметить, что квинтильный коэффициент дифференциации общих доходов населения и квинтильный коэффициент фондов (по общим доходам) используются наряду с другими традиционными показателями измерения степени неравенства народонаселения по уровню доходов и близки по своему смыслу широко используемому индексу Джинни.

Первоначально проверим гипотезу о том, существует ли зависимость между квинтильными коэффициентами дифференциации общих доходов населения (раз) и коэффициентами умышленных убийств на 100 тысяч народонаселения в Украине за период с 1999 по 2011 годы с помощью линейного коэффициента корреляции

Таблица 4.
Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	1	23,25543	23,25543	24,38496	0,000444
Остаток	11	10,49047	0,953679		
Итого	12	33,7459			

Таблица 5.

Параметры уравнения и иные полезные статистические показатели

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
Y-пересечение	-6,44686	2,808653	-2,29536	0,042377	-12,6287	-0,26505
Переменная X 1	6,209774	1,25752	4,938113	0,000444	3,441992	8,977556

Результаты парного корреляционного и регрессионного анализа показывают:

1) Линейный коэффициент корреляции Пирсона $r=0,83$, что говорит о сильной положительной связи между исследуемыми переменными. То есть увеличение квинтильного коэффициента дифференциации общих доходов населения (раз) влечет увеличение коэффициентов умышленных убийств на 100 тысяч народонаселения в Украине за период с 1999 по 2011 годы.

2) Коэффициент детерминации $R^2=0,69$ свидетельствует о том, что независимая переменная модели объясняет 69% вариации зависимой переменной.

3) Регрессионное уравнение для данного временного интервала выглядит сле-

дующим образом: $Y=-6,4+6,2X_1$. То есть изменение квинтильного коэффициента дифференциации общих доходов населения на единицу измерения влечет изменение уровня умышленных убийств в Украине в среднем на 6,2 единицы.

В итоге получаем нижеследующие таблицы.

Таблица 3.

Регрессионная статистика

<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,830141
R-квадрат	0,689133
Нормированный R-квадрат	0,660873
Стандартная ошибка	0,976565
Наблюдения	13

Регрессионная статистика

Множественный R

R-квадрат

Нормированный R-квадрат

Стандартная ошибка

Наблюдения

0,830141

0,689133

0,660873

0,976565

13

Регрессионная статистика

Множественный R

R-квадрат

Нормированный R-квадрат

Стандартная ошибка

Наблюдения

0,830141

0,689133

0,660873

0,976565

13

Регрессионная статистика

Множественный R

R-квадрат

Нормированный R-квадрат

Стандартная ошибка

Наблюдения

0,830141

0,689133

0,660873

0,976565

13

Регрессионная статистика

Множественный R

R-квадрат

Нормированный R-квадрат

Стандартная ошибка

Наблюдения

0,830141

0,689133

0,660873

сколько является отрицательной величиной (-6,4).

Таким образом, можно утверждать, что между исследуемыми переменными существует сильная корреляционная связь и имеет место вполне надежное уравнение, описывающее данную криминологическую закономерность.

Если сделать прогноз уровня умышленных убийств в Украине на следующий 14 год (2012 год по таблице) при допущении, что $X_1=2$, то имеем по данному уравнению следующий результат: $Y=-6,4+6,2X_1=-6,4+6,2\cdot 2=5,9$.

По данному уравнению прогнозный уровень умышленных убийств, приведенный на 100 тысяч населения, будет варьировать около значения 5,9 умышленных убийства, что соответствует реальности.

Таким образом, можно утверждать, что нами установлена криминологическая закономерность – **связь между квинтильными коэффициентами дифференциации общих доходов населения (раз) и коэффициентами умышленных убийств на**

100 тысяч населения в Украине за период с 1999 по 2011 годы в виде уравнения: $Y=-6,4+6,2X$ ($r=0,83$).

Проверим гипотезу о том, существует ли связь между квинтильными коэффициентами фондов (по общим доходам) (раз) и коэффициентами умышленных убийств на 100 тысяч населения в Украине за период с 1999 по 2011 годы с помощью линейного коэффициента корреляции Пирсона, а также получим параметры соответствующего регрессионного уравнения и проверим их статистическую надежность. Для этого используем ППП Excel, содержащий алгоритм корреляционного и регрессионного анализа.

Таблица 6.

Регрессионная статистика	
<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,749329
R-квадрат	0,561495
Нормированный R-квадрат	0,52163
Стандартная ошибка	1,15985
Наблюдения	13

Таблица 7.

Дисперсионный анализ					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	1	18,94814	18,94814	14,0852	0,003193
Остаток	11	14,79776	1,345251		
Итого	12	33,7459			

Таблица 8.

Параметры уравнения и иные полезные статистические показатели						
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
Y-пересечение	-3,12913	2,812755	-1,11248	0,289654	-9,31996	3,061701
Переменная X 1	2,534053	0,675203	3,753026	0,003193	1,047942	4,020163

Результаты парного корреляционного и регрессионного анализа показывают:

1) Линейный коэффициент корреляции Пирсона $r=0,75$, что говорит о сильной положительной связи между исследуемыми переменными. То есть увеличение квинтильного коэффициента фондов (по общим доходам) (раз) влечет увеличение коэффи-

циента умышленных убийств на 100 тысяч населения в Украине за период с 1999 по 2011 годы.

2) Коэффициент детерминации $R^2=0,56$ свидетельствует о том, что независимая переменная модели объясняет 56% вариации зависимой переменной.

3) Регрессионное уравнение для данного временного интервала выглядит следующим образом: $Y = -3,13 + 2,53X_2$. То есть изменение квинтильного коэффициента фондов (по общим доходам) на единицу измерения влечет изменение уровня умышленных убийств в Украине в среднем на 2,53 единицы.

4) F-статистика Фишера показывает, что уравнение регрессии в целом является значимым; t-статистика и P-значение свидетельствуют о статистической значимости параметров полученного линейного уравнения.

5) Свободный член полученного регрессионного уравнения криминологического смысла в данном случае не имеет, поскольку является отрицательной величиной (-3,13).

Таким образом, можно было бы утверждать, что между квинтильными коэффициентами фондов (по общим доходам) (раз) и коэффициентами умышленных убийств на 100 тысяч населения в Украине за период с 1999 по 2011 годы существует статистически значимая зависимость, установлена соответствующая криминологическая закономерность.

Для примера сделаем прогноз коэффициента умышленных убийств в Украине на 14-й период (2012 год) при значении независимой переменной 3,5:

$$Y = -3,13 + 2,53X_2 = -3,13 + 2,53 \cdot 3,5 = 5,7.$$

То есть вероятный коэффициент умышленных убийств в Украине на 14 период будет колебаться около отметки 5,7, что вполне реалистично.

Проверим гипотезу о том, существует ли зависимость между квинтильными коэффициентами дифференциации общих доходов населения (раз) и коэффициентами взяточничества на 100 тысяч населения в Украине за период с 1999 по

2011 годы с помощью линейного коэффициента корреляции Пирсона, а также получим параметры соответствующего регрессионного уравнения и проверим их статистическую надежность.

Таблица 9.

Первичные статистические данные о квинтильных коэффициентах дифференциации общих доходов населения (раз) и коэффициентах взяточничества на 100 тысяч населения в Украине за период с 1999 по 2011 годы

t, годы	t, годы	x1	KB
1999	1	2,4	5,9
2000	2	2,3	6
2001	3	2,5	6,8
2002	4	2,4	6,2
2003	5	2,3	6,3
2004	6	2,4	7,5
2005	7	2,4	6,85
2006	8	2,4	7,75
2007	9	2	8,17
2008	10	2	8,81
2009	11	2	9,26
2010	12	1,9	8,46
2011	13	1,9	7,66

Для этого используем ППП Excel, содержащий алгоритм корреляционного и регрессионного анализа.

Таблица 10.

Регрессионная статистика	
Регрессионная статистика	
Множественный R	0,728624
R-квадрат	0,530892
Нормированный R-квадрат	0,488246
Стандартная ошибка	0,796183
Наблюдения	13

Таблица 11.

Дисперсионный анализ					
Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	1	7,891381	7,891381	12,44878	0,004729
Остаток	11	6,972988	0,633908		
Итого	12	14,86437			

Таблица 12.

Параметры уравнения и иные полезные статистические показатели

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	15,4001	2,289866	6,72532	3,26E-05	10,360	20,44
Переменная X 1	-3,61735	1,025243	-3,5282	0,004729	-5,873	-1,36

Результаты парного корреляционного и регрессионного анализа показывают:

1) Линейный коэффициент корреляции Пирсона $r=-0,73$, что говорит о сильной отрицательной связи между исследуемыми переменными. То есть увеличение квинтильного коэффициента дифференциации общих доходов населения (раз) влечет снижение коэффициентов взяточничества на 100 тысяч народонаселения в Украине за период с 1999 по 2011 годы.

2) Коэффициент детерминации $R^2=0,53$ свидетельствует о том, что независимая переменная модели объясняет 53% вариации зависимой переменной.

3) Регрессионное уравнение для данного временного интервала выглядит следующим образом: $Y=15,4-3,61X_1$. То есть изменение квинтильного коэффициента дифференциации общих доходов населения на единицу измерения влечет изменение относительного уровня взяточничества в Украине в среднем на 3,61 единицы.

4) F-статистика Фишера показывает, что уравнение регрессии в целом является значимым; t-статистика и P-значение свидетельствуют о статистической значимости параметров полученного линейного уравнения.

5) Свободный член полученного регрессионного уравнения (15,4) показывает уровень взяточничества при нулевом значении независимой переменной.

Если сделать прогноз относительного уровня взяточничества в Украине на 14

период (следующий за последним – 2011 годом), положив значение квинтильного коэффициента дифференциации общих доходов населения равным двум, то имеем: $Y=15,4-3,61X_1=15,4-3,61\cdot 2=8,18$.

Таким образом, находит подтверждение гипотеза о том, что существует отрицательная связь между квинтильным коэффициентом дифференциации общих доходов населения в Украине и относительным уровнем взяточничества в данной стране за период с 1999 по 2011 годы.

Проверим гипотезу о том, существует ли связь между квинтильными коэффициентами фондов (по общим доходам) (раз) и коэффициентами взяточничества на 100 тысяч народонаселения в Украине за период с 1999 по 2011 годы с помощью линейного коэффициента корреляции Пирсона, а также получим параметры соответствующего регрессионного уравнения и проверим их статистическую надежность. Для этого используем ППП Excel, содержащий алгоритм корреляционного и регрессионного анализа.

Таблица 13.

Регрессионная статистика

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,660029
R-квадрат	0,435638
Нормированный R-квадрат	0,384332
Стандартная ошибка	0,873285
Наблюдения	13

Таблица 14.

Дисперсионный анализ

Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	1	6,475484	6,475484	8,491035	0,014089
Остаток	11	8,388885	0,762626		
Итого	12	14,86437			

Таблица 15.

Параметры уравнения и иные полезные статистические показатели

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	13,48912	2,117805	6,369388	5,3E-05	8,827	18,15
Переменная X 1	-1,48139	0,50838	-2,91394	0,014089	-2,600	-0,36

Результаты парного корреляционного и регрессионного анализа показывают:

1) Линейный коэффициент корреляции Пирсона $r=-0,66$, что говорит о умеренной отрицательной связи между исследуемыми переменными. То есть увеличение квинтильного коэффициента фондов (по общим доходам) влечет снижение коэффициентов взяточничества на 100 тысяч народонаселения в Украине за период с 1999 по 2011 годы.

2) Коэффициент детерминации $R^2=0,43$ свидетельствует о том, что независимая переменная модели объясняет 43% вариации зависимой переменной.

3) Регрессионное уравнение для данного временного интервала выглядит следующим образом: $Y=13,48-1,48X_2$. То есть изменение квинтильного коэффициента фондов (по общим доходам) на единицу измерения влечет изменение относительного уровня взяточничества в Украине в среднем на 1,48 единицы.

4) F-статистика Фишера показывает, что уравнение регрессии в целом является значимым; t-статистика и P-значение свиде-

тельствуют о статистической значимости параметров полученного линейного уравнения.

5) Свободный член полученного регрессионного уравнения (13,49) показывает уровень взяточничества при нулевом значении независимой переменной.

Если сделать прогноз относительного уровня взяточничества в Украине на 14 период (следующий за последним – 2011 годом), положив значение квинтильного коэффициента фондов (по общим доходам) равным трем, то имеем: $Y=13,48-1,48X_2=13,49-1,49 \cdot 3=9,04$.

Очевидно, что более эффективным является первое уравнение полученное по переменной X_1 (квинтильный коэффициент дифференциации общих доходов населения).

Проверим гипотезы о том, влияет ли располагаемый доход в расчете на душу населения (гривен) по всем регионам Украины за период с 2005 по 2012 годы на какие-либо структурные составляющие преступности в Украине.

Таблица 16.

Располагаемый доход в расчете на душу населения, гривен [9]

	Располагаемый доход в расчете на душу населения, грн.						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Украина	6332,1	7771	10126	13716,3	14372,8	18485,6	21637,9
Автономная Республика Крым	5432,9	6567	8589,7	11515,8	12036,3	15480	18231
области							
Винницкая	5791,1	6980,5	8963,3	11676,4	12191,7	16018	19090,8
Волынская	5254,2	6387,6	8022,6	10597,3	10966,8	14311,9	16657,7
Днепропетровская	7015,9	8632,3	11439	15459,9	16386,5	20739,4	24302,4
Донецкая	7088,9	8855,9	11625,7	16220,1	17014	21317,3	24890,3
Житомирская	5568,5	6754,3	8864,5	12022,6	12179,8	15775,9	18716,4

[Введите название документа]

Закарпатская	4821,2	5757,7	7323,8	9664,5	9764,5	12699,6	15002,4
Запорожская	7074,5	8693,6	11276,2	15265,2	15652,6	20221,4	23684,9
Ивано-Франковская	5321,6	6463,4	8336	11262,8	11692,4	15009,4	17732,6
Киевская	6305	7953,8	10248,8	14292,4	15024,9	19513,9	22520,1
Кировоградская	5568,6	6672	8564,6	11489,3	11727,3	15417,7	18039,2
Луганская	5900,9	7343,4	9620	13411	14071,6	17850	20879,9
Львовская	6203,1	7394,7	9523,8	12718,3	13211,3	16513,8	19204,4
Николаевская	6137,5	7318,4	9376,5	12626,5	13154,2	16993,4	20040,7
Одесская	5883,4	7006,1	8780,8	11754,4	12404,2	16275,2	19135
Полтавская	6653,5	8064,2	10382,3	13922	14742,6	17990,9	20917,4
Ровненская	5344,4	6540,6	8285,6	11124,6	11316,8	14629,8	17326,2
Сумская	5972	7459,2	9876,3	13187,2	13426,4	16875,5	19592,9
Тернопольская	5032,7	6283,4	8063,5	10583	10634,2	13824,2	16351,3
Харьковская	6355,7	7819,6	10328,5	14065,7	14633,1	18450,5	21787,8
Херсонская	5400,5	6492,2	8374,5	11248,1	11440,3	14881,7	17654,3
Хмельницкая	5733,3	6943,1	8965,3	11938,6	12238,2	15781	18738,2
Черкасская	5534	6795,5	8782,7	11987,2	12517,5	15769,2	18246,3
Черновицкая	5078	6078	7738	9793,2	10013,3	13503,3	15992,5
Черниговская	5979,1	7201,3	9337,4	12353,4	13155,5	16625	19465
г.Киев	10683,3	13566,9	18233,2	24960,2	27474,5	37012,7	42576,7
г.Севастополь	5723,3	6790,6	9093,1	12111,6	12566,4	17078,3	19918,6

Таблица 17.

Сведения об общей преступности и умышленных убийствах в Украине в 2011 году

Регион	ЗП, шт.	ЧН, чел.	КП	ЗУУ, шт.	КУУ
АР Крим	37427	1962719	1906,9	144	7,3
Вінницька	12661	1635999	773,9	49	3,0
Волинська	8439	1038508	812,6	42	4,0
Дніпропетровська	46877	3322608	1410,8	183	5,5
Донецька	60563	4408035	1373,9	374	8,5
Житомирська	10553	1274525	828,0	74	5,8
Закарпатська	7194	1250132	575,5	30	2,4
Запорізька	27543	1793337	1535,9	126	7,0
Івано-Франківська	5825	1380082	422,1	22	1,6
Київська	17376	1718868	1010,9	131	7,6
місто Київ	37302	2807679	1328,6	120	4,3

Кіровоградська	12349	1003990	1230,0	70	7,0
Луганська	31442	2275850	1381,5	197	8,7
Львівська	16293	2542201	640,9	76	3,0
Миколаївська	13559	1179280	1149,8	58	4,9
Одеська	25323	2387585	1060,6	117	4,9
Полтавська	15153	1478934	1024,6	59	4,0
Рівненська	7389	1154009	640,3	19	1,6
місто Севастополь	7055	381076	1851,3	30	7,9
Сумська	10501	1153920	910,0	49	4,2
Тернопільська	5287	1081306	488,9	21	1,9
Харківська	35550	2743868	1295,6	267	9,7
Херсонська	13463	1084282	1241,7	78	7,2
Хмельницька	11413	1321673	863,5	50	3,8
Черкаська	11182	1279198	874,1	45	3,5
Чернігівська	9330	1090381	855,7	51	4,7
Чернівецька	6010	905118	664,0	19	2,1

Примечание к таблице 17

ЗП – зареєстровано преступлений, шт.

ЧН – численность народонаселения, чел.

КП – коэффициент преступности на 100 тыс. народонаселения.

ЗУУ – зареєстровано умышленных убийств с покушениями, шт.

КУУ – коэффициент умышленных убийств на 100 тыс. народонаселения.

Получены результаты парного корреляционного и регрессионного анализа, проведенного в целях выявления, влияет ли располагаемый доход в расчете на душу населения (гривен) по всем регионам Украины в 2011 году на общую преступность по всем регионам Украины.

Таблица 18.

Регрессионная статистика	
<i>Регрессионная статистика</i>	
Множественный R	0,396458
R-квадрат	0,157179
Нормированный R-квадрат	0,123466
Стандартная ошибка	362,5421
Наблюдения	27

Таблица 19.

Дисперсионный анализ					
<i>Дисперсионный анализ</i>					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>
Регрессия	1	612797,7	612797,7	4,6623	0,040624
Остаток	25	3285919	131436,8		
Итого	26	3898717			

Таблица 20.

Параметры уравнения и иные полезные статистические показатели

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	432,337	291,1371	1,48499	0,15004	-167,27	1031,94
Переменная X 1	0,030142	0,01396	2,15923	0,04062	0,00139	0,05889

Результаты парного корреляционного и регрессионного анализа показывают:

1) Линейный коэффициент корреляции Пирсона $r=0,39$, что говорит о слабой положительной связи между исследуемыми переменными.

2) Коэффициент детерминации $R^2=0,15$ свидетельствует о том, что независимая переменная модели объясняет не более 15% вариации зависимой переменной.

3) Регрессионное уравнение для данного временного интервала выглядит следующим образом: $Y=432+0,03X$. То есть изменение располагаемого дохода в расчете на душу населения (гривен) на единицу измерения влечет изменение относительного уровня преступности в Украине в среднем на 0,03 единицы.

4) F-статистика Фишера показывает, что уравнение регрессии в целом не является значимым; t-статистика и P-значение свидетельствуют о низкой статистической значимости параметров полученного линейного уравнения.

5) Свободный член полученного регрессионного уравнения (432) показывает относительный уровень преступности в Украине при нулевом значении независимой переменной.

Получены результаты парного корреляционного и регрессионного анализа, проведенного в целях выявления, влияет ли располагаемый доход в расчете на душу населения (гривен) по всем регионам Украины в 2011 году на умышленные убийства по регионам Украины.

Таблица 21.

Регрессионная статистика

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,248234
R-квадрат	0,06162
Нормированный R-квадрат	0,024085
Стандартная ошибка	2,33298
Наблюдения	27

Таблица 22.

Дисперсионный анализ

	df	SS	MS	F	Значимость F	
Регрессия	1	8,935252	8,935252	1,641665	0,211855	
Остаток	25	136,0699	5,442797			
Итого	26	145,0052				

Таблица 23.

Параметры уравнения и иные полезные статистические показатели

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	2,710243	1,873485	1,446632	0,160423	-1,148	6,5687
Переменная X 1	0,000115	8,98E-05	1,281275	0,211855	-7E-05	0,0003

Результаты парного корреляционного и регрессионного анализа показывают:

1) Линейный коэффициент корреляции Пирсона $r=0,24$, что говорит о практическом отсутствии связи между исследуемыми переменными.

2) Коэффициент детерминации $R^2=0,06$ свидетельствует о том, что независимая переменная модели объясняет не более 6% вариации зависимой переменной.

3) Регрессионное уравнение для данного временного интервала выглядит следующим образом: $Y=2,7+0,000115X$. То есть изменение располагаемого дохода в расчете на душу населения (гривен) на единицу измерения влечет изменение относительного уровня умышленных убийств в Украине в среднем на 0,000115 единицы.

4) F-статистика Фишера показывает, что уравнение регрессии в целом не является значимым; t-статистика и P-значение свидетельствуют о низкой статистической значимости параметров полученного линейного уравнения.

5) Свободный член полученного регрессионного уравнения (2,7) показывает относительный уровень умышленных убийств в Украине при нулевом значении независимой переменной.

Результаты парного регрессионного и корреляционного анализа показывают, что величина располагаемого дохода в расчете на душу населения (гривен) не оказывает статистически значимого влияния на уровень общей преступности и уровень умышленных убийств в Украине.

Выводы:

1) Установлена криминологическая закономерность – положительная связь между квинтильным коэффициентом дифференциации общих доходов населения и коэффициентом умышленных убийств на 100 тысяч населения в Украине ($r=0,83$) по статистическим данным, полученным за период с 1999 по 2011 годы. Закономерность описывается линейным уравнением: $Y=-6,4+6,2X_1$. При изменении квинтильного коэффициента дифференциации общих доходов населения на единицу измерения

(в 1 раз) коэффициент умышленных убийств в Украине изменяется в среднем на 6,2 единицы. В целом независимая переменная модели объясняет около 70% вариации результативного признака – коэффициента умышленных убийств.

2) Установлена криминологическая закономерность – положительная связь между квинтильным коэффициентом фондов (по общим доходам) и коэффициентом умышленных убийств на 100 тысяч населения в Украине ($r=0,75$) по статистическим данным, полученным за период с 1999 по 2011 годы. Закономерность описывается линейным уравнением: $Y=-3,13+2,53X_2$. При изменении квинтильного коэффициента фондов (по общим доходам) на единицу измерения (в 1 раз) коэффициент умышленных убийств в Украине изменяется в среднем на 2,53 единицы. В целом независимая переменная модели объясняет около 60% вариации результативного признака – коэффициента умышленных убийств.

3) Установлена криминологическая закономерность – отрицательная связь между квинтильным коэффициентом дифференциации общих доходов населения (раз) и коэффициентом взяточничества на 100 тысяч населения в Украине ($r=-0,73$) по статистическим данным, полученным за период с 1999 по 2011 годы. Закономерность описывается линейным уравнением: $Y=15,4-3,61X_1$. При изменении квинтильного коэффициента дифференциации общих доходов населения на единицу измерения (в 1 раз) коэффициент взяточничества в Украине изменяется в среднем на 3,61 единицу. В целом независимая переменная модели объясняет около 53% вариации результативного признака – коэффициента взяточничества.

4) Установлена криминологическая закономерность – отрицательная связь между квинтильным коэффициентом фондов (по общим доходам) (раз) и коэффициентом взяточничества на 100 тысяч населения в Украине ($r=-0,66$) по статистическим данным, полученным за период с 1999 по 2011 годы. Закономерность описывается линейным уравнением: $Y=13,48-$

1,48X₂. При изменении квинтильного коэффициента фондов (по общим доходам) на единицу измерения (в 1 раз) коэффициент взяточничества в Украине изменится в среднем на 1,48 единицы. В целом независимая переменная модели объясняет около 43% вариации результативного признака – коэффициента взяточничества.

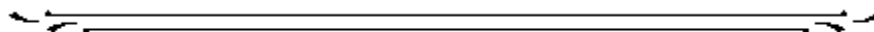
5) Гипотеза о наличии связи между располагаемым доходом в расчете на душу населения (гривен) и относительным уровнем общей преступности не нашла под-

тверждения - коэффициент корреляции Пирсона $r=0,39$ говорит о наличии слабой положительной связи между переменными.

6) Гипотеза о наличии связи между располагаемым доходом в расчете на душу населения (гривен) и умышленными убийствами не нашла подтверждения - коэффициент корреляции Пирсона $r=0,24$ говорит о практическом отсутствии связи между переменными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции): учебник. Ч. I. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 349-584.
2. Ольков С.Г. Структурная модель преступности России девяностых годов XX столетия // Научный вестник Тюменского юридического института МВД России: сборник научных трудов. Тюмень: ТЮИ МВД России, 2002. С. 61-64.
3. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. №8. С. 73-78.
4. Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование: монография. Тюмень: «Вектор Бук», 2007.
5. Скифский И.С. Прогнозирование преступности: опыт статистического моделирования: учебное пособие / под ред. д.ю.н., проф. В.В. Лунеева. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009.
6. Юзиханова Э.Г. Преступность, обусловленная политико-экономическими факторами (региональный криминологический анализ на примере Тюменской области): дис.... к.ю.н. 12.00.08/ РАН, Сибирское отделение, Тюменский научный центр. Тюмень, 2002.
7. <http://www.ukrstat.gov.ua/>
8. По квинтильным группам – пять групп, в каждой группе по 20% населения.
9. <http://www.ukrstat.gov.ua/>

М.А. Ефремова,
кандидат юридических наук
(Ульяновский государственный
университет)

К.В. Кузнецов,
студент
(Ульяновский государственный
университет)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

В статье предпринимается попытка обосновать необходимость уголовно-правовой охраны электронного документооборота. Выделяются основания для криминализации деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере электронного документооборота. Предлагаются возможные пути совершенствования действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: документ; электронный документ, документооборот.

The authors try to prove the necessity of criminal legal protection of electronic document flow. There are shown the bases for criminalization of the acts encroaching on the public relations, ensuring safety in the sphere of electronic document. The article offers possible ways of improvement of the existing criminal legislation.

Keywords: document; electronic document, document flow.

Принятие Федерального закона от 10.01.2002 г. «Об электронной цифровой подписи» №1-ФЗ, а спустя почти десятилетие и Федерального закона от 6.04.2011 г. «Об электронной подписи» №63-ФЗ ознаменовали начало реформирования систем документооборота в нашей стране, начало поэтапной замены традиционных бумажных форм документов на их более удобные, технологические и отвечающие современным требованиям и международным стандартам электронные формы. Стоит отметить, что мнение о необходимости проведения указанной реформы и целесообразности внедрения систем электронного документооборота и электронной подписи в практическую деятельность органов

публичной власти, физических и юридических лиц неоднократно высказывалось в доктрине [1, с.607; 2, с.25].

На данный момент электронный документооборот уже нашел широкое применение в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, федеральных служб и агентств по оказанию государственных и муниципальных услуг (например, в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии – в случае предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним посредством предоставления доступа к информационному ресурсу на основании Приказа Ми-

нистерства экономического развития РФ от 27.12.2011 г. №766; в Федеральной налоговой службе при подаче документов на государственную регистрацию в электронном виде), а также по осуществлению межведомственного документооборота, в деятельности государственных внебюджетных фондов (например, в деятельности Пенсионного фонда Российской Федерации на основании распоряжения правления ПФР от 11.10.2007 № 190р «О внедрении защищенного электронного документооборота в системе индивидуального (персонифицированного) учета для целей обязательного пенсионного страхования», в Фонде социального страхования РФ в соответствии с приказом ФСС РФ от 12.02.2010 № 19 «О внедрении защищенного обмена документами в электронном виде с применением электронной цифровой подписи для целей обязательного социального страхования») и коммерческих банков и организаций (например, ОАО «Сбербанк России» в соответствии с приложением №6 к единому договору банковского обслуживания, на основе которого осуществляется предоставление услуг с использованием системы «Клиент – Сбербанк»), а также в деятельности иных юридических и физических лиц. В ближайшие годы прогнозируется более широкое распространение в нашей стране электронного документооборота, что обусловлено принятием Федерального закона от 27 июля 2010 года №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», в соответствии с главой 6 которого в оборот вводятся универсальные электронные карты гражданина РФ. Указанные карты сочетают в себе документ, удостоверяющий личность, полис обязательного медицинского страхования, а также ряд иных правоустанавливающих документов. В то же время внедрение таких карт в повседневную жизнь может вызвать значительное увеличение случаев их незаконного изготовления и использования, мошенничества с ними, что предполагает необходимость особой охраны данных общественных отношений. Наконец, следует принять во внимание и то, что в

соответствии с пп. «в» п.1 Указа Президента Российской Федерации от 7.05.2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 году должна составлять не менее 70 процентов, что также предполагает повсеместное внедрение систем электронного документооборота и распространение практики применения электронной подписи в деятельности органов публичной власти, физических и юридических лиц.

Таким образом, электронные документы постепенно вытесняют традиционные бумажные носители. Это обусловлено и тем, что в случае удостоверения их при помощи электронной подписи в порядке, установленном Федеральным законом от 6.04.2011 г. №63 – ФЗ они приобретают юридическую силу, равную документам на бумажных носителях. Документооборот в данном случае приобретает официальный характер. При этом необходимость охраны общественных отношений, обеспечивающих безопасность в сфере электронного документооборота, вызвана также и тем обстоятельством, что в соответствии с подготовленными проектом Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], подготовленным Министерством юстиции РФ, и проектом Федерального закона N 305604-5 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об электронной подписи»[4], принятым Государственной Думой РФ в первом чтении еще 22.01.2010 года, предполагается внедрить электронный документооборот во многие сферы деятельности граждан: предлагается использование электронных документов в уголовном, арбитражном и гражданском процессах, в исполнительном производстве, а также в производстве по делам об административных правонарушениях. В частности, предполагается установление правового режима электронного документа

и обеспечения его юридической значимости в деятельности органов судебной власти, прокуратуры и нотариата, в том числе при оказании государственных услуг в электронном виде. Принятие данных законопроектов и широкое внедрение систем электронного документооборота в повседневную жизнь остается лишь вопросом времени.

Тем не менее, несмотря на достаточно высокие темпы внедрения электронного документооборота в повседневную жизнь, общественные отношения, обеспечивающие безопасность его функционирования, до сих пор не являются объектом уголовно-правовой охраны. Действие норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающих ответственность за ряд преступлений (например, ст.292 «Служебный подлог», ст.325 «Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия», 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» УК РФ), в качестве предмета которых могут выступать документы на бумажных или иных материальных носителях, фактически не распространяется на те случаи, когда речь идет об электронных документах, выступающих в качестве предмета указанных деяний.

Учитывая все вышеперечисленное, необходимо отметить, что криминализация противоправных деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере электронного документооборота, таких, как подделка, изготовление, сбыт или повреждение электронных документов, обусловлена наличием так называемых оснований криминализации указанных противоправных посягательств. В свое время В.Н. Кудрявцев справедливо отмечал, что к числу таких оснований криминализации относятся, прежде всего, общественная опасность деяния, степень распространенности этих деяний и невозможность успешной борьбы с ними менее репрессивными мерами [5.

С.201]. Основываясь на данном подходе к рассмотрению оснований криминализации деяний, можно констатировать следующее: 1) такие деяния, как подделка, изготовление, сбыт, повреждение и т.д. электронных документов являются общественно опасными, так как, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, критерий общественной опасности деяния означает, что оно не только причиняет, но и создает угрозу причинения вреда определенного вида общественным отношениям [6, сС.59]. В данном случае указанные деяния создают угрозу причинения вреда общественным отношениям в сфере осуществления государственной власти, в сфере экономики, а в перспективе и отношениям в сфере отправления правосудия; 2) говоря о таком основании криминализации, как степень распространенности деяний, можно отметить следующее: в настоящее время указанные деяния пока не получили достаточно широкого распространения. Это обусловлено тем, что официальный документооборот до сих пор осуществляется преимущественно посредством циркуляции документов на бумажных носителях. Однако ранее уже говорилось о наличии ряда законопроектов, предполагающих внедрение электронных документов в повседневную практическую деятельность государственных и общественных структур. Постепенная замена бумажных носителей на электронные, по мнению автора, и вызовет рост числа противоправных деяний, направленных на их подделку или искажение содержащейся в них информации и др.; 3) наконец, рассматривая третье основание криминализации, можно отметить, что эффективно бороться с посягательствами на общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере электронного документооборота, можно только при помощи использования средств и механизмов уголовного закона. Это обусловлено, в первую очередь, их общественной опасностью и спецификой их совершения. В данном случае необходимо принятие мер, аналогичных тем, которые направлены на уголовно-правовую охрану отношений в сфере официального документооборота на бу-

мажных носителях. При рассмотрении вопроса о криминализации деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере электронного документооборота, необходимо обратиться и к трудам В.И. Курляндского, который выделял такое основание криминализации, как экономические факторы ее осуществления, не связанные с критерием общественной опасности деяний. В данном случае имеется ввиду объем материального ущерба, который причиняется совершением деяний [7, с.81]. В настоящее время системы электронного документооборота функционируют во многих коммерческих организациях и кредитных учреждениях. В большинстве из них путем составления электронных документов осуществляются сделки и оформляется иная финансово-хозяйственная деятельность. Посредством функционирования электронного документооборота также оформляются многие государственные заказы. Таким образом, материальный ущерб, причинение которого возможно путем противоправных посягательств, предметом которых выступают электронные документы, может исчисляться значительными денежными суммами. Спорным является вопрос о наличии такого основания, как социально-психологический фактор криминализации деяний, посягающих на рассматриваемые отношения. А.И. Коробеев и А.Д. Антонов рассматривали в качестве данных факторов признание обществом необходимости введения уголовно-правового запрета [8, с.106; 9, с.80]. На данный момент отношения, связанные с функционированием электронного документооборота, являются достаточно новыми для российской правовой системы. Поэтому в обществе пока не успело сложиться мнение о необходимости их уголовно-правовой охраны. По мнению автора, ситуация существенным образом изменится спустя несколько лет, когда указанные отношения прочно внедрятся в повседневную практику органов публичной власти, физических и юридических лиц. Таким образом, необходимость уголовно-правовой охраны общественных отношений, обеспе-

чивающих безопасность в сфере электронного документооборота, достаточно очевидна.

Одним из спорных вопросов, решение которого необходимо для достижения указанных целей, является вопрос о том, какие именно электронные документы могут выступать в качестве предмета преступления наравне с документами на бумажных носителях. Представляется разумным то, что это должны быть официальные документы. Учитывая это, необходимо определить критерии, которым должен соответствовать данный документ. Так, И. Клепицкий полагает, что официальными могут признаваться только те документы, которые исходят от органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а равно и те, которые находятся в производстве указанных органов и учреждений [10, с.10]. Несколько иначе подходит к решению данного вопроса А. Бриллиантов, по мнению которого официальным должен признаваться тот документ, который оформлен и (или) удостоверен надлежащим образом и способен оказывать юридическое воздействие на правоотношения [11, с.5]. При таком подходе содержание понятия «официальный документ» рассматривается несколько шире. Оформление и (или) удостоверение официального электронного документа надлежащим образом в данном случае будет означать, что он содержит все необходимые реквизиты, создан уполномоченным лицом с соблюдением установленной формы и с использованием электронной подписи в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 6.04.2011 г. №63-ФЗ. При этом конкретные требования к тем или иным документам должны содержаться в нормах действующего законодательства или локальных нормативных актах организаций. В то же время Л. Букалерева считает, что, помимо обладания вышеуказанными признаками, официальный документ должен подпадать под действие системы регистрации, строгой отчетности и контроля за обращением, что также вполне применимо и к электронным официальным документам

(например, в процессе оказания государственных или муниципальных услуг) [12, с. 77]. В качестве источника создания электронного официального документа при соблюдении вышеуказанных условий могут выступать любые уполномоченные юридические или физические лица при условии, что соблюдаются все обозначенные выше условия. Представляется разумным то, что электронный документ должен отвечать всем вышеперечисленным требованиям.

Способность же официального документа оказывать юридическое воздействие на правоотношения должна выражаться в том, что электронный официальный документ не только может предоставлять определенные субъективные права или налагать юридические обязанности на граждан, но и способен выступать в качестве специфического юридического факта, порождающего, изменяющего или прекращающего правоотношения. Аналогичная позиция была высказана и Верховным Судом Российской Федерации, который разъяснил, что под официальными документами понимаются такие документы, которые удостоверяют события или факты, имеющие юридическое значение и влекущие соответствующие юридические последствия, либо предоставляют права, возлагают обязанности или освобождают от них.[13]

В связи со всем вышесказанным ключевым является вопрос о том, каким именно образом необходимо конструировать нормы УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за незаконное изъятие, повреждение, уничтожение или сокрытие, а также подлог электронных документов и электронных официальных документов. Для эффективного решения указанной проблемы необходимо обратиться к сформулированным в доктрине положениям о способах осуществления криминализации (и пенализации) на законотворческом уровне. Так, по мнению И.А. Кузнецовой, закрепление признаков составов преступлений в нормах Особенной части УК РФ может быть осуществлено путем: 1) создания в уголовном законе новых статей и

частей уже имеющихся; 2) реконструкции диспозиций норм уголовного закона, то есть включения в описание составов преступлений новых конституирующих или квалифицирующих признаков; 3) реконструкции санкций, с одной стороны, то есть расширения возможностей индивидуализации наказания путём включения в одну статью нескольких видов наказания, с другой стороны – путем ужесточения наказаний.[14, с.100]. Развивая эти положения, представляется логичным осуществить криминализацию деяний, в качестве объекта которых могут выступать общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере электронного документооборота, в два этапа:

1) на первом этапе, то есть в настоящее время, необходимо включение в нормы УК РФ примечаний к соответствующим статьям. Учитывая то обстоятельство, что нормы статей 292, 325 и 327 УК РФ содержат указание лишь на официальные документы, которые выступают в качестве предметов указанных преступлений, можно конкретизировать данные понятия путем внесения в УК РФ примечания к статье 292, содержащего дефиниции указанных понятий и позволяющих расширить сферу применения данных норм в отношении электронных документов. Так, ст.292 УК РФ возможно дополнить примечанием 1, которое может быть сформулировано следующим образом: «под официальными документами в статьях настоящего Кодекса понимаются документы, содержащиеся на бумажных и иных материальных носителях, а равно электронные документы, созданные и удостоверенные в порядке, предусмотренном действующим законодательством».

В качестве альтернативы дополнения и конкретизации норм уголовного закона соответствующими примечаниями может быть применен метод реконструкции диспозиций его норм. Указанный способ закрепления признаков составов преступлений в нормах Особенной части УК РФ может быть реализован путем включения в статьи 292, 325 и 327 УК РФ норм, содержащих новые составы преступлений, в ка-

честве предметов которых выступают электронные документы. Так, ст.292 УК РФ можно дополнить ч.3, сформулированной следующим образом: «деяния, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи, совершенные в отношении электронных официальных документов». В ст.325 УК РФ разумно включить ч.4, которую можно изложить в следующей редакции: «похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие электронных официальных документов». Что же касается ст.327 УК РФ, то ее, в связи с этим, можно дополнить ч.4, которую возможно представить в следующем виде: «деяния, предусмотренные частями 1, 2 и 3 настоящей статьи, совершенные в отношении электронных официальных документов»;

2) на втором этапе возможно применение такого способа закрепления признаков составов преступлений, в качестве объекта которых выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере электронного документооборота, как включение в УК РФ новых статей или частей уже имеющихся. Это может быть обусловлено, прежде всего, динамичным развитием электронного документооборота и его повсеместным внедрением в практическую деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, юридических и физических лиц. При этом необходимо учитывать и то обстоятельство,

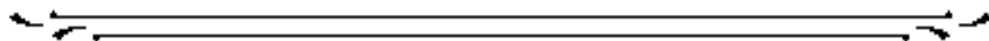
что указанные нормы могут быть включены в различные главы или разделы уголовного закона, так как родовый объект преступлений может быть различным. Однако указанные составы вполне разумно включить в новый УК РФ, необходимость разработки которого уже назрела [15, с.129]. Это объясняется тем, что действующий уголовный закон уже приобрел «лоскутный» характер из-за внесения многочисленных поправок и изменений, а преступные посягательства, в качестве предмета которых выступают электронные документы, еще не успели получить достаточно широкого распространения и различных форм проявления.

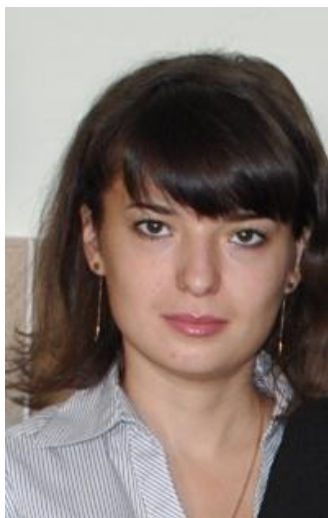
Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать тот факт, что общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере осуществления электронного документооборота, на данный момент нуждаются в охране нормами уголовного закона. Это обусловлено, в первую очередь, достаточно быстрыми темпами научно-технического прогресса и развития информационных технологий. В то же время существует комплекс проблем, требующих грамотного решения уже в ближайшее время. От их успешного разрешения во многом и будет зависеть то, насколько защищенными от преступных посягательств будут указанные общественные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова М.А., Кузнецов К.В., Петров А.В. О проблеме придания юридической силы электронным документам в цикле производства предприятий авиационной промышленности // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 4. Т. 14.
2. Ефремова М.А., Кузнецов К.В. О проблеме использования электронной подписи в процессе осуществления электронного документооборота на предприятиях авиационной промышленности // Информационная безопасность. 2013. № 2.
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части установления правового режима электронного документа и обеспечения его юридической значимости в деятельности органов судебной власти, прокуратуры и нотариата, в том числе при оказании государственных услуг в электронном виде) // Российская газета. 2012. 26 июня.
4. Проект Федерального закона № 305604-5 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об электронной подписи» (в ред. от 22.01.2010 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/11602323/6449892>

5. Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
7. Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юридическая литература, 1975.
8. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т.1: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008.
9. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 2.
10. Клепицкий И. Документ как предмет подлога в уголовном праве // Государство и право. 1998. №5.
11. Бриллиантов А. Критерии официального документа // Уголовное право. 2010. №5.
12. Букалерева Л. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / под ред. В.С. Комиссарова, Н.И. Пикурова. М.: Юрлитинформ. 2006.
13. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. №5. Электронный ресурс. URL: http://www.vsrp.ru/vscourt_detale.php?id=1848
14. Кузнецова И.А. Методы уголовно-правовой политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11: в 2 ч. Ч. I.
15. Кузнецов К.В. К вопросу о новом Уголовном кодексе Российской Федерации // Закон и порядок: материалы VI Международной научно-практической конференции (29 октября 2012 г.): сборник научных трудов. М.: Спутник +, 2012.

И.Г. Кизимова
(Казанский юридический институт МВД России)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается вопрос об эффективности образовательного процесса на занятиях по иностранному языку через применение интерактивных технологий.

Ключевые слова: интерактивное обучение, информационные технологии, интерактивная доска.

The article deals with the issue of effectiveness of educational process at the English lessons through the use of interactive technologies.

Key words: interactive training, informational technologies, interactive board (smart-board).

Современность предъявляет высокие требования к обучению, практическому владению иностранным языком в повседневном общении и профессиональной сфере. Объемы информации растут, и часто рутинные способы ее передачи, хранения и обработки являются неэффективными. Использование информационных технологий раскрывает огромные возможности компьютера как средства обучения.

Формирование ключевых компетенций по предмету «Иностранный язык» требует активного включения в учебный процесс информационно-коммуникационных технологий: аудио- и видеоматериалов, интернет-ресурсов, а также применение современных технических средств: компьютеров, проекторов, интерактивных досок.

Активное использование интерактивной доски как средства повышения интенсификация процесса обучения является одним из актуальных нововведений.

Интерактивная доска — это устройство, позволяющее лектору или докладчику объединить два различных инструмента: экран для отображения информации и обычную маркерную доску. Работа с интерактивной доской не требует специальных знаний или навыков. Интерактивная доска

подключается к компьютеру и проектору перед началом работы. Изображение проецируется на интерактивную доску от любого источника: компьютерного или видеосигнала.

По сравнению с традиционными учебно-методическими средствами, компьютерные средства обучения обеспечивают новые возможности при обучении иностранному языку. К основным преимуществам ИКТ можно отнести:

- Создание условий для самообучения, самостоятельной проработки учебного материала;
- Более глубокая индивидуализация обучения и обеспечение условий для его вариативности;
- Интенсификация процесса обучения;
- Высокая степень аутентичности;
- Работа с доской в полной мере позволяет реализовать принцип наглядности;
- Создание новой обучающей среды;
- Возможность взаимодействия с виртуальными образами и моделями изучаемых лингвистических объектов и процессов, высокая степень интерактивности обучения;
- Возможность автоматизированного контроля, учета результатов учебного про-

цесса и более объективное оценивание знаний и умений;

- Значительное повышение мотивации обучения.

На сегодняшний день наиболее популярным программным обеспечением для интерактивной доски являются программные оболочки «Notebook» и «Lynx 4», они просты в применении, удобный интерфейс облегчает процесс создания интерактивных заданий. Данное программное обеспечение позволяет одновременно работать с текстом, графическим изображением, аудио- и видеоматериалами, управляя процессом работы с помощью указки по сенсорной поверхности доски.

Возможность анимации, перемещение объектов, изменение и выделение наиболее значимых элементов при помощи цвета, шрифта позволяют задействовать визуальные, аудиальные, а также кинестетические каналы усвоения информации.

Кроме того, программные оболочки «Notebook» и «Lynx 4» позволяют четко структурировать занятия. Возможность сохранять уроки, дополнять их записями улучшает способ подачи материала. Страницы можно просматривать в любом порядке, демонстрируя определенные темы и возвращаясь к изученному материалу, а рисунки и тексты перемещать с одной страницы на другую. Очень удобно размещать иллюстрированные задания на слайде при выполнении тестовых заданий и самостоятельных работ или в рамках обобщающего урока. Большой экран и наглядность позволяют разрешить вечную проблему раздаточного материала.

Особыми преимуществами обладает интерактивная доска для обучения иностранным языкам. Заранее подготовленные тематические тексты, обучающие и проверочные упражнения, иллюстрации, аудио- и видеоматериалы служат опорой для введения или активизации материала урока, повторения и закрепления речевых моделей и грамматических структур, совершенствования навыков чтения и восприятия

иноязычной речи на слух, контроля и самоконтроля знаний.

Работа с интерактивной доской обеспечивает преемственность, полноту и согласованность логической подачи материала при изучении языковых аспектов и совершенствовании умений и навыков учащихся, а также в процессе формирования социокультурной компетенции для презентации страноведческого материала по географии, культуре, истории, традициям стран изучаемого языка.

На уроках английского языка интерактивная доска может применяться на различных этапах урока и при обучении различным видам речевой деятельности: во время фонетической и речевой зарядки, введения и отработки лексики и речевых моделей, активизации грамматического материала, обучению правописанию и восприятию иноязычной речи на слух.

В соответствии с целями конкретного урока, задачами по отработке практикуемых видов речевой деятельности можно использовать определенный инструментарий. На схеме (рис.1) представлены ресурсы доски для обучения устной речи.

При обучении *устной речи* на начальном этапе возникает необходимость управлять высказываниями обучающихся. Для этого преподаватель использует разнообразные опоры (вербальные и не вербальные): фотографии, схемы, диаграммы. Опоры всегда информативны и служат стимулом к высказыванию. В ходе ответа обучающегося, преподаватель может комментировать материал на интерактивной доске: выделять, подчеркивать важные участки, вносить исправления в текст посредством электронных маркеров. Часто применяются «структурные скелеты», состоящие из вопросительных вопросов (рис. 2) или неполных предложений (рис. 3), стимулирующих употребление усвоенной лексики.

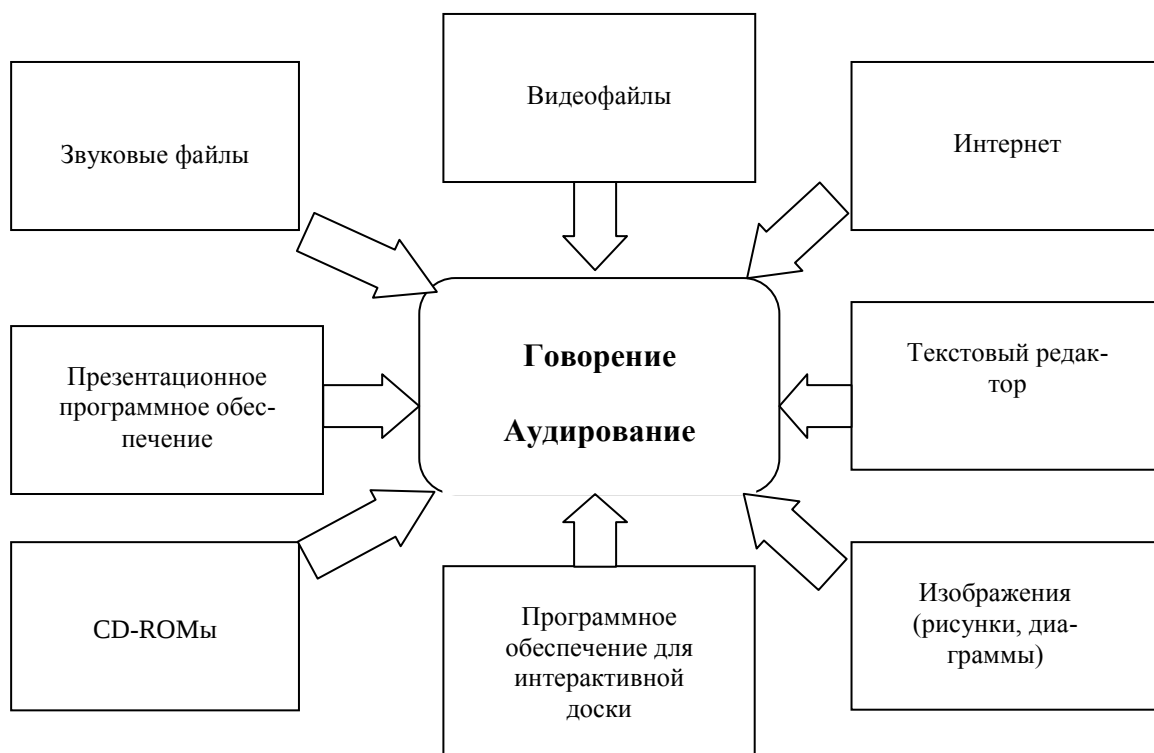

Рис.1

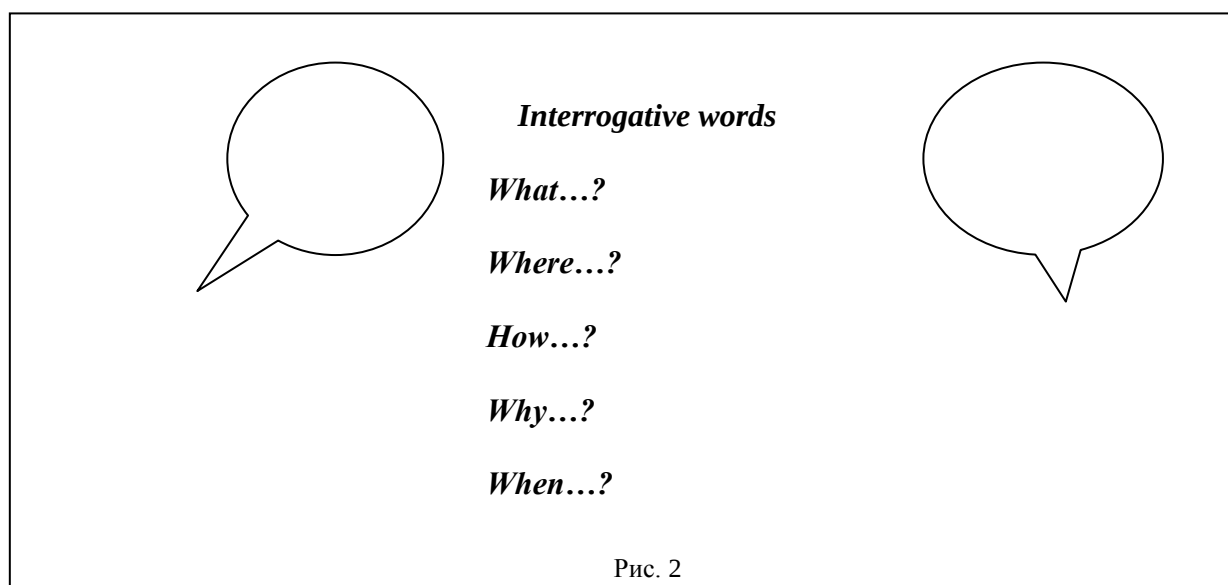
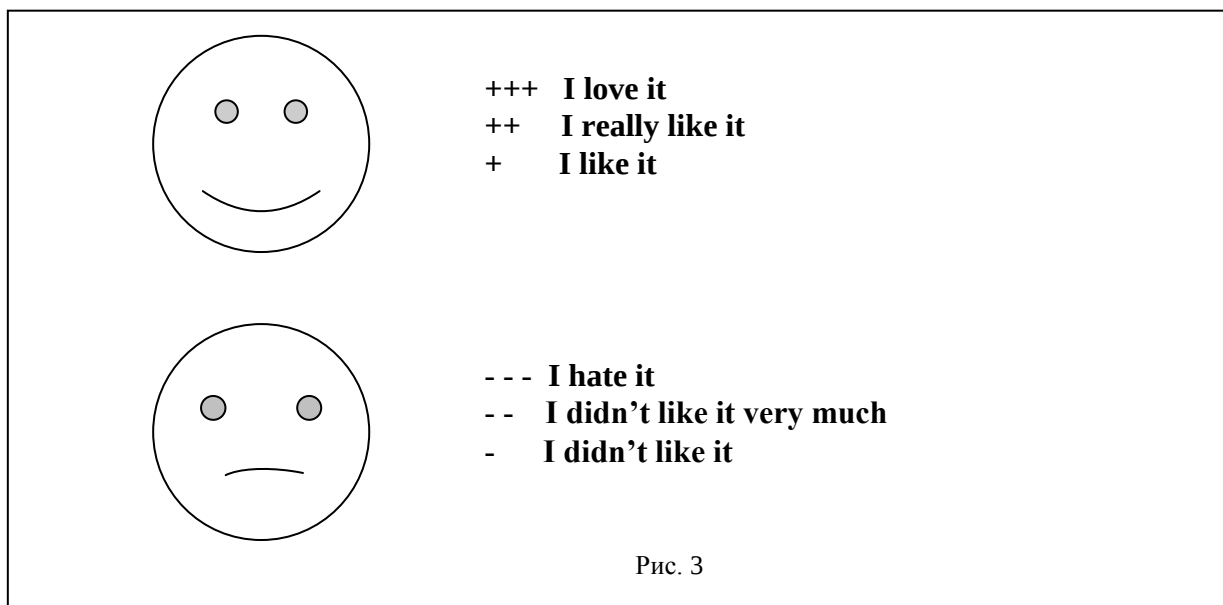

Рис. 2

При обучении *чтению* используются приемы « Установление соответствий», «Восстановление деформированного текста», «Выделение необходимой информации», «Текст с пропусками».

Коммуникативную ценность при обучении *говорению* имеют задания: « Незаконченное предложение», « Соотнесение реплик в диалоге», « Установление соответствий».

При введении *лексического материала* наиболее эффективными являются такие приемы как: «Уберите лишнее», « Распределите на группы», «Сопоставление», «Заполнение пробелов». Для разработки данных заданий используется функция клонирования, которая позволяет увеличить количество одинаковых объектов. На их материале можно не только вводить новые лексические единицы, но и обучать постановке вопроса, составлению высказывания, организации речевой ситуации, что способствует развитию коммуникативных умений.

Аудиозаписи, сделанные носителями языка, удобный интерфейс, игровая форма позволяют заинтересовать ученика и добиться определенных результатов при обучении восприятию и пониманию иностранной речи на слух.

При отработке *грамматического материала* можно использовать приемы: «Найдите ошибку», «Уберите лишнее», «Запол-

нение пробелов», «Текст с пропусками», «Создание схем».

Во время презентации грамматического явления можно представить схему, используя разные цвета для привлечения внимания учащихся к тому или иному аспекту.

Опыт использования интерактивных технологий на занятиях по английскому языку позволил сделать следующие выводы:

- Систематическая работа с интерактивной доской обеспечивает целостность и последовательность усвоения учебного материала, предоставляет обучающимся возможность для проявления самостоятельности, как в выборе тестов, так и в способах выполнения заданий, содействует повышению мотивации, созданию оптимальных условий для самоконтроля.

- Анализ занятий и интерактивных заданий к ним доказывает, что использование интерактивной доски позволяет включить всех учащихся в процесс познания на максимальном для каждого обучающегося уровне успешности, стимулировать развитие мыслительной и творческой активности, интенсифицировать процесс обучения, способствовать увлечению предметом, созданию наилучших условий для овладения навыками говорения и восприятия речи на слух, что обеспечивает, в

конечном счете, эффективность усвоения материала на уроках иностранного языка.

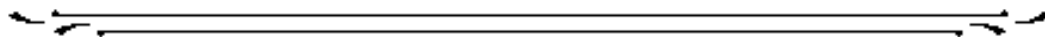
- Использование интерактивной доски в учебном процессе значительно повышает эффективность усвоения материала учащимися при значительной экономии времени. Работа на занятии становится живым действием, вызывающим у обучающихся неподдельную заинтересованность, а также способствует совершенствованию практических знаний и речевых умений, развитию социокультурной компетенции обучающихся, совершенствованию навыков общения на иностранном языке.

- Работа с электронной доской расширяет возможности преподавателя в выборе материалов и форм учебной деятельности.

- Многообразие ресурса доски позволяет применять ее на различных этапах обучения: как на начальном этапе, так и на более продвинутом.

- Кроме того, в методической работе преподавателей расширяются возможности для обмена опытом и совершенствования мастерства.

Таким образом, интерактивное обучение на основе компьютерных обучающих программ позволяет более полно реализовать целый комплекс методических, дидактических, педагогических и психологических принципов, делает процесс познания более интересным и творческим, позволяет учитывать индивидуальный темп работы каждого обучаемого. Практическое использование ИКТ и интернет-ресурсов предполагает новый вид познавательной активности обучаемого, результатом которой является открытие новых знаний, развитие познавательной самостоятельности учащихся, формирование умений самостоятельно пополнять знания, осуществлять поиск и ориентироваться в потоке информации.

О.А. Кононов,
слушатель
(Академия управления МВД России)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ
С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОПЕРАТИВНЫХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИМ
ПРОЯВЛЕНИЯМ СРЕДИ МОЛОДЕЖНЫХ
ГРУППИРОВОК**

В работе рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью экстремистских организаций, членами которых являются молодые люди.

Ключевые слова : экстремизм, религиозные организации, молодые люди, преступления экстремистской направленности.

In work are considered questions, connected with activity organization, which member are a young people.

Keyword: extremism, religious organizations, young people, crimes to directivities.

Экстремизм[1] являет собой приверженность крайним взглядам и, в особенности, мерам. К ним можно отнести провокацию беспорядков, гражданское неповиновение, террористические акции, а также методы партизанской войны. Он может быть вызван разными факторами: сломом социальных структур, экономическим и социальным кризисом, ослаблением государственной власти, ростом антисоциальных поведений и пр. Для противодействия экстремистской деятельности государству следует принимать профилактические меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, устранение причин и условий, которые способствуют проявлениям экстремизма. Государству также следует выявлять, предупреждать и пресекать экстремистскую деятельность общественных и религиозных объединений, других организаций и физических лиц. Между тем сложность выработки понимания сущности экстремизма связана с тем, что даже в статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»[2] экстремизм трактуется как деятельность общественных объединений, иных организаций и физических лиц,

направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации [3].

В то же время, как видно из приведенных дефиниций, идеологическая составляющая выступает одной из главных при построении не только на территории нашей страны, но и международной экстремистской инфраструктуры, когда отпадает необходимость в повседневном руководстве экстремистскими группировками, действующими автономно в русле его идеологических и практических установок. Идеология экстремизма распространяется не только через средства массовой информации (СМИ), но и через «всемирную паутину» – Интернет. Экстремизм не имеет национального лица и возрастных категорий, это направление распространено в любом государстве и практически среди любого этноса, вне зависимости от вероисповедания и иных убеждений. В настоящее время среди различных групп населения наиболее подвержена экстремистскому влиянию молодежь [4], в связи с тем, что в подростковом возрасте начинается кризис в развитии личности, выражающийся в потере идентичности. Подросток чувствует необходи-

мость утвердить себя как яркую и неповторимую индивидуальность. Основной контингент экстремистов можно соотнести по формальным основаниям – молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет; их доля в числе лиц, совершивших преступления экстремистского характера, в 2012 году составила примерно 2,3%. В подобной ситуации экстремистская группа может стать для них новой семьей, в которой сможет ощутить чувство братства, тем более, что внешне цели таких групп обычно выглядят позитивно, поскольку они стремятся к достижению справедливости, к благу для всех людей, и в их идеологии переплетены романтика жертвенности, героизм, ощущение возможности изменить мир к лучшему. К сожалению, этот вид преступной деятельности не нов[5]. Молодежное движение так называемых бритоголовых, или скинхедов (скинхеды, разг. скины ([англ. skinheads](#), от *skin* – кожа и *head* – голова) – собирательное название представителей [молодёжной субкультуры](#), а также нескольких её ответвлений) – возникло еще в 60-х годах XX века в Европе. Скинхеды различаются по своей идеологии: так называемые Traditional Skinheads (традиционные) ориентируются на семейные ценности, рабочий класс, антирасизм и аполитичность; Red & Anarchist Skinheads – красные, преданы идеям социализма, коммунизма и анархизма; другие – Nazi skinheads – придерживаются национал-социалистической идеологии, выступают за расовый сепаратизм и превосходство одной расы над другой. По оперативным данным [6], на территории Российской Федерации действует свыше 500 групп экстремистской направленности, которые исповедуют различную идеологию, такие, как: межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия»; международное общественное объединение «Национал-социалистическое общество»; рязанская городская общественная патриотическая организация «Русское национальное единство»; региональное общественное объединение «Национал-социалистическая рабочая партия России». В том числе и славянского направления –

межрегиональное общественное движение «Славянский союз»; «Русское национальное единство»; «Русский общенациональный союз» и др. Все эти партии действуют нелегально, так как их деятельность на территории Российской Федерации запрещена в соответствии с положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Проблема экстремизма возникает и приобретает особую остроту в период социальных конфликтов. Он встроен в насильственную преступность. Его уровень и конкретные формы проявлений представляют собой показатель, с одной стороны, общественной нравственности, а с другой – эффективности усилий общества и государства по решению задач, направленных на выявление, предупреждение и раскрытие этого вида преступлений. Причины возникновения экстремизма весьма многообразны, однако применительно к Российской Федерации главной следует признать социальную дезорганизацию ее населения. Большое его имущественное расслоение ведет к тому, что население (социум) перестает функционировать как единый организм, объединенный едиными целями, идеями и общими ценностями. Нарастает социальная напряженность (имущественное расслоение), появляются отдельные лица и объединения, стремящиеся изменить сложившиеся общественные, а зачастую и религиозные нормы и правила, в том числе и насильственными методами. Особо следует подчеркнуть, что социальную базу экстремистских групп составляют люди, относимые к категории аутсайдеров (аутсайдер ([англ. outsider](#) – посторонний) [неудачник](#), [проигравший](#)), не сумевшие адаптироваться к современным условиям жизни (молодежь, не имеющая образования и достойного уровня жизни, безработные, лица, уволенные по сокращению из Вооруженных Сил и правоохранительных органов).

Достаточно широкое вовлечение молодежи в экстремистские организации и движения объясняется не только неудовлетворенностью материальной стороной жизни. Снижение идеологической (религиозной) составляющей в воспитательном процессе привело к утрате нравственных ориентиров. Тради-

ционные для российского менталитета нравственные ценности, такие, как патриотизм, интернационализм, веротерпимость, подверглись широкомасштабной деструктивной обработке извне (нередко принимавшей характер манипуляции общественным сознанием). Именно молодежь, не способная критически подходить к содержанию публикаций в СМИ ввиду отсутствия жизненного опыта, оказалась наиболее подверженной такому влиянию. Противоречивость современного состояния молодежи заключается в том, что, с одной стороны, она является важнейшим источником преобразующей и развивающей общество энергии, а с другой – социальной группой, склонной к деструктивным, криминогенным действиям. При этом важной особенностью современного правосознания молодежи является то, что ее большая часть критически относится к различного рода институтам государственной власти и, в первую очередь, к правоохранительным органам. Как результат следует отметить дезориентацию части молодежи, отсутствие четких представлений об истории и перспективах развития страны, а также утраты чувства сопричастности и ответственности за судьбу страны [7].

По данным Фонда социальных технологий «Содействие и партнерство», проводившего опрос школьников различных регионов Российской Федерации, 20% детей против законодательного запрещения нацистской символики, 21% – знакомы с литературой профашистского толка, 6% – полностью разделяют взгляды отечественных фашистов, а 25% разделяют их частично. По оперативным данным ГУ МВД России по Московской области, на ее территории действуют 32 экстремистские молодежные группировки, а по аналогичным данным МВД по Республике Ингушетия, в 2011 году членами экстремистских объединений стало свыше 1 000 лиц в возрасте от 12 до 15 лет. Особенности молодежного экстремизма проявляются в том, что, как правило, объектом правоприменительной деятельности молодые люди становятся лишь тогда, когда совершают преступления, относимые к категории тяжких и особо тяжких (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, незаконный оборот огнестрельного оружия и т.д.). Преступления экстремистского характера носят неочевидный характер, когда само преступление, например, поджог здания органа внутренних дел (полиции), выявлено и в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Фе-

дерации возбуждено уголовное дело, а лицо (лица), его совершившее, не установлено. В дальнейшем в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 208 данного кодекса оно будет приостановлено, соответственно, задачу по раскрытию преступления по-прежнему придется решать с применением сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. В целом не только по раскрытию, а также по выявлению, пресечению и предупреждению, тем более, что они в перечислены в статье 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также в статьях 2 и 12 Федерального закона «О полиции», где полиции прямо предписывается выявление и пресечение преступлений экстремистской направленности.

Решающая роль в реализации указанных задач принадлежит МВД, ГУ МВД, У МВД России по субъектам Российской Федерации и ГУ МВД России по федеральным округам и их оперативным подразделениям, так как на них возлагаются функции организационного и управленческого обеспечения противодействия экстремизму в молодежной среде на территории Российской Федерации. В их структуре и на различных уровнях созданы и действуют центры (группы)[8], также являющиеся самостоятельными оперативными подразделениями, в пределах своих полномочий реализующие функции и задачи Центра «Э» МВД России. В частности, на них возложено:

- непосредственное проведение оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности;
- подготовка и представление руководству МВД, ГУ МВД, У МВД России по субъектам Российской Федерации и ГУ МВД России по федеральным округам аналитических и информационно-справочных материалов и отчетов по итогам своей оперативно-служебной деятельности;
- оперативное сопровождение уголовных дел;

- участие в формировании и ведении информационных баз данных;
- осуществление иных функций, предусмотренных нормативными правовыми актами МВД России.

В территориальных органах МВД России (отделах полиции)[9] решением задач по противодействию рассматриваемому виду преступлений, как правило, занимаются один или два сотрудника оперативного подразделения, несмотря на то, что в настоящее время не только оперативные подразделения территориальных органов МВД России, но и иных правоохранительных органов[10] должны противодействовать преступлениям данной направленности. В последние годы экстремистская деятельность молодежных группировок, ориентированных на борьбу с «засильем мигрантов и инородцев», создает угрозу национальной безопасности нашей страны. По данным ГИАЦ МВД России, за последние пять лет, наблюдается рост преступлений экстремистской направленности: если в 2005 году были зарегистрированы 152, то в 2010 году уже 656, из них не раскрытыми остаются 75 преступлений, число убийств по националистическим мотивам увеличилось с 66 в 2005 году до 176 в текущем году. Достаточно вспомнить 34 убийства лиц из Средней Азии в городах Москве и Санкт-Петербурге, а также на территории Московской области в 2008 году. Только благодаря слаженной работе всех правоохранительных органов, с использованием сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, была пресечена деятельность 12-ти молодежных группировок националистической направленности общей численностью 59 человек. В 2012 году было приостановлено 42% уголовных дел от числа направленных в суд, из них 56% за неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. В 46,7% у подсудимых суды изменили квалификацию экстремистских деяний.

Отличительная особенность этих составов преступлений состоит в том, что их применение не требует преюдиции, т.е. установленного судом факта экстремизма

и, соответственно, запрещения деятельности организации. Для применения указанных норм достаточно факта совершения запрещенных действий. Следовательно, их можно реализовывать в процессе проверки оперативной информации, полученной от граждан, оказывающих содействие[11] оперативным подразделениям территориальных органов МВД России. Эффективность борьбы с преступлениями экстремистской направленности предполагает не только выявление лиц, непосредственно осуществляющих или готовящихся их осуществить, но и тех, кто тем или иным способом, в той или иной форме содействует в этом. Подрыв корней экстремизма, перекрытие каналов его подпитки людскими, материальными, в том числе и финансовыми ресурсами является необходимым условием борьбы с этим явлением современности. Выявление данной категории лиц требует знания их психологических особенностей: для них характерна повышенная религиозность, этноцентризм, неразборчивость в средствах по выполнению задач, поставленных им руководителями экстремистских организаций и нежелание идти на контакт с сотрудниками оперативных подразделений территориальных органов МВД России. В связи с этим на первоначальном этапе работы необходимо выяснить наличие таких лиц на обслуживаемой территории, места их компактного проживания и сбора. Источниками получения необходимых данных, помимо них, являются подразделения ФМС России, а также информация, поступающая из учебных заведений того или иного уровня, где, как правило, формируются устойчивые группы молодых людей с различной идеологией. К сбору информации необходимо привлекать сотрудников других заинтересованных служб территориальных органов МВД России, в первую очередь, участковых уполномоченных [12], по выявлению следующих категорий лиц:

- имеющих непосредственное отношение к совершению преступлений экстремистского характера;

-намеревающихся совершить преступления экстремистского характера, то есть вынашивающих умысел, а также совершающих подготовительные к этому действия (последние могут выражаться в формировании преступных групп, приобретении оружия, в подготовке условий, обеспечивающих осуществление преступного замысла);

-с психическими отклонениями, так как подобные отклонения от норм могут перерасти в преступления экстремистского характера.

В процессе выявления фактов преступной экстремистской деятельности необходимо использовать также возможности контактов с лицами, располагающими интересующей информацией. В процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудники оперативных подразделений территориальных органов МВД России имеют возможность:

-осуществлять сбор сведений об оперативной обстановке на определенных территориях и объектах оперативного обслуживания, выявлять причины, условия и иные обстоятельства, способствующие совершению этого вида преступлений;

- устанавливать лиц, от которых, судя по их антиобщественному поведению, следует ожидать совершения правонарушений данного вида.

Таким образом, состояние преступности экстремистской направленности среди молодежи в целом по России остается крайне серьезным. Сейчас можно говорить, что она переходит в качественно новую фазу своего развития. Формируется своеобразная криминальная субцивилизация, и она определяет поведение значительного большинства молодежи. Необходимо выбирать и использовать те методы и средства, которые в настоящее время дают наиболее высокую отдачу по противодействию экстремизму в молодежной среде.

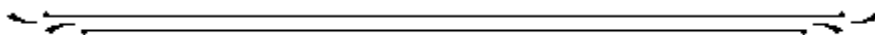
ЛИТЕРАТУРА

1. Социальная психология. Словарь/ под. ред. М.Ю. Кондратьева. М.: ПЕРСЭ. 2006.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ (с изм. от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.).
3. Лукашин М.В., Огурцов А.Е. Проблемы правового регулирования и осуществления безопасности общества и государства от угроз экстремизма // Право и безопасность. Изд-во: Межрегиональное общественное движение «За правовую поддержку отечественных товаропроизводителей». М., 2012. № 2.
4. Сальников Е.В. Трансформация категории экстремизма как становление современной политической преступности // Безопасность бизнеса. 2008. № 4.
5. Гричанин А.Г., Травкин В.В. Вопросы профилактики и раскрытия преступлений, совершаемых участниками молодежных экстремистских объединений. ОРР № 2 МВД России. М., 2005.
6. Аналитическая справка Главного управления по противодействию экстремизму МВД России «О мерах, принимаемых органами внутренних дел Российской Федерации по противодействию экстремистской деятельности» за 2012 год.
7. Верховский А.М., Кожевников Г.В., Сибирев О.А. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2009 году// Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 году: сборник ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА». М.: Центр «СОВА», 2010.
8. Об утверждении типового положения о центрах (группах) по противодействию экстремизму МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации и примерной модели организационного построения центров по противодействию экстремизму МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации: приказ МВД России от 31 октября 2008 г. № 942.
9. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 21 апреля 2011 г. № 222.

10. О взаимодействии Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности Российской Федерации в целях повышения эффективности деятельности учреждений (подразделений), осуществляющих проведение расследований и экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма: приказ Минюста России, МВД России, ФСБ России от 25 ноября 2010 г., № 362/810/584.

11. Об оперативно-розыскной деятельности Федерального закона от 12 августа 1995 г., № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

12. Пункты 9.12, 14.1, 14.5, 70 приказа МВД России от 16 сентября 2002 г. № 900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции» (с изм. и доп. от 3 мая 2003 г. № 300; от 30 марта 2006 г. № 217; от 12 апреля 2007 г. № 356).

А.Л. Юнусов,
адъюнкт
(Казанский юридический институт МВД России)

**ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 238 УК РФ**

В статье анализируются проблемы объекта и предмета преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ. Выделяется совокупность взглядов по поводу объекта и предмета производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Ключевые слова: объект преступления, классификация объектов, здоровье населения, предмет преступления, стандартизация, сертификация.

This article analyzes the problem of object and subject to article 238 of the criminal code. Selects the aggregate viewpoints about the object and the subject of production, storage, transport or marketing of goods and products, performance of works or provision of services do not meet safety requirements.

Keywords: object, object classification, health, crime, standardization, certification.

В науке уголовного права существует множество актуальных и не решенных однозначно проблем, одной из которых на сегодняшний день является проблема объекта преступления.

Необходимость изучения вопросов, связанных с объектом уголовно-правовой защиты, определяется тем, что объект преступления имеет важное уголовно-правовое значение. С объектом преступления соотносится общественная опасность, а значит, и социальная сущность преступления. Свойства объекта преступления определяют объем и пределы уголовно-правовой охраны, его юридические признаки.

Бывает, что различные отрасли права регулируют однородные общественные отношения. Отметим также, что уголовный закон защищает особенно значимые общественные отношения, которые отражены в ст. 2 УК Российской Федерации. Это права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Рос-

сийской Федерации, мир и безопасность человечества.

Общественные отношения с участием потребителей начинают регулироваться уже на уровне Конституции РФ, в которой закреплены права граждан на охрану здоровья и образование. Существенное регулирование общественных отношений с участием потребителей осуществляется нормами гражданского законодательства, которым установлены правовые основы участия граждан и организаций в гражданском обороте. Дополняют нормы гражданского законодательства и иные нормативные акты, среди которых мы выделяем Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 28.07.2012 г.) [1]. В нём содержатся права на приобретение качественных товаров, работ или услуг, безопасных для жизни и здоровья, на получение информации как о товарах, так и об изготовителях, а также право на государственную и общественную защиту их интересов. Сущность уголовной защиты отношений, содержащихся в ст. 238

УК, определяется реальной угрозой причинения или фактическим причинением вреда здоровью потребителя в связи с использованием товаров, продукции, работ или услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Одним из центральных институтов российского уголовного права является состав преступления, в соответствии с содержанием которого формируется Особенная часть Уголовного кодекса. В соответствии с составом преступления осуществляется и квалификация преступлений, в зависимости от того или иного вида преступного деяния дифференцируется уголовная ответственность [2]. Кроме того, состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности. Уголовный кодекс не содержит определения «состав преступления». Традиционно большинство ученых под составом преступления понимают совокупность объективных и субъективных признаков, которые характеризуют общественно опасное деяние как преступление [3]. Главным элементом состава является объект преступления.

Установить сущность объекта преступления помогает их научно обоснованная классификация, которая позволяет осознать влияние объекта преступления на развитие уголовного законодательства. Классификация позволяет установить место отдельного объекта в общей системе общественных отношений, его ценность и общественную опасность причинения ему вреда.

В настоящее время в науке уголовного права объекты преступления группируются по «вертикали» и по «горизонтали». В современной отечественной уголовно-правовой доктрине существует нетрадиционная четырехступенчатая классификация объектов преступления, в соответствии с которой в Уголовном кодексе РФ 1996 года по «вертикали» законодатель поделил объекты на общий, родовой, видовой и непосредственный. Поэтому действующий Уголовный кодекс, отличается от прежних своей принципиально иной структурой, которая в Особенной части делится не только на главы, но и на разделы. Класси-

фикация по «горизонтали» проводится на уровне непосредственного объекта преступления. В соответствии с чем объекты делятся на три вида – основной, дополнительный и факультативный.

В самых общих чертах в отечественной уголовной доктрине в качестве исходных понятий при определении объекта преступления рядом ученых признаются *общественные отношения* [4], а другими – *социальные и материальные ценности, блага, интересы и даже люди* [5].

Мы согласны с классической трактовкой объекта преступления и, в свою очередь, считаем, что им являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается реальная угроза причинения вреда [6].

Рассмотрим объекты, относящиеся к ст. 238 УК РФ «по вертикали». Многие отечественные ученые под общим объектом понимают совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом, ссылаясь при этом на ст. 2 УК РФ, в которой указаны наиболее важные общественные отношения, взятые под охрану уголовного закона. По мнению Н.Г. Иванова [7], для практики правоприменения, процесса квалификации преступлений и формирования уголовного законодательства вполне достаточно понятия объекта преступления как одного из элементов состава преступления, символизирующего общественные отношения. Мы полагаем, что определение понятия общего объекта преступления не имеет практического значения. Однако, чтобы сформировать более полное представление, обратим внимание, что в уголовно правовой доктрине общим объектом преступления признаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. А значит, общим объектом производства и сбыта товаров, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, являются обозначенные выше общественные отношения.

Как часть общего объекта родовой объект представляет собой совокупность однородных, взаимосвязанных обществен-

ных отношений, на которые посягает преступление и нормы об ответственности, за совершение которых содержатся в одном разделе УК России. Статья 238 УК находится в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», значит, родовым объектом преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ, является общественная безопасность.

Толковый словарь В. Даля раскрывает понятие «безопасный» как неопасный, не угрожающий, не могущий причинить зла или вреда, безвредный, верный, надежный [8]. Мы полагаем, что безопасность – это, прежде всего, состояние защищенности наиболее значимых интересов как отдельной личности, так общества и государства в целом от возможных угроз.

Являясь составной частью родового объекта и объединяя совокупность родственных общественных отношений, видовой объект лежит в основе деления преступлений на главы Особенной части. Раздел IX содержит в себе главу 25, которая включает в себя уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Следовательно, видовой объект ст. 238 УК составляет здоровье населения и общественная нравственность.

Изучение понятия «здоровье населения» предполагает определение сущности категорий «здоровье» и «население». Мы согласны с В.Н. Смитиенко, который отмечал, что «население – это непрерывно возобновляющаяся в ходе воспроизводства социально организованная совокупность людей, живущих в пределах страны и являющихся субъектом общественных отношений» [9].

Более сложным по составу является понятие «здоровье». Существует различное множество толкований понятия «здоровье». Преамбула Устава Всемирной организации здравоохранения гласит, что «здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». Согласно Толко-

вому словарю русского языка здоровье – это «нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [10]. Лопатин В.В. определяет «здоровье» как правильную, нормальную деятельность организма [11]. А.Е. Шалагин в своей работе определил здоровье населения как «охраняемую уголовным законом, обособленную группу общественных отношений, отражающих физическое и психическое благополучие людей, объединенных одной территорией или местностью, условиями проживания, труда и отдыха» [12]. Большой энциклопедический словарь толкует «здоровье» как «естественное состояние организма, характеризующееся отсутствием каких-либо болезненных изменений» [13]. Медицинская энциклопедия определяет «здоровье» как «качество жизнедеятельности человека, характеризующееся совершенной адаптацией к воздействию на организм факторов естественной среды обитания, способного к деторождению с учетом возраста и адекватности психического развития, обеспечиваемое нормальным функционированием всех органов и физиологических систем организма при отсутствии прогрессирующих нарушений структуры органов и проявляющееся состоянием физического и духовного благополучия индивидуума при различных видах его активности, в частности трудовой деятельности» [14]. В.Ф. Кириченко считал, что родовым объектом преступлений против здоровья населения являются общественные отношения, регулируемые правилами, обеспечивающими охрану населения от эпидемий, отравлений и т.п. [15]. М.А. Ефимов считал, что «здоровье населения в качестве объекта уголовно-правовой охраны означает как здоровье конкретных лиц, которым может быть причинен ущерб в результате, например незаконного врачевания, так и здоровье целых социальных групп, проживающих в той или иной местности, которое может пострадать вследствие нарушения правил борьбы с эпидемиями и других подобных этому преступных посягательств» [16]. Мы вынуждены констатировать, что на настоящий момент законода-

тельного определения понятия «здоровье» нет. Единого мнения о здоровье населения как об объекте уголовно-правовой охраны не существует и в современной юридической науке. По данному вопросу ведется дискуссия. Однако в рамках данной статьи, под видовым объектом уголовно-правовой защиты мы понимаем общественные отношения, связанные с охраной безопасности здоровья населения всей страны, а не отдельной личности. Действиями, указанными в диспозиции статьи, прежде всего, создается угроза либо причиняется вред здоровью населения, на что прямо указывают свойства товара – не соответствующие требованиям безопасности.

Под непосредственным объектом следует понимать конкретные общественные отношения, поставленные законодателем под охрану определенной уголовно-правовой нормой и которым преступление причиняет вред. Следовательно, непосредственным объектом ст. 238 УК РФ являются общественные отношения, возникающие между изготовителем товаров и продукции, исполнителем работ или услуг, продавцом, а также лицом, удостоверяющим соответствие указанных товаров (продукции, работ, услуг), и потребителем товаров и продукции, выполнения работ и услуг, отвечающих требованиям безопасности и обеспечивающих здоровье населения.

Рассмотрим объекты, относящиеся к ст. 238 УК РФ «по горизонтали». Суть этой классификации сводится к тому, что на уровне непосредственного объекта самостоятельно выделяются основной, дополнительный и факультативный объекты. Необходима такая классификация, когда одно преступление причиняет ущерб нескольким общественным отношениям.

В теории уголовного права под основным объектом понимается общественное отношение, которое законодатель, прежде всего, ставит под охрану, принимая уголовный закон. Основным объектом ст. 238 УК является здоровье населения, поскольку именно ему причиняется вред или создается угроза причинения товарами и продукцией, работами или услугами, не отвечающими требованиям безопасности. Ус-

тановление основного объекта позволяет определить ту статью УК РФ, по которой должно квалифицироваться совершенное преступное деяние.

Дополнительным объектом признаются общественные отношения, которым всегда причиняется вред или создается угроза причинения вреда преступным посягательством. Поэтому в рамках ст. 238 УК дополнительным объектом являются отношения в сфере производства и оборота товаров и продукции, выполнения работ и оказания услуг, обеспечивающие материальные и моральные права потребителей, производителей товаров, исполнителей работ и услуг.

Вместе с основным и дополнительным объектами в доктрине выделяется факультативный объект. Традиционно под факультативным объектом понимают общественные отношения, которые в иных случаях заслуживают самостоятельной уголовно-правовой охраны. В качестве факультативного объекта ст. 238 УК РФ, наряду с отношениями собственности, могут выступать интересы государства.

Мы согласны с распространенным в юридической литературе мнением по поводу предмета преступления и разделяем взгляд А.Н. Трайнина на предмет преступления как на вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление [17]. В связи с этим полагаем, что предметом преступления, предусмотренного ст. 238 УК, являются товары, продукция, работы и услуги, не отвечающие требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителя, а также официальные документы, удостоверяющие соответствие товаров, работ или услуг требованиям безопасности.

Государство устанавливает обязательные для всех производителей и исполнителей работ и услуг требования по безопасности товаров, продукции, работ или услуг, тем самым гарантируя населению безопасность в нормальных условиях их использования. По нашему мнению, не отвечающими требованиям безопасности являются товары и продукция, работы и услуги, использование которых в нормаль-

ных условиях причиняет вред жизни или здоровью человека либо создает угрозу причинения такого вреда.

Требования безопасности содержатся в государственных стандартах. По отдельным группам товаров требования безопасности устанавливаются в законодательных актах Российской Федерации. Под стандартизацией мы понимаем деятельность по установлению определенных требований для обеспечения безопасности товаров, продукции, работ или услуг для жизни, здоровья человека, его имущества и окружающей среды. В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. №184 (в ред. от 3.12.2012 г.) «О техническом регулировании» к нормативным документам по стандартизации, используемым на территории России, относятся: национальные стандарты; правила стандартизации, нормы и рекомендации в области стандартизации; общероссийские классификаторы технико-экономической и социальной информации [18].

Ни один товар не может использоваться вечно. Длительное использование товара может представлять угрозу для потребителя. В связи с этим для достижения надлежащего качества и безопасности товаров устанавливаются сроки службы и годности, которые устанавливаются на товары и на результаты работ, использование которых потребителем по истечении определенного периода времени представляет реальную опасность для жизни и здоровья потребителей. В случае, когда вред здоровью причиняется товаром по истечении установленных сроков годности, о которых потребитель был проинформирован, уголовная ответственность изготовителя или продавца товаров и исполнителя работ исключается. Таким образом, ответственность

изготовителя, продавца или исполнителя за произведенный либо проданный товар ограничивается сроком службы или годности товара или работы.

Нарушение требований стандартов, в том числе и реализация товаров без сертификата и даже с нарушением сроков службы и годности самостоятельно не являются основанием для признания товаров не отвечающими требованиям безопасности. Поэтому существует объективная необходимость в разграничении понятий некачественного товара и товара, не отвечающего требованиям безопасности.

Говоря о предмете преступления, предусмотренного ст. 238 УК, необходимо отметить, что предметом являются и официальные документы, удостоверяющие соответствие товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Как известно, подтверждение уполномоченным государственным органом соответствия качества товара обязательным требованиям стандартов достигается вследствие сертификации. Заключительным этапом сертификации является выдача сертификата на товары, работу, услуги, которые могут быть следующих видов:

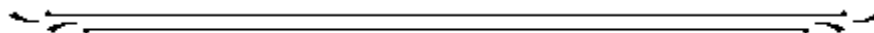
- ✓ Сертификат соответствия,
- ✓ Сертификат качества,
- ✓ Гигиенический сертификат.

Таким образом, исследование проблем объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, представляет как научный интерес, так и весомое практическое значение. Правильное установление общественных отношений, охраняемых ст. 238 УК РФ, и предмета данного преступления имеет важное значение для отграничения преступного деяния от не преступного, а также способствует отграничению ст. 238 УК от смежных составов и правильной квалификации преступных действий виновного.

ЛИТЕРАТУРА

1. СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140; СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4322.
2. См.: Ляпунов Ю. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты // Уголовное право. 2005. №5. С. 44.
3. См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. С. 60-61; Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Гос. юриздат, 1957. С. 59-60.

4. См.: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. С. 15; Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР: Часть Общая. М., 1925. С. 129–130; Уголовное право. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. М.: Юристъ, 1994. С. 110.
5. См.: Истомин А.Ф. Общая часть уголовного права: учеб. пособие / под ред. Ю.И. Ляпунова. М.: ИНФРА-М., 1998. С.57; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 17; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999. С. 86; Уголовное права. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Загородникова, С.В. Бородина, В.Ф. Кириченко. М.: Юрид. лит., 1966. С. 122; Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 135.
6. См.: Истомин А.Ф. Общая часть уголовного права: учеб. пособие / под ред. Н.И. Ветрова. М.: ЮИ МВД РФ, 1996. С. 28.
7. См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. А.И. Рарога, А.С. Самойлова. М.: Высшее образование, 2005. С. 135
8. См.: Даль В.И. Толковый словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 67.
9. См.: Смитиенко В.Н. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в СССР. Киев: Выща шк. Головное изд-во, 1989. С. 11.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 227.
11. См.: Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. – 2-е издание, стереотипное. М.: Русский язык, 1993. С. 167.
12. Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учебное пособие / под ред. Ф.Р. Сундунова, Н.Х. Сафиуллина. М.: ЦОКР МВД России, 2007. С. 18.
13. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 786.
14. Малая медицинская энциклопедия: В 6 т. Т.2 /под ред. В.И. Покровского. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 224.
15. См.: Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения: учебное пособие / под ред. В.А. Владимирова и др. М.: ВШ МВД СССР, 1970. С. 7.
16. Ефимов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Минск: Изд-во Вышэйш. школа, 1971. С. 5.
17. См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Гос. юриздат, 1957. С. 179.
18. СЗ РФ. 2002. №52 (ч.1), ст. 5140; СЗ РФ. 2012. №236.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ИТОГОВАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ» (7 июня 2013 г.)

7 июня 2013 г. состоялась Всероссийская итоговая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы информационного обеспечения органов внутренних дел: вопросы теории и практики». Организаторами конференции выступили сотрудники научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, кафедры института.

В конференции приняли участие преподаватели и сотрудники института, преподаватели Волгоградской академии МВД России, а также сотрудники группы по Республике Татарстан филиала по ПФО «ВНИИ МВД России», адъюнкты института, сотрудники подразделений МВД по РТ.

На пленарном заседании, которое проходило в виде круглого стола в зале ученого совета института, состоялось обсуждение актуальных вопросов информационного обеспечения органов внутренних дел.

С докладами выступили: заместитель начальника института по научной работе кандидат исторических наук, доцент полковник полиции С.Н. Миронов, руководитель группы по Республике Татарстан филиала по ПФО «ВНИИ МВД России» кандидата юридических наук полковник полиции О.Ф. Павлов, помощник министра внутренних дел по РТ по информационным технологиям К.М. Урматов, начальник ИЦ МВД по РТ полковник полиции М.Ш. Галлеев, зам. начальника ЦОРИ МВД по РТ полковник полиции А.Ю. Кнни, профессорско-преподавательский состав института.

С докладом «Преступность в эпоху HIGH-TECH: девиантологический дискурс» выступил доктор социологических наук, профессор Ю.Ю. Комлев. Он проанализировал новые виды «информационной» преступности в современном обществе.

Об обеспечении информационной безопасности уголовно-правовыми средствами рассказал начальник кафедры уголовного права института кандидата юридических наук, доцент М.Р. Гарафутдинов. Основное внимание он уделил изменениям в уголовном кодексе РФ, отражающим новые направления в уголовной политике России.

Интересным было выступление начальника кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России кандидата юридических наук, доцента И.В. Латышова: он обрисовал некоторые аспекты изучения дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» в вузах МВД России.

О внедрении и использовании новых информационных технологий в деятельности МВД по РТ рассказал помощник министра внутренних дел по РТ по информационным технологиям К.М. Урматов.

Вопросы отражения киберпреступности в данных статистики раскрыл в своем докладе доцент кафедры экономической теории, правовой статистики, информатики и математики кандидат физико-математических наук, доцент О.Э. Згадзай.

Важные аспекты информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности ОВД в борьбе с бандитизмом осветил в своем выступлении старший преподаватель кафедры ОРД кандидат юридических наук А.И. Музеев.

В обсуждении докладов активное участие приняли кандидат философских наук, доцент Фаткуллин Ф.Ф., кандидат юридических наук О.Ф. Павлов и др.

Далее работа конференции продолжилась в рамках 4 секций:

- Секция 1. Информационная безопасность России: социально-экономические, историко-правовые и гражданско-правовые аспекты;
- Секция 2. Актуальные проблемы информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел: уголовно-правовые, административно-правовые и криминологические аспекты;
- Секция 3. Уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные проблемы борьбы с преступностью;
- Секция 4. Научно-методическое обеспечение преподавания в юридических вузах системы МВД России.

На секциях были рассмотрены следующие вопросы: предупреждение преступности, в том числе преступности несовершеннолетних; тенденции развития уголовного законодательства РФ на современном этапе, криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы борьбы с преступностью, противодействия проявлениям религиозного экстремизма, деятельности сотрудников полиции по пресечению преступлений в современных условиях и др.

Материалы конференции будут опубликованы в сборнике тезисов докладов.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
7. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
8. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрустальной Ольгой Николаевной (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).